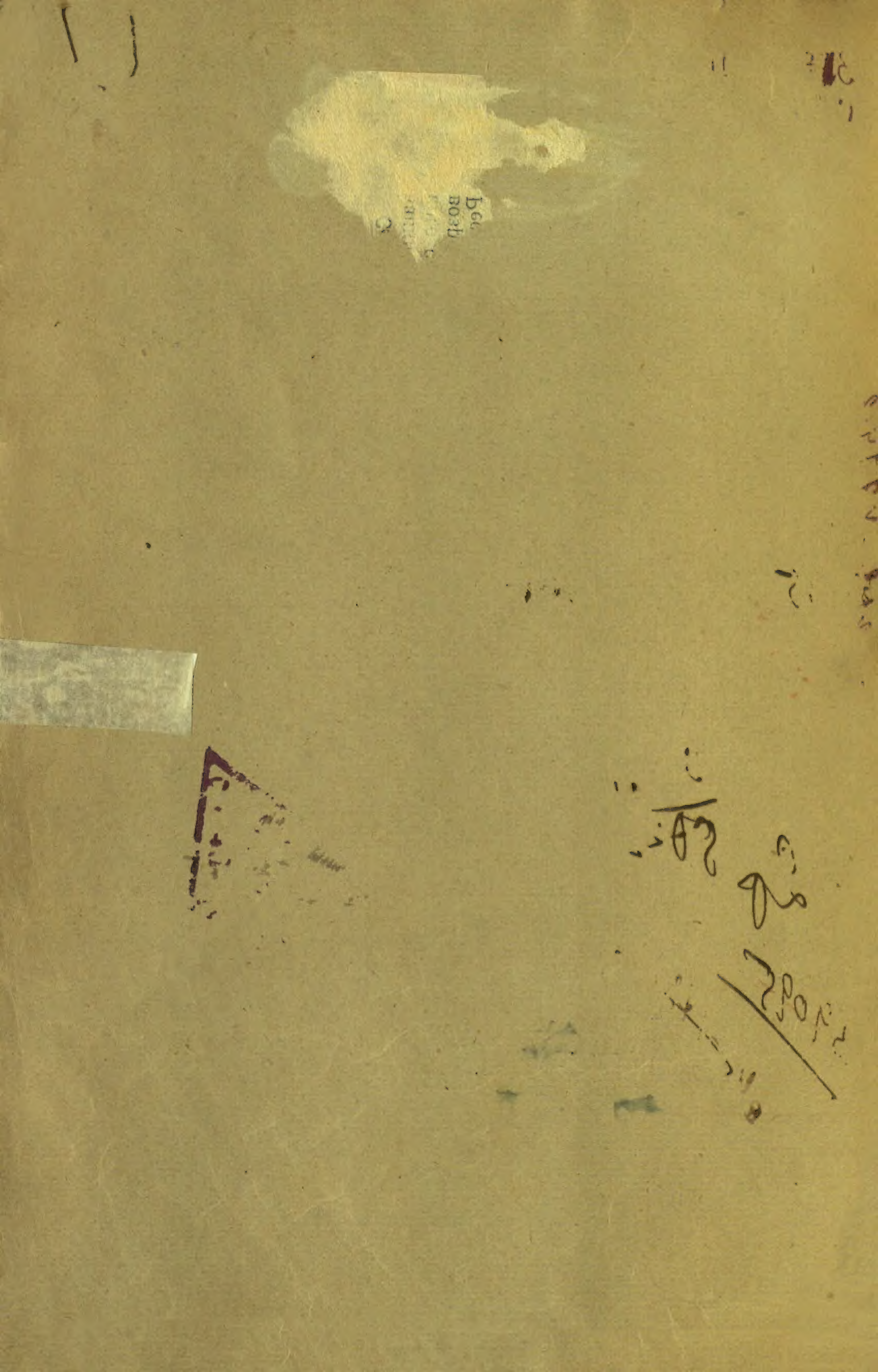

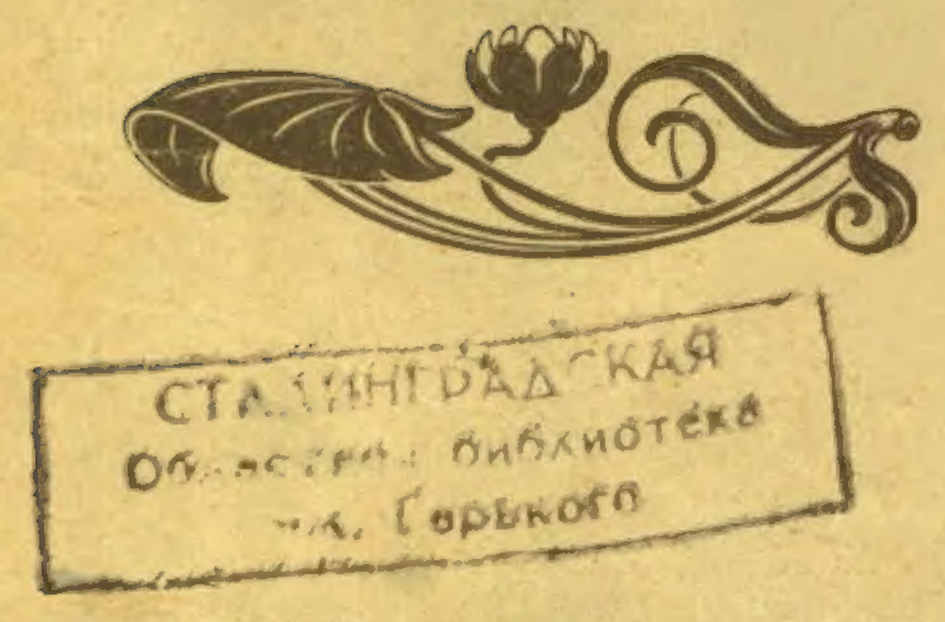

Сборникъ

Областного Войска Донского

Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ IX.

Новочеркасскъ.
„Частная Донская Типографія“
1909.

Печатано по постановленію Областного Войска Донского Статистическаго Комитета.

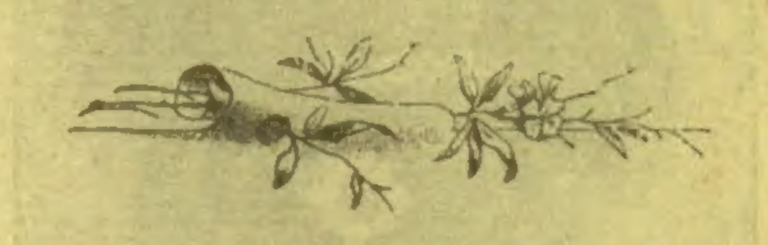
Баклановскій Сборникъ.

Изданіе Областного Войска Донского Статистическаго Комитета.

1809—15 МАРТА—1909.

Къ исполнившемуся столѣтію со дня рожденія генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова.

Подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ Комитета
Х. И. Попова и А. А. Кириллова.

15 марта 1909 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія донца-героя Якова Петровича *Бакланова*. По этому случаю всколыхнулся православный тихій Донъ: вспомнилъ онъ свою гордость, своего „богатыря, бойца лихого“, отпраздновалъ память того, кто геройскими дѣлами на Кавказѣ „воскресилъ былую славу дѣдовъ и отцовъ“. Донской казакъ не могъ не почтить того, кто былъ „истымъ сыномъ страны родной, кто былъ казакомъ изъ казаковъ“. На память объ этомъ событіи издается настоящій „Сборникъ“, посвященный личности донца, Кавказскаго героя, Якова Петровича Бакланова. Обрисовать, въ главныхъ фактахъ, особенности жизни и служебной дѣятельности этого великаго казака, выяснить несокрушимую силу воли и безграничную храбрость этого драгоцѣннаго самородка Дона было задачею и цѣлью лицъ, взявшихъ на себя починъ изданія отдѣльнаго сборника, названнаго „Баклановскимъ“.

Я. П. Баклановъ, какъ православный сынъ церкви Христовой, былъ искренно-вѣрующимъ, что онъ и выразилъ въ своемъ столь извѣстномъ черномъ значкѣ, запечатлѣвъ на немъ не только память смертную, но и чаяніе воскресенія мертвыхъ. Въ то же время онъ беззавѣтно былъ преданъ своему Царю-батюшкѣ, искренно привязанъ къ своей родинѣ и горячо любилъ не однихъ только односумовъ и станичниковъ, но и всякаго русскаго вѣрноподданнаго. Вездѣ, на всѣхъ служебныхъ поприщахъ, отличительными чертами Бакланова были прямота и честность, преданность своей службѣ, своему долгу, и пользы не только высшаго порядка, разумѣемъ—всего государства, но и всѣхъ, кто такъ или иначе приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, были ли это его храбрые соратники, или только подчиненныя его начальническому попеченію лица. Короче—вездѣ и всегда честь для Бакланова была дороже самой жизни. Правила для дѣятельности общественной, спеціально-военной и государственно-гражданской у Якова Петровича не были привиты домашнимъ, или школьнымь воспитаніемъ,—онъ, какъ извѣстно, не получилъ ни того, ни другого; напротивъ, эти правила были подсказаны самою жизнью, выработа-

ны имъ самимъ, благодаря здравому, проницательному уму, наблюдательности, природной смѣткѣ,—а доброе, чуткое къ чужей нуждѣ и чужему горю, сердце сообщило нравственные устои для опредѣленія надлежащихъ отношеній его къ обездоленнымъ.

Всѣмъ этимъ объясняется какъ удивительная храбрость Якова Петровича на войнѣ, граничащая повидимому съ жестокостью, о чемъ свидѣтельствуетъ вся его боевая жизнь на Кавказѣ, такъ и неизъяснимая сердечность, доброта въ мирное время, о чемъ говорятъ его административная дѣятельность и частная жизнь. И если Яковъ Петровичъ съумѣлъ покрыть себя „славой чистой и завидной“, то для Дона онъ дѣйствительно стяжалъ честь и славу, ставши „гордостью всѣхъ атамановъ-молодцовъ“. Вотъ почему одинъ простой казакъ, „сослуживецъ и односумъ Якова Петровича“, въ свое время не хотѣлъ даже допустить мысли, чтобъ памятникъ ему былъ поставленъ не на Дону, а въ Питерѣ, на кладбищѣ: „неужели наша слава,—писалъ онъ въ 1874 г.,—наша гордость такъ-таки до конца останется тамъ?“ Торжества въ честь Якова Петровича по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія вновь выдвинули на свѣтъ Божій этотъ вопросъ изъ темной бездны забвенія. Само собою разумѣется, что его рѣшеніе, ясное и рѣшительное, можетъ быть такое только, какое было дано раньше простымъ казакомъ.

Памятникъ Якову Петровичу Бакланову въ г. Новочеркасскѣ, на ряду съ памятниками Ермаку Тимоѳеевичу и графу М. И. Платову, какъ и настоящій Баклановскій сборникъ—дань признательности донцовъ къ доблестямъ предка и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство о томъ, что благодарные потомки не только считаютъ долгомъ, но и умѣютъ цѣнить и чтить своихъ славныхъ предковъ.

А. Кирилловъ.

Х. Поповъ.

Баклановскій

СБОРНИКЪ.

Генералъ Лейтенантъ
Черняевъ

Къ столѣтію со дня рожденія

Я. П. Бакланова.

(Сообщеніе подполковника Генеральнаго штаба Е. М. Герасимова).

Ровно 100 лѣтъ тому назадъ, пятнадцатаго марта 1809 г., родился донской чудо-богатырь Яковъ Петровичъ *Баклановъ*; и теперь какъ нельзя болѣе кстати возстановить въ нашей памяти факты его жизни и боевой его дѣятельности, стяжавшей ему неувядаемую славу; 100 лѣтъ прошло, а между тѣмъ факты эти постоянный и неисчерпаемый источникъ живой воды для каждаго истиннаго казака, любящаго свое отечество, радѣющаго о славѣ тихаго Дона. Боюсь только, что у меня не хватитъ силъ нарисовать во весь ростъ величественную фигуру этого представителя стариннаго казацкаго рыцарства, рыцарства въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова; не хватитъ силъ съ достаточной глубиной представить эту замѣчательно цѣльную, богатырскую натуру.

Родился онъ въ глуши, на широкомъ привольѣ донскихъ степей, въ маленькой и бѣдной Гугнинской станицѣ. Обстановка, въ которой прошли первые годы его дѣтской жизни, должна была благотворно повліять на его духовный складъ. Это была пора, когда въ жизни казачества еще упорно держались простота и суровость патріархальныхъ обычаевъ, когда всѣ казаки, независимо отъ чиновъ и богатства, пользовались еще полнымъ равноправіемъ, и только умъ, храбрость, природныя дарованія и вообще личныя достоинства продвигали человѣка впередъ и давали ему исключительное право на уваженіе. Эта обстановка сама по себѣ, какъ нельзя болѣе, способствовала развитію работоспособности и самостоятельности характера отдѣльныхъ лицъ. При такихъ только условіяхъ выдвинулся и отецъ Бакланова, отли-

чавшійся недюжинными способностями, произведенный изъ простыхъ казаковъ въ офицеры, заслужившій военный орденъ св. Георгія Побѣдоносца и достигшій впослѣдствіи чина полковника.

Затѣмъ на впечатлительную душу мальчика должны были оставить неизгладимый слѣдъ событія Отечественной войны 1812 года. Это была величайшая и славнѣйшая эпоха Донского казачества. Весь Донъ отъ верхнихъ до нижнихъ юртовъ шумѣлъ и волновался. По всѣмъ станицамъ раздавался единодушной кличъ: „умремъ, а не выдадимъ Россію и тихій Донъ на поруганіе врагамъ!“ и всѣ отъ мала до велика спѣшили подъ знамена. Сѣдые старики подавали примѣръ и первые садились на коней, увлекая за собой пылкое юношество. Во всѣхъ станицахъ формировались сотни, шла лихорадочная и спѣшная подготовка.

Яковъ Петровичъ говорилъ, что онъ жилъ тогда на улицахъ и, если не помнитъ всѣхъ подробностей, то все же впечатлѣніе общей картины было такъ сильно, что позже, по прошествіи 50 лѣтъ, вся эта чудная эпоха вставала передъ нимъ, хотя въ туманныхъ и неясныхъ, но милыхъ сердцу образахъ, какъ драгоцѣннѣйшее воспоминаніе дѣтства.

Глубокое впечатлѣніе произвела на него и встрѣча возвращавшихся изъ побѣдоноснаго похода воиновъ. Онъ живо помнилъ, какъ старики, выходя за околицу станицы и припадая къ землѣ, говорили: „да, заслужили наши казаки Богу, Государю и всевеликому Войску Донскому“. Особенно ярко помнилась ему торжественная встрѣча атамана Платова, имя котораго тогда гремѣло по всей Европѣ. Въѣздъ атамана въ землю Войска Донского и затѣмъ его путешествіе до Новочеркасска это былъ сплошной тріумфъ. Ежедневно подходили новые и новые толпы казаковъ, стекавшихся изъ дальнихъ и близкихъ станицъ для выраженія живыхъ и искреннихъ чувствъ своего восторга. Передъ городомъ Платовъ остановился, взошелъ на небольшой курганъ и, обратясь къ открывшимся крестамъ городскихъ церквей, положилъ три земныхъ поклона. „Послужилъ я Царю, сказалъ онъ, и постранствовалъ на чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину, и молю Бога, да успокитъ онъ мои кости на землѣ моихъ предковъ“. Онъ взялъ горсть родной земли и поцѣловалъ ее. Увлеченные востор-

гомъ, казаки отвѣчали громкими возгласами: „здравствуй, нашъ атаманъ, на многія и многія лѣта“! Въ этихъ привѣтствіяхъ, въ этомъ проявленіи древнихъ казачьихъ обычаевъ, въ самой обстановкѣ всей этой встрѣчи было столько торжественнаго, столько звучало здѣсь неподдѣльной, искренней теплоты и чисто казачьей поэзіи, что эти минуты, по выраженію Якова Петровича, рѣшили судьбу его жизни.

Такъ была брошена въ его дѣтскую душу искра горячаго патріотизма, безконечной любви къ родному Дону, искра, которая позже превратилась у него въ бурное пламя.

Черезъ годъ послѣ этого отецъ Якова Петровича, уѣзжая въ полкъ въ Бессарабію, взялъ съ собой и сына, чтобы тамъ продолжить начатое имъ обученіе грамотѣ. Здѣсь въ полку любимымъ занятіемъ мальчика было сидѣть, особенно долгими зимними вечерами, среди казаковъ и съ жадностью слушать разсказы бывалыхъ стариковъ о подвигахъ ихъ предковъ. Разсказы эти имѣли для него особые смыслъ и значеніе. Здѣсь тянулись нескончаемыя повѣсти о давнихъ походахъ ихъ войной на „турскаго султана“ по Азовскому и Черному морю, о грозномъ Азовскомъ сидѣньѣ и о разныхъ эпизодахъ минувшей войны, участники которой были на лицо, озаренные свѣжей военной славой. Да, было о чемъ поговорить, было что вспомнить и передать въ назиданіе дѣтямъ и внукамъ; и сѣмя падало на добрую почву.

Черезъ три года Яковъ Петровичъ вернулся на Донъ и здѣсь сталъ помогать отцу въ хозяйствѣ. Наука была оставлена и мальчикъ цѣликомъ жилъ на лонѣ матери-природы, занимаясь физическими упражненіями и закаляя свой организмъ. Въ то время вообще воспитаніе и обученіе донского юношества направлялось исключительно къ военнымъ цѣлямъ, на казацкую стать, при чемъ жестоко изгонялось все, что отдаляло ихъ отъ своего родного, кровнаго, отъ простоты тогдашнихъ обычаевъ. О грамотности заботились мало, и образованіе считалось законченнымъ, если юноша хорошо управлялъ конемъ, стрѣлялъ безъ промаха въ цѣль и на охотѣ могъ на всемъ скаку убить матерого волка; и Яковъ Петровичъ былъ настоящимъ сыномъ своего вѣка. Онъ только что выучился читать и едва-едва писалъ, но за то смѣло ѣздилъ на необъѣзженныхъ бѣшеныхъ степ-

ныхъ лошадяхъ и привыкъ первенствовать на всѣхъ военныхъ играхъ: не разъ оставался онъ побѣдителемъ въ состязаніяхъ съ лучшими борцами и джигитами, и на пари попадалъ въ туза и сажалъ пулю въ пулю все равно изъ пистолета, штуцера или двухстволки.

Это свободное воспитаніе, безъ постояннаго давленія на дѣтскую душу, это занятіе свободнымъ спортомъ должны были безъ сомнѣнія способствовать развитію самостоятельности, силы воли, храбрости, должны были закалить въ значительной степени не только тѣло, но и душу.

Такъ прошли дѣтскіе и отчасти юношескіе годы нашего героя; такъ постепенно вырабатывались опредѣленныя черты его духа, заложены были добрыя сѣмена, давшія впослѣдствіи пышные плоды. Горячій патріотизмъ, неудержимая любовь къ родному Дону и ревность о славѣ его, искренняя любовь къ военному дѣлу, сила воли, самостоятельность характера, безстрашіе, вотъ качества, зачатки которыхъ подмѣчаются у него уже въ эти годы и которыя впослѣдствіи всей его дѣятельностью должны были еще болѣе закалиться и въ общемъ вылиться въ могучую натуру.

Въ отношеніи же физическомъ это былъ богатырь въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ какъ рисуетъ его съ этой стороны одинъ изъ его современниковъ въ періодъ дѣятельности его на Кавказѣ: „наружность Якова Петровича наводила ужасъ и страхъ на всѣ окрестныя селенія чеченцевъ, гдѣ имя его сдѣлалось пугаломъ дѣтей и взрослыхъ: 13½ вершковъ роста, косая сажень въ плечахъ, съ длиннѣйшими усами и бородой, съ большимъ носомъ и оспенными рябинами. Отличный ѣздокъ, на рословъ и лихомъ конѣ, съ дорогимъ оружіемъ на себѣ и громаднѣйшимъ значкомъ за собой, онъ, дѣйствительно, всей обстановкой рѣзко отличался отъ всѣхъ прочихъ“. Некрасивъ былъ Яковъ Петровичъ, но за то какъ хорошъ онъ былъ въ боевой обстановкѣ! Вотъ какъ описываетъ его очевидецъ въ одномъ дѣлѣ на Кавказѣ: „дѣло происходило на какой-то лѣсной полянѣ, усѣянной кустами огромной колючки. Мы прикрывали орудія. Вдругъ вправо отъ насъ затрещали кусты и изъ нихъ прямо на насъ выскочилъ всадникъ колоссальнаго роста на огромномъ бѣломъ конѣ, у котораго вся грудь была покрыта кровью отъ колючекъ. Это былъ Баклановъ. Съ обна-

женною сверкающею шашкой, въ бараньемъ нагольномъ тулупѣ, накинутомъ наопашь, въ огромной косматой папахѣ, сбитой на самый затылокъ и съ длинными, развѣвавшимися по вѣтру бакенбардами, онъ былъ невообразимо хорошъ посреди этой боевой обстановки. Раскраснѣвшееся отъ скачки рябое, изрытое осной лицо и вся фигура его дышали невѣроятной отвагой и силой. Всѣ мы поддались невольному обаянію".

Яковъ Петровичъ отличался выдающимся природнымъ умомъ и недюженными способностями, что впослѣдствіи въ соединеніи съ практикой развило у него замѣчательно правильный взглядъ, глазомѣръ; но образованіе Бакланова вначалѣ стояло низко, что сознавалось и имъ самимъ, и впослѣдствіи, ко времени занятія отвѣтственныхъ должностей, заставило его пополнять этотъ пробѣлъ серьезнымъ самостоятельнымъ трудомъ.

Шестнадцати лѣтъ Баклановъ былъ зачисленъ на службу урядникомъ, а черезъ годъ долженъ былъ отправиться въ казачій Попова полкъ, стоявшій въ Крыму.

Въ самый день отъѣзда отецъ Якова Петровича—старый израненый воинъ, исходившій подъ русскими знаменами почти всю Европу, благословилъ своего сына иконой ([1]) съ слѣдующимъ послѣднимъ напутствіемъ: служи, Яковъ, вѣрой и правдой Богу, Государю и нашему великому Войску Донскому. Помни всегда, что твой отецъ безъ малѣйшаго покровительства, одною честною службой дошелъ до штабъ-офицерскаго чина; храни ненарушимо простоту отцовскихъ обычаевъ, будь строгъ къ себѣ, а паче всего не забывай свою благодатную родину, нашъ Тихій Донъ, который вскормилъ, взлелѣялъ и воспиталъ тебя"!

Съ этимъ отцовскимъ завѣтомъ Яковъ Петровичъ сѣлъ на коня, далъ твердое слово остаться вѣрнымъ ему до конца своей жизни, и сдержалъ это слово.

([1]) Благословеніе это—большой металлическій (вызолоченный) осьмиконечный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа Спасителя и текстомъ молитвы честному кресту на оборотной сторонѣ, наслѣдниками Я. П. Бакланова переданъ, чрезъ посредство Войскового Наказнаго Атамана Войска Донского, Барона Ф. Ф. Таубе, на храненіе въ Донской музей. *Ред.*

Съ того же времени началась для него настоящая казачья служба, которой онъ и отдался со всѣмъ пыломъ молодости, а въ 1828 году, 19 лѣть отъ роду, онъ былъ произведенъ въ хорунжіе. И этимъ повышеніемъ онъ былъ обязанъ исключительно своему молодечеству, усердной службѣ и прекрасному знанію строевого дѣла ([2]).

Въ это время начиналась турецкая война и Якову Петровичу сразу же пришлось вмѣстѣ съ полкомъ, которымъ командовалъ его отецъ, принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Это было первое боевое крещеніе Бакланова. Мы не будемъ подробно останавливаться на этихъ фактахъ, хотя уже и здѣсь, несмотря на свою молодость, Баклановъ зарекомендовалъ себя уже, какъ энергичный и храбрый офицеръ. Правда, сразу онъ проявилъ излишнюю порывистость, какъ результатъ горячаго, благороднаго характера: выяснилась недостаточная выдержка, уравновѣшенность: иногда это была отчаянная храбрость до безразсудства, иногда потеря самообладанія въ опасности, и Яковъ Петровичъ, провѣривъ себя, тутъ же задался цѣлью закалить себя, выработать твердость и гибкость воли, и позже достигъ этого въ полной мѣрѣ. Рядъ подвиговъ личной храбрости сдѣлали, однако, уже тогда имя его популярнымъ въ полку и уже съ этихъ поръ оно начало произноситься съ полнымъ уваженіемъ. За отличія въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ Яковъ Петровичъ былъ награжденъ орденами св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“ и 3-й ст. съ бантомъ.

Весной 1830 года полкъ Бакланова, по заключеніи мира, вернулся въ Бессарабію, откуда въ слѣдующемъ году, послѣ 6-лѣтней службы, былъ отпущенъ на Донъ. Отецъ Бакланова, награжденный орденомъ св. Георгія и получившій чинъ полковника, вышелъ въ отставку, а Яковъ Петровичъ воспользовался льготой и провелъ нѣсколько лѣтъ въ кругу своего семейства.

Въ 1834 году Баклановъ былъ снова назначенъ на службу въ Донской казачій Жирова полкъ, расположенный въ то время по Кубани въ составѣ отдѣльнаго Прочноокопскаго отряда, наблюдавшаго

([2]) Въ этотъ періодъ Я. П. побывалъ въ своей станицѣ, женился тамъ на дочери священника.—*Авт.*

значительный кордонный участокъ на протяженіи отъ Николаевской ст. до земли Черноморскаго казачьяго войска. Отнынѣ Бакланову суждено было принять горячее участіе въ жестокой борьбѣ съ кавказскими горцами и здѣть-то стяжать себѣ громкое имя и неувядаемую славу.

Кавказъ уже давно служилъ очагомъ постоянной борьбы съ фанатичными горскими племенами, и нельзя сказать, чтобы борьба эта была до того времени успѣшна. Въ своихъ аулахъ-гнѣздахъ, среди недоступныхъ дикихъ горныхъ ущелій и долинъ, заросшихъ подчасъ первобытными дремучими лѣсами, горцы не безъ основанія считали себя неуязвимыми. Дѣйствительно, Кавказъ представлялъ изъ себя огромную трудно доступную крѣпость съ ½ милліоннымъ гарнизономъ, и какимъ гарнизономъ! Это были хищники въ полномъ смыслѣ этого слова, хищники, которые за собой, да, быть можетъ, за своимъ ауломъ признавали еще право на существованіе, весь же прочій міръ считали своей законной добычей. Набѣги и разбои составляли ихъ главное занятіе, боевыя доблести —ихъ единственныя добродѣтели. Въ отношеніи военной энергіи, отчаянной отваги, одиночной храбрости они не имѣли себѣ равныхъ противниковъ во всемъ мірѣ. Въ основу своихъ дѣйствій они клали внезапность, неожиданный налетъ и всякаго рода хитрости. Съ такимъ противникомъ частенько намъ приходилось думать не столько о наступленіи и покореніи, сколько объ оборонѣ.

По счастью, еще вначалѣ между отдѣльными горскими обществами не было не только политической связи, но и рѣдко даже обнаруживалось сочувствіе; каждое дѣйствовало за свой рискъ и страхъ. Но съ двадцатыхъ годовъ между племенами Дагестана стало распространяться новое магометанское ученіе, т. наз. мюридизмъ, которое проповѣдывало общее равенство, безусловное подчиненіе волѣ имама до полнаго отрѣшенія отъ собственнаго я, имущества и семьи и непримиримую ненависть къ невѣрнымъ, въ частности особенно къ русскимъ; умершіе въ борьбѣ, павшіе въ бою считались мучениками, достигшими цѣли своей жизни. Подчинивъ себѣ жизнь человѣка въ цѣломъ, обративъ своихъ послѣдователей въ слѣпыя орудія того, что называлъ онъ волею Бога, мюридизмъ окружилъ себя особыми поборниками „мюридами“, людьми, отрекшимися отъ общества, отдавшимися ему съ закрытыми глазами, принесшими клятву биться до послѣдняго изды-

ханія и рѣзать всякаго, кого укажетъ имамъ, будь то другъ или родной отецъ. Этимъ средствомъ мюридизмъ образовалъ общество въ нѣсколько сотъ тысячъ людей, передавшихъ въ руки власти и волю, и совѣсть.

Теперь населеніе горъ переродилось. Разрозненныя до того народности сплотились и начали отражать наши удары общими усиліями. Повелѣвая всѣмъ безпрекословно, мюридизмъ замѣнилъ скудость средствъ энергіей, и въ дикихъ горахъ, цѣлыя тысячелѣтія отвергавшихъ всякое гражданское устройство, создалъ управленіе, общественную казну, провіантскіе магазины, литейные и пороховые заводы, артиллерію и крѣпости.

Утвердившись въ горахъ, мюридизмъ, благодаря численной слабости нашихъ войскъ, поднялъ возстаніе прежде всего въ восточномъ Кавказѣ и имѣлъ полный успѣхъ сначала подъ руководствомъ Кази-Муллы, а потомъ съ 1836 года Шамиля, который первый, соединивъ въ своемъ лицѣ власть духовнаго начальника и народнаго предводителя, съ замѣчательнымъ упорствомъ, энергіей и искусствомъ въ теченіе 23 лѣтъ зажигалъ Дагестанъ и Чечню противъ русскихъ.

Поднявъ и подчинивъ себѣ Дагестанъ и Чечню и сопредѣльныя имъ страны, Шамиль получилъ возможность выставить такія силы, какихъ ни мы, ни сами горцы у себя еще не видали. Часто онъ появлялся во главѣ 20.000 отряда изъ трехъ родовъ войскъ; у него была своя конная артиллерія на прекрасныхъ лошадяхъ съ проворной и ловкой прислугой, свои саперы, которые съ большимъ навыкомъ и искусствомъ укрѣпляли аулы, посты, дѣлали завалы по дорогамъ такъ, что намъ въ каждой экспедиціи приходилось натыкаться на неприступныя, благодаря мѣстности и инженерному искусству, позиціи.

Войска горцевъ были милиціей, но милиція эта состояла изъ людей, всю жизнь свою упражнявшихся во владѣніи конемъ и оружіемъ, такъ что каждый человѣкъ былъ превосходнымъ воиномъ, къ тому же воодушевленнымъ фанатической ненавистью къ намъ. Ихъ пѣхота и конница имѣла правильное подраздѣленіе на сотни и значки, каждый по 200 человѣкъ, которыми командовали юзбаши, а нѣсколько значковъ соединялись подъ начальствомъ наиба. Горцы, главнымъ образомъ, были конные; сидѣли они на прекрасныхъ, выносливыхъ

горскихъ и кабардинскихъ лошадяхъ и излюбленнымъ боемъ считали стрѣльбу изъ конныхъ цѣпей, которыми старались охватить наши войска съ разныхъ сторонъ, а при превосходствѣ въ силахъ или подъ вліяніемъ увлеченія они храбро бросались на противника въ шашки. Недостатокъ ихъ, какъ всякой милиціи, заключался въ малой стойкости, особой впечатлительности и трудности управлять ими. Впрочемъ, представитель мюридизма Шамиль умѣлъ отчасти устранить эти недочеты, вселивъ въ нихъ необыкновенный духъ отваги, терпѣнія, презрѣнія къ смерти и страшную ненависть къ русскимъ. Борьба при такихъ условіяхъ и съ такимъ противникомъ была очень трудна и требовала съ нашей стороны особаго навыка и искусства.

Теперь въ принципѣ было рѣшено взять Кавказъ постепеннымъ систематическимъ завоеваніемъ, медленно продвигаясь впередъ, но закрѣпляя за собой все пройденное пространство постройкой укрѣпленій, прокладкой дорогъ, наводкой мостовъ, вырубкой лѣсовъ, устройствомъ просѣкъ и проч. Тѣмъ не менѣе вначалѣ мы все-таки часто уклонялись отъ поставленной главной задачи, отъ времени до времени предпринимали походы внутрь горъ, производя тамъ сильный погромъ; мелкіе же экспедиціи и набѣги производились нами почти ежедневно. Горцы съ своей стороны также отвѣчали вторженіемъ въ наши предѣлы,—и на Кавказѣ, ко времени прибытія Бакланова, шла партизанская, въ полномъ смыслѣ этого слова, война, отъ которой, однако, общее дѣло покоренія Кавказа выигрывало мало.

Основаніе нашему постепенному и вѣрному движенію впередъ положилъ Ермоловъ, который устроилъ нѣсколько крѣпостей и укрѣпленій, составившихъ первыя наши параллели, усилившія и защищавшія такъ называемую *Кавказскую линію.*

Подъ именемъ послѣдней разумѣлась кордонная линія по Кубани, Малкѣ и Тереку съ передовыми позиціями по Лабѣ и Сунжѣ и передовыми пунктами по сѣверной сторонѣ Главнаго и Андійскаго горныхъ хребтовъ. Линія дѣлилась на 2 фланга: правый по р. Кубани и лѣвый—по Сунжѣ и Тереку. Линіей командовалъ особый начальникъ, которому подчинялись начальники отдѣльныхъ участковъ этой линіи.

Средствами къ отраженію хищническихъ партій и болѣе силь-

ныхъ скопищъ горцевъ здѣсь служили: 1) мѣстное вооруженное казачье населеніе, 2) содѣйствіе регулярныхъ и Донскихъ казачьихъ войскъ и 3) укрѣпленія, укрѣпленныя станицы. Самая линія на всемъ протяженіи была не одинаково подвержена опасности отъ непріятельскихъ набѣговъ, почему не вездѣ принимались одинаковыя мѣры охраненія. Внутри казачьихъ земель станицы были вовсе открыты; на линіи онѣ были приведены въ оборонительное состояніе, а на передовыхъ линіяхъ онѣ водворялись при надежныхъ укрѣпленіяхъ; промежутки же между ними и укрѣпленіями были заняты кордономъ изъ постовъ по 5—30 казаковъ на 6—7 верстъ другъ отъ друга; между постами стояли днемъ пикеты по 2—3 человѣка, а ночью закладывались секреты. Каждый постъ имѣлъ вышку для наблюденія и ограду со рвомъ. Казаки должны были находиться въ постоянной готовности явиться на мѣсто тревоги, причемъ о прорывѣ хищническихъ партій давали знать сигналами, нарочными или пушкой. Если партіи прорывались черезъ линію, нужно было имѣть большую сноровку: иногда скакать вдогонку, иногда спѣшить на перерѣзъ, а иногда выжидать возвращенія ихъ съ добычей. Такимъ образомъ тянулась настоящая боевая жизнь.

На правомъ флангѣ нашей линіи, ко времени прибытія туда Бакланова, все закубанье находилось еще въ рукахъ непріятеля, и нашихъ поселеній ни на Лабѣ, ни на Бѣлой еще не было; только 2 небольшихъ передовыхъ укрѣпленія на Урупѣ и Чамлыкѣ одиноко сторожили широкое пространство между Кубанью и горами.

Кубань раздѣляла обѣ враждующія стороны; по лѣвому берегу ея разстилались обширныя зеленыя равнины, очерчивавшіяся на горизонтѣ зеленой полосою лѣсистыхъ горъ, изъ за которыхъ вырѣзывалась зубчатая линія вершинъ снѣгового хребта. Лаба и Чамлыкъ съ густыми прибрежными лѣсами извивались серебристыми лентами на этой безлѣсной закубанской равнинѣ.

На Чамлыкѣ стояло наше укрѣпленіе Вознесенское, по Лабѣ жили непокорные Беслинеевцы, за ними Махошевцы, а далѣе за Бѣлой начиналась земля Абадзеховъ, покрытая сплошными лѣсами, гдѣ скрывалось множество Гаджеретовъ, выходцевъ изъ Кабарды, посвятившихъ себя безпощадной войнѣ съ нами.

Оборонительная система, которой мы до сего времени здѣсь придерживались, была негодна для такого непріятеля, и дерзость горцевъ возрасла до того, что казаки не считали себя въ безопасности въ собственныхъ станицахъ, гдѣ, подъ угрозой нападенія, горцы держали иногда насъ въ блокадѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Но незадолго до того назначенный начальникомъ кубанской линіи чрезвычайно энергичный генералъ-маіоръ Зассъ умѣлъ въ короткое время измѣнить положеніе дѣлъ: онъ очистилъ отъ враждебнаго намъ населенія все пространство между Кубанью и Лабой; мало того, простеръ свои набѣги не только за Лабу, но даже за Бѣлую,—и когда пріѣхалъ Баклановъ, слава Засса гремѣла по всѣму закубанскому краю, и страхъ, внушенный имъ непріятелю, доходилъ почти до размѣровъ глубокаго суевѣрнаго ужаса.

Вотъ подъ начальствомъ такого-то генерала Яковъ Петровичъ началъ свою первую кавказскую службу, бывшую для него совершенно новой, и здѣсь-то почти въ постоянныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ предпріимчивымъ, настойчивымъ, пріученнымъ всей обстановкой своей жизни ко всѣмъ пріемамъ малой войны, онъ пріобрѣлъ окончательно и усовершенствовалъ въ себѣ тѣ военныя качества, образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ Зассѣ и которыя такъ пригодились ему потомъ на лѣвомъ флангѣ, противъ Чечни и Лезгинъ, когда онъ самъ выступилъ въ роли самостоятельнаго начальника.

Это была кавказская боевая школа Якова Петровича.

Правда, нелегко и недешево далась эта наука, но „спасибо Зассу и горцамъ", говаривалъ Яковъ Петровичъ, „они меня выучили многому". Къ памяти Засса, какъ своего учителя, Яковъ Петровичъ относился съ благоговѣніемъ до самаго конца своей жизни.

О дѣятельности самого Якова Петровича въ этотъ періодъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ немного. Полкъ Бакланова до половины 1836 г. несъ по линіи кордонную службу, и участіе его въ дѣлахъ съ непріятелемъ ограничивалось рядомъ мелкихъ, хотя и упорныхъ и кровопролитныхъ схватокъ съ горцами. Самъ Яковъ Петровичъ говоритъ, что онъ въ это время участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами, но что особыхъ отличій, т. е. такихъ, которыя бы выходили изъ ряда обыкновенныхъ казачьихъ подвиговъ, не было. Впрочемъ, Яковъ Пет-

ровичъ всегда отличался чрезвычайной скромностью относительно своихъ дѣлъ, и мы отъ себя можемъ добавить, что такихъ подвиговъ, кажется, было у него очень много. По крайней мѣрѣ, объ этомъ мы вправѣ заключить изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ изъ разсказовъ какъ самого Бакланова, такъ и его сослуживцевъ.

Мы остановимся на одномъ только эпизодѣ, который покажетъ намъ Бакланова въ дѣлѣ, какъ начальника, какъ сотеннаго командира; покажетъ намъ, что къ тому времени у него уже вырабатывался правильный военный взглядъ; покажетъ его находчивость въ минуту опасности и его рѣшимость доводить дѣло до конца, рѣшимость, соединенную въ то же время съ благоразумною осторожностью.

Дѣло было такъ. Въ 1836 г. казачій Жирова полкъ былъ переведенъ на р. Чамлыкъ и поставленъ здѣсь ниже Вознесенской крѣпости: отсюда казаки могли во всякую минуту преграждать черкесамъ путь на Кубань.

Новая штабъ-квартира имѣла скромную наружность, представляясь издали кучей землянокъ, обнесенныхъ неглубокимъ рвомъ и плетневымъ заборомъ, усаженнымъ колючкой.

Горцы внимательно слѣдили за нами и, пока производились нами работы, насыпались барбеты и на нихъ устанавливались чугунные единороги, вознамѣрились, пользуясь нашей неготовностью, произвести на насъ набѣгъ.

И вотъ, въ ночь на 4 іюля партія ихъ около 400 ч. устроила засаду на Чамлыкѣ. Въ полку ничего объ этомъ не знали. Утромъ по заведенному порядку изъ укрѣпленія вышелъ разъѣздъ въ 15 казаковъ, который свернулъ въ лѣсистую балку, гдѣ сидѣли черкесы, неожиданно былъ ими окруженъ и весь цѣликомъ уничтоженъ. Но это событіе не ускользнуло отъ внимательнаго взора Бакланова, который въ это время какъ разъ осматривалъ мѣстность съ угловой батареи укрѣпленія.

Въ крѣпости ударили тревогу. Сотня Бакланова была дежурной, она раньше всѣхъ вынеслась въ поле, но въ виду превосходства силъ противника остановилась въ ожиданіи подъ стѣнами укрѣпленія. Горцы, повертѣвшись вокругъ, повернули и стали отходить назадъ опять

къ своей балкѣ. Баклановъ, опасаясь потерять ихъ слѣдъ, осторожно двинулся за ними на почтительномъ разстояніи, такъ какъ въ лѣсистыхъ балкахъ легко можно было попасть въ засаду, при этомъ нашъ дозоръ шелъ на хвостѣ за ними и знаками давалъ знать о противникѣ. Горцы отходили спокойно; они перешли Чамлыкъ, повернули направо и потянулись мимо самаго укрѣпленія, откуда, къ удивленію Бакланова, не было однако сдѣлано по нимъ ни одного пушечнаго выстрѣла. Баклановъ осторожно подвигался впередъ, но едва казаки вышли изъ перелѣсковъ на чистое поле, горцы въ виду самой крѣпости бросились на нихъ въ шашки. Во-время предупрежденные сигналами, казаки спѣшились и отразили ударъ ружейнымъ огнемъ; вторая атака имѣла туже участь. Въ это время изъ крѣпости показался полкъ съ 2 орудіями. Теперь Баклановъ рѣшилъ дѣйствовать смѣлѣе и снова двинулся за горцами, которые стали постепенно уклоняться къ Лабѣ и, оттянувъ такимъ образомъ Бакланова верстъ на 10 отъ крѣпости, снова въ третій разъ кинулись на него въ шашки. Казаки опять спѣшились; но горцы, поклявшись на этотъ разъ уничтожить нашу горсть храбрецовъ, производили атаку за атакой почти безъ промежутковъ, такъ что казаки едва успѣвали заряжать ружья. Перестрѣлка шла уже болѣе часа, а полка нашего все не было видно.

Послѣ 7-й атаки Баклановъ послалъ съ донесеніемъ къ полковому командиру, что патроновъ у него уже нѣтъ и онъ проситъ поддержки. Но вернувшійся ординарецъ принесъ отвѣтъ командира, что подкрѣпленія не будетъ, а если у казаковъ нѣтъ патроновъ, то у нихъ есть пики. Тогда, пригласивъ къ себѣ бывшаго при сотнѣ хорунжаго Полякова, Баклановъ передалъ отвѣтъ командира полка, заявивъ: „отступать невозможно: горцы будутъ преслѣдовать и, если мы ускачемъ, то люди непремѣнно погибнутъ“. — „Такъ погибнемъ вмѣстѣ съ ними“! сказалъ Поляковъ, протягивая руку Бакланову, который горячо ее пожалъ: Бакланову только и нужно было это рѣшеніе. Затѣмъ онъ указалъ на черныя тучи, которыя къ тому времени со всѣхъ сторонъ заволокли небо. „Этотъ дождикъ, сказалъ онъ Полякову, скоро обратится въ ливень, ружья замокнутъ, и намъ нельзя будетъ держаться и пѣшкомъ. Поэтому вотъ мои приказанія: если горцы атакуютъ насъ еще разъ и мы отобьемъ ихъ, я, пользуясь успѣ-

хомъ, съ первой полусотней кинусь въ шашки, а ты будь настороже и, если увидишь, что я поколебалъ непріятеля, не теряй минуты; раздѣли своихъ казаковъ на двѣ части и охватывай фланги; но если пошатнутся мои казаки, командуй: „къ пѣшему бою"! Я присоединюсь къ тебѣ и мы будемъ держаться и умирать вмѣстѣ!"

Это ли не правильный военный взглядъ? Удивительная находчивость въ минуту опасности и рѣшимость довести дѣло до конца, рѣшимость, которую онъ старается привить и своему подчиненному товарищу.

Едва онъ окончилъ свои слова, какъ горцы произвели 11-ю, а потомъ и 12-ю атаку, которыя были отбиты такъ же, какъ и предъидущія. Въ эту минуту хлынулъ дождь; вдали послышался громъ, очень напоминавшій дальніе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Баклановъ воспользовался этимъ и, обратившись къ своимъ казакамъ, крикнулъ: „Ребята, слышите пушечные выстрѣлы? Это полкъ идетъ къ намъ на выручку. Онъ идетъ докончить дѣло, которое мы запечатлѣли своей кровью. Не дадимъ ему воспользоваться плодами нашихъ успѣховъ! Станичники! пики на перевѣсъ! Съ Богомъ впередъ". И вотъ, когда еще разстроенные горцы стали собираться для новаго удара, полусотня подъ личной командой Бакланова, какъ вихрь, налетѣла и врѣзалась въ ихъ толпы, дрогнувшія при такой неожиданности. Въ ту-же минуту Поляковъ охватилъ ихъ справа и слѣва. Ошеломленные горцы, объятые паникой, повернули назадъ, и казаки гнали ихъ до самой Лабы на протяженіи 15 верстъ, отбили отъ брода и заставили спасаться вплавь подъ ружейнымъ огнемъ спѣшившихся казаковъ.

Вотъ что значитъ искусный выборъ удобной минуты для удара!

Потеря въ сотнѣ Бакланова была до 20 челов., изъ партіи же горцевъ не спаслось и 60 чел.

На возвратномъ пути казаки сняли съ убитыхъ оружіе, собрали бѣгавшихъ по полю коней и съ трофеями вернулись на Чамлыкъ.

Уже въ этомъ дѣлѣ обнаружились замѣчательныя военныя дарованія Бакланова.

Боевая школа, которую прошелъ въ этой обстановкѣ Яковъ Петровичъ, принесла значительную пользу не только самому Бакланову, но и общему дѣлу. Здѣсь онъ изучилъ противника и мѣстность, здѣсь

постепенно у него сложился правильный взглядъ на характеръ дѣйствій въ новой для него обстановкѣ, здѣсь же у него, какъ у сотеннаго командира, вырабатались и необходимые пріемы подготовки казаковъ къ бою. Дѣло въ томъ, что, по заявленію самого Бакланова, наши донцы частенько-таки платились за свою неумѣлость приноровиться къ характеру войны и къ образу дѣйствій закубанскихъ горцевъ. И эта школа, какъ нельзя болѣе, пригодилась Якову Петровичу, когда онъ выступилъ позже въ роли самостоятельнаго и отвѣтственнаго начальника на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, въ дѣйствіи противъ Чечни и Дагестана. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ 1837 г. полкъ Бакланова выступилъ на Донъ. По возвращеніи съ Кавказа Яковъ Петровичъ былъ назначенъ въ 41-й полкъ, временно собиравшійся въ Новочеркасскѣ по случаю пріѣзда Государя Императора Николая I-го, который обѣщалъ посѣтить донцовъ на возвратномъ пути изъ Грузіи.

За отличіе по службѣ Баклановъ былъ произведенъ въ это время въ есаулы.

По отъѣздѣ Государя полки, собранные для смотровъ, были распущены, и Баклановъ провелъ около 2-хъ лѣтъ на льготѣ.

Въ 1839 году Яковъ Петровичъ, какъ офицеръ, обратившій уже на себя особенное вниманіе своими боевыми отличіями, былъ назначенъ снова на службу въ Донской учебный полкъ, только что сформированный тогда въ Новочеркасскѣ.

Полкъ этотъ, какъ предполагалось, долженъ былъ послужить разсадникомъ истиннаго военнаго образованія между донцами, у которыхъ намѣчено было начать постепенное введеніе строевыхъ ученій по уставу, общему для всей регулярной кавалеріи. Хотя подобная мѣра и встрѣчена была на Дону нѣкоторымъ ропотомъ со стороны ревнителей казацкой старины, но лучшіе полковые командиры и особенно молодежь отнеслись къ дѣлу очень сочувственно.

Нужно сказать, что вообще въ эту эпоху боевая подготовка войскъ въ Россіи сильно уклонилась отъ истинно боевого пути, указаннаго намъ великимъ Суворовымъ. Вмѣсто такой подготовки, основанной на требованіяхъ прежде всего тактики, на первый планъ выступили теперь плацпарадные фокусы; вмѣсто воспитанія, жестокая фор-

мальная дисциплина; вмѣсто разумной инициативы, строгая регламентація каждаго шага. Это было время господства муштры во всей ея красѣ. Въ пѣхотѣ все обученіе направлялось исключительно на искусныя эволюціи въ сомкнутыхъ строяхъ, щегольскую маршировку, чистоту ружейныхъ пріемовъ, идеальную стойку солдата и т. д. Боевымъ дѣйствіямъ не учили; вмѣсто этого практиковалось математически точное исполненіе на ровномъ плацу уставныхъ построеній, заканчиваемое обыкновенно церемоніальнымъ маршемъ, который считался теперь вѣнцомъ всего обученія; строевой уставъ—вотъ что было идеаломъ военнаго искусства, и на смотрахъ только и повѣрялось знаніе многочисленныхъ уставныхъ мелочей.

Конница, обучаемая по той же системѣ, постепенно обращалась въ средство для устройства эффектныхъ зрѣлищъ на учебныхъ плацахъ. Натянутая посадка, укороченные аллюры, кругой сборъ, боковыя движенія и прочіе манежные фокусы, имѣвшіе цѣну развѣ въ циркахъ, сложныя перестроенія на ровномъ плацу съ педантическимъ равненіемъ и, наконецъ, церемоніальный маршъ—этимъ ограничивалось все кавалерійское искусство, если прибавить еще сюда особую заботу о кругломъ, гладкомъ тѣлѣ лошади, да чистку, доведенную до виртуозности.

О тактическомъ обученіи никто и не думалъ, а на полевую ѣзду смотрѣли лишь какъ на неизбѣжное зло, полагая, что въ полѣ и лошади портятся, и люди разучиваются ѣздить. Въ результатѣ на первый планъ выступили требованія уже мирнаго времени, не замедлившія привести къ рутинѣ.

Все вниманіе обращено было на внѣшнюю, показную сторону дѣла. Забыли, что войска состоятъ изъ живыхъ существъ, одаренныхъ прежде всего нравственной энергіей, которая одна только дѣлаетъ на войнѣ изъ обыкновенныхъ людей героевъ. Поэтому воспитаніе было въ забросѣ, а обученіе... въ этомъ отношеніи требовалось только механическое знаніе устава. И система эта довела въ концѣ концовъ до такого ужаснаго по своей нелѣпости убѣжденія, что „война портитъ войска, такъ какъ на войнѣ ослабляется знаніе строевого устава“.

И вотъ, на такомъ мрачномъ фонѣ особенно рельефно рисуется свѣтлая фигура Бакланова, какъ воспитателя и учителя казака, фигура, головой переросшая свою эпоху.

Назначенный въ учебный полкъ, Яковъ Петровичъ первый указалъ на тѣ благіе результаты, какіе можетъ дать правильное обученіе казаковъ; но онъ не пошелъ за общимъ теченіемъ... Онъ признавалъ только то обученіе, которое ведетъ къ боевой цѣли, считая необходимымъ отбросить мелочной педантизмъ, строевыя выправки, тихіе учебные шаги и прочую, по выраженію еще блаженной памяти Потемкина, дрянь, считавшіеся, однако, тогда верхомъ и цѣлью обученія военному дѣлу. Поэтому, не увлекаясь, какъ большинство, одной фронтоманіей, онъ обратилъ вниманіе на самый духъ кавалерійскаго устава и сумѣлъ примѣнить его къ казакамъ, сообразно сложившимся издавна условіямъ и потребностямъ ихъ службы, использовавъ для этого и свой боевой опытъ.

Результаты вышли блестящіе. Впрочемъ, какъ воспитатель и учитель казака, Яковъ Петровичъ развернулся во всю ширь нѣсколько позже на Кавказѣ, когда онъ въ роли самостоятельнаго начальника получилъ возможность давать въ этомъ отношеніи собственное общее направленіе; но объ этомъ позже.

Въ 1841 г. съ репутаціей отличнаго строевого офицера Яковъ Петровичъ былъ назначенъ въ Донской № 36-й Родіонова полкъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Польшу. Пребываніемъ здѣсь Баклановъ воспользовался, помимо ознакомленія съ новой для него обстановкой, для личнаго своего самообразованія, посвятивъ этому дѣлу весь свой обширный теперь досугъ. За это время онъ познакомился съ большею частью нашихъ военно-историческихъ сочиненій и дѣльнымъ, толковымъ чтеніемъ пополнилъ недостатки своего первоначальнаго образованія.

По возвращеніи изъ Польши, онъ въ 1844 г. былъ произведенъ въ войсковые старшины, и вслѣдъ затѣмъ въ маѣ 1845 г. экстренно командированъ опять на Кавказъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи въ Донской № 2-ой полкъ, которымъ тогда командовалъ подполковникъ Шрамковъ.

Съ этихъ поръ начинается быстрое служебное повышеніе Якова Петровича. Подготовка его къ боевой дѣятельности была закончена.

Лѣвый флангъ Кавказской линіи, гдѣ пришлось совершить рядъ подвиговъ Якову Петровичу, въ это время тянулся по Сунжѣ и Кач-

калыковскому хребту. Къ югу отъ Сунжи и Кумыкской плоскости находились уже земли чеченцевъ, которыя простирались на востокъ до р. Якташъ, а на югъ почти до Андійскаго хребта, за которымъ шли владѣнія Дагестанскихъ лезгинъ. Мѣстность между Сунжей и Аргуномъ называлась малой Чечней, а къ востоку отъ Аргуна была большая Чечня. Первая имѣла характеръ болѣе равнинный, вторая-же отличалась особенно дикимъ, гористымъ и трудно проходимымъ характеромъ; при этомъ вся Чечня была покрыта дремучими лѣсами, вырубленными лишь у нашихъ укрѣпленій. Часть чеченцевъ между Сунжей и Терекомъ, а также кумыки, между Терекомъ и Качкалыковскимъ хребтомъ, изъявили уже покорность и не принимали участія въ борьбѣ съ нами; впрочемъ, они нерѣдко давали у себя пріютъ своимъ воинственнымъ сосѣдямъ, вторгавшимся въ наши владѣнія. Линія наша была усилена рядомъ небольшихъ укрѣпленій—Грозная, Внезапная, Герзоль-аулъ и т. д.

Это было время наибольшаго развитія мюридизма между горцами Дагестана и Чечни и наибольшаго вліянія Шамиля; это былъ самый разгаръ борьбы съ этими племенами, среди которыхъ чеченцы отличались, пожалуй, наибольшей храбростью и воинственностью, любовью къ свободѣ и религіознымъ фанатизмомъ.

Полкъ, куда былъ назначенъ Баклановъ младшимъ штабъ-офицеромъ, расположенъ былъ въ маленькомъ и бѣдномъ Куринскомъ укрѣпленіи, которое составляло передовой оплотъ нашихъ Кумыкскихъ владѣній и стояло на одномъ изъ сѣверныхъ уступовъ Качкалыковскаго хребта, покрытаго сплошными дремучими лѣсами.

Яковъ Петровичъ прибылъ туда какъ разъ, когда на Кумыкской плоскости было болѣе или менѣе спокойно. Онъ скучалъ бездѣйствіемъ и по собственной иниціативѣ по временамъ предпринималъ партизанскія дѣйствія, которыя скоро доставили Бакланову такую громкую и справедливую извѣстность. Цѣлью чаще всего онъ ставилъ отхватить у горцевъ оплошно пасшіяся стада скота, составлявшія ихъ главное богатство.

Въ началѣ 1846 года, по случаю отъѣзда подполковника Шрамкова на Донъ, Баклановъ былъ назначенъ по выбору главнокомандующаго за свои боевые подвиги командующимъ № 20 полкомъ.

Съ этихъ то поръ и начинается слава Бакланова. Подготовка къ боевой дѣятельности Бакланова была окончена.

Кумыкская линія, гдѣ стоялъ полкъ, шла вдоль непріятельской границы отъ Умаханъ-Юрта на Сунжѣ черезъ Куринское, Герзельаулъ и крѣпость Внезапную до стараго Чиръ-Юрта на Сулакѣ. Тотчасъ за заросшимъ сплошными лѣсами Качкалыковскимъ хребтомъ жили чеченцы, составлявшіе особое Мичиковское наибство; нѣкоторые ихъ аулы стояли на р. Мичикѣ такъ близко отъ насъ, что по зарямъ изъ нихъ доносились крикъ пѣтуховъ и лай собакъ, сторожившихъ стада. Самъ хребетъ номинально входилъ въ наши владѣнія, и границей Чечни оффиціально считалась р. Мичикъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ не то чтобы нашъ, не то чтобы непріятельскій, а такъ себѣ спорный; такъ что за воротами Куринскаго тотчасъ же начиналась земля, на которой чеченцы заводили свои хутора и ставили вышки, откуда наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось на нашей сторонѣ. Остальныя племена Большой Чечни жили въ восточной, самой гористой части края, насупротивъ Внезапной и Герзель аула. Въ этихъ суровыхъ и дикихъ мѣстахъ, по трущобамъ горныхъ рѣчекъ: Аксай, Ямапъ-су, Ярыкъ-су и Якшамъ обитали ауховцы и ичкеринцы. Это было населеніе самое бѣдное, но самое хищное и воинственное, самое враждебное для насъ на Кавказѣ.

Полкъ Бакланова расположился по укрѣпленіямъ передовой Кумыкской линіи, а штабъ оставался въ Куринскомъ.

Оборонительная система, растянутое кордонное расположеніе войскъ, недостатокъ подвижныхъ резервовъ, отсутствіе предпріимчивости частныхъ начальниковъ дѣлали безполезными наши усилія ослабить набѣги горцевъ, которые почти безнаказанно громили тогда не только кумыкскіе аулы, но и прорывались далеко на Терекъ. Особенный недостатокъ чувствовался въ хорошей подвижной конницѣ. Правда, расположеніе казачьихъ полковъ вблизи непріятеля на передовыхъ линіяхъ развивало у нихъ воинственность и навыкъ къ службѣ; но далеко не всѣ полки стояли въ этомъ отношеніи на одной высотѣ. Достоинство полковъ цѣликомъ зависѣло отъ достоинства и талантливости полковыхъ командировъ, которые бы сумѣли вселить въ казаковъ духъ отваги,

энергію, расторопность и сознаніе долга. Особенно это было замѣчено на полкахъ, приходившихъ съ Дона.

Донскіе казаки въ то время не пользовались особымъ почетомъ со стороны кавказскихъ наѣздниковъ, которые даже мѣтко характеризовали ихъ названіемъ „Камышъ“; названіе это они получили благодаря своимъ длиннымъ пикамъ, про которыя чеченцы выражались, что онѣ для нихъ не опаснѣе рѣчного камыша.

Почему тѣ самые донцы, которые еще недавно въ наполеоновскія войны стяжали себѣ такую громкую славу, оказывались несостоятельными въ борьбѣ съ кавказскими горцами, на это было много причинъ. Положимъ, здѣсь имѣла значеніе совершенная новизна обстановки, особенности дикаго противника и горной непроходимой мѣстности; но вѣрно и то, что тутъ меньше всего были виноваты сами казаки: причину этого явленія прежде всего надо бы искать въ тѣхъ распорядкахъ и неурядицахъ, которые допускались кавказскимъ начальствомъ по отношенію къ донскимъ казакамъ. Едва новый полкъ приходилъ съ Дона на линію, въ чужую незнакомую сторону, какъ казаки тотчасъ же разбирались по рукамъ и получали не боевыя, а разныя второстепенныя и вовсе не соотвѣтствовавшія имъ должности и порученія. Каждый адъютантъ и вообще штабный офицеръ, каждый прикомандированный гвардеецъ, даже полицейскій приставъ, провіантскій и интендантскій чиновникъ, мало того, туземецъ-армянинъ, будь онъ переводчикомъ или простымъ маркитантомъ, непремѣнно выпрашивалъ и получалъ казаковъ, которые назначались къ нимъ подъ видомъ драбантовъ, вѣстовыхъ и конвойныхъ. Остальные казаки разбрасывались прямо по отдѣльнымъ постамъ и укрѣпленіямъ, гдѣ попадали подъ начальство чужихъ офицеровъ, мало интересовавшихся ихъ нуждами. Такимъ образомъ, на глазахъ у всѣхъ исчезала и падала боевая казацкая сила; сотни превращались во взводы, теряя свою самостоятельность, а вмѣстѣ съ ней при такихъ условіяхъ утрачивали всякую энергію и полковые, и сотенные командиры. Сами же казаки, предоставленные самимъ себѣ, гибли въ одиночныхъ бояхъ подъ ударами горцевъ, десятками шли въ лазареты или исчезали въ госпиталяхъ, гдѣ и пропадали безслѣдно, такъ что полки возвращались на Донъ иногда въ двухъ и много-много въ 3-сотенномъ составѣ.

Тому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ нравственнымъ состояніемъ духа тогдашнихъ донцовъ на Кавказѣ, стоитъ только прослѣдить ихъ историческія пѣсни, въ которыхъ съ такой безпощадной иронiей и въ такихъ безотрадныхъ, грустныхъ картинахъ рисуется тамошняя жизнь ихъ „на линіи линеюшкѣ, на распроклятой шельмѣ, Кавказской сторонушкѣ“, откуда они не чаяли себѣ выхода.

Незнаніе свойствъ противника, его сноровокъ и образа войны, неблагопріятныя климатическія условія, дурныя казармы и разнаго рода лишенія ломали самыя крѣпкія желѣзныя натуры и заставляли каждый невѣрный шагъ свой оплачивать тяжелой потерею и кровью. Если же добавить, что донскіе полки являлись тогда на Кавказъ на плохихъ лошадяхъ и наполовину составленные изъ малолѣтковъ, дурно вооруженныхъ и еще хуже обученныхъ, такъ что рѣдкій казакъ, по словамъ очевидцевъ, могъ стрѣлять на карьерѣ, сдѣлается понятнымъ, почему донской казакъ, не надѣявшійся ни на своего коня, ни на ружье, ни на пику, которой чеченцы по праву не боялись, становился посредственнымъ воиномъ и игралъ страдательную роль при каждой встрѣчѣ съ проворнымъ и ловкимъ горцемъ. Чтобы поровняться съ нимъ, ему приходилось учиться съ азбуки, а азбука эта давалась нелегко и при благопріятныхъ условіяхъ изучивалась ими тогда, когда года черезъ три приходило время возвращаться на Донъ; а прибывавшіе на смѣну новые казаки не могли воспользоваться даже и плодами пріобрѣтенной ими опытности.

Къ тому же не слѣдуетъ скрывать, что полковые командиры, назначаемые сюда зауряды, по линіи, не всѣ отвѣчали своему назначенію и только рѣдкіе выдавались своими боевыми дѣяніями. Какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, нашелся между ними даже такой, который въ критическую минуту на полѣ сраженія на приказъ начальства воспользоваться удобной минутой для атаки противника, отвѣтилъ, что не можетъ исполнить этого, такъ какъ у него въ части всѣ казаки семейные и онъ не считаетъ себя въ правѣ водить ихъ на убой.

Вотъ въ такомъ положеніи были донскіе полки наши на Кавказѣ, когда въ средѣ полковыхъ командировъ появился Яковъ Петровичъ Баклановъ; и вскорѣ онъ сдѣлалъ чудо: полкъ его подъ его благотворнымъ вліяніемъ превзошелъ своими подвигами лучшіе полки

линейнаго казачества и сдѣлался настоящимъ страшилищемъ Чечни, а лихой командиръ его, отличавшійся беззавѣтной отвагой, тысячи разъ наносившій пораженія со своимъ „камышомъ“ дотолѣ непобѣдимому противнику, былъ прозванъ горцами „Боклю“ и „Джаджалъ—шайтанъ“, что-то среднее между сатаной и чертомъ.

Интересно прослѣдить, какъ же достигъ этого Баклановъ.

Относясь съ беззавѣтной любовью къ славѣ родного ему Донского казачьяго войска, Баклановъ рѣшительно не могъ допустить въ себѣ мысли, чтобы донской казакъ могъ въ чемъ нибудь уступить линейному; а между тѣмъ, въ глубинѣ души онъ долженъ былъ сознаться, что приходившіе съ Дона казаки не обладали ни той опытностью, ни тѣми сноровками, которыя необходимы были для войны на Кавказѣ. И вотъ Яковъ Петровичъ рѣшаетъ довести своихъ донцовъ до такого положенія, чтобы они ни въ бою, ни въ кордонной службѣ ни въ чемъ не уступали линейцамъ.

Прежде всего Яковъ Петровичъ увидѣлъ, что сотни его въ половинномъ составѣ, и онъ началъ свое командованіе тѣмъ, что отобралъ своихъ казаковъ рѣшительно у всѣхъ штабныхъ, чиновниковъ и различныхъ приставовъ. Много пришлось при этомъ перенести непріятностей Бакланову, но онъ поставилъ на своемъ, и его желѣзную волю сломить было въ этомъ случаѣ невозможно. Изъ-за одного отнятаго казака Яковъ Петровичъ готовъ былъ дойти до главнокомандующаго.

Собравъ такимъ образомъ полкъ, Баклановъ самъ занялся устройствомъ его внутренняго быта, его образованіемъ и воспитаніемъ. Онъ принялся за дѣло не круто, но съ должной энергіей, и его собственная неустанная дѣятельность, его строгій характеръ и неуклонное наблюденіе за всѣми, начиная съ есаула до урядника, его безпрестанные осмотры казацкаго оружія и лошадей скоро поставили полкъ на высокую степень боевой подготовки.

Содержаніе лошадей было доведено въ полку до совершенства, но чѣмъ особенно щеголяли казаки—это исправностью и доброкачественностью оружія, чему способствовали частыя стычки съ чеченцами, которыя, по выраженію Бакланова, одѣли, обули и вооружили его казаковъ. Форменные донскіе чекмени, спрятанные въ цейхгаузахъ, хра-

нились на случай парадовъ, а вседневный костюмъ казака составляла азіатская черкеска, прочная, дешевая, а чаще всего даровая, снятая „прямо съ плечъ убитаго татарина". Форменныя шашки покоились въ складахъ, ихъ замѣняли чеченскія шашки, добываемыя съ бою, или большіе лезгинскіе кинжалы. Это имѣло, понятно, и обширное воспитательное значеніе, возбуждая желаніе въ казакѣ добыть себѣ лучшее непріятельское оружіе. Одно, съ чѣмъ Яковъ Петровичъ не хотѣлъ разстаться, это казацкіе дротики; къ нимъ онъ питалъ глубокое унаслѣдованное отъ прадѣдовъ уваженіе и предпочиталъ ихъ всякому оружію даже при спѣшиваніи казаковъ.

При этомъ онъ всѣми мѣрами старался улучшить содержаніе казаковъ и ихъ матеріальную жизнь.

Попутно онъ велъ образцовое строевое образованіе ихъ. Начавъ съ экзамена своихъ офицеровъ въ знаніи уставовъ, особенно, конечно, полевой и аванпостной службы, онъ позже, стремясь поднять ихъ военное образованіе, наладилъ особыя военныя бесѣды, правда, безъ того офиціальнаго скучнаго значенія, какъ теперь, а такъ себѣ при случаѣ, запросто, за чашкой вечерняго чая или за стаканомъ добраго вина. И это въ то время, когда въ нашей арміи еще и мысли не зарождалось о такой мѣрѣ! Казаки же его обучались боевымъ строямъ, развѣдывательной службѣ, саперному, артиллерійскому дѣлу и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ и теперь еще не вездѣ можно подумать. Стремясь къ поставленной цѣли, Баклановъ прежде всего сформировалъ въ полку по личной иниціативѣ особую седьмую сотню, которая, называясь учебною, служила, подобно учебному полку въ Новочеркасскѣ, разсадникомъ образованія въ полку: составленная изъ отборныхъ людей, она давала ему прекрасныхъ инструкторовъ, а въ бояхъ или ходила въ головѣ полка, или составляла надежный резервъ, смотря по обстоятельствамъ. Затѣмъ въ каждой сотнѣ одинъ изъ взводовъ, снабженный шанцевымъ инструментомъ, спеціально обучался саперному дѣлу, и сверхъ того при полку были образованы имъ двѣ команды: одна пластунская, изъ лучшихъ стрѣлковъ и наѣздниковъ, употреблявшаяся на самыя опасныя развѣдки, другая ракетная, которая своими дѣйствіями, какъ батарея, скоро пріобрѣла на линіи всеобщую извѣстность.

Организовавъ такимъ образомъ полкъ, наладивъ его внутренній быть, натаскавъ его въ строевомъ отношеніи, Яковъ Петровичъ обратилъ, наконецъ, вниманіе на то, чтобы ознакомить его съ характеромъ страны, съ образомъ дѣйствій непріятеля и въ то же время поднять его нравственный духъ.

„О храбрости казака,—часто говаривалъ Яковъ Петровичъ своимъ офицерамъ,- заботиться не надо, потому что Донскому казаку нельзя не быть храбрымъ; но надо, чтобы этотъ казакъ смыслилъ что-нибудь и побольше храбрости“. Въ бою его личный примѣръ, его собственная молодецкая отвага была такой прекрасной школой, изъ которой трудно было выйти плохимъ ученикомъ. Дорожа честью и славой воина болѣе, нежели жизнью, онъ требовалъ подобнаго же самоотверженія и со стороны казаковъ. Никто во время боя не смѣлъ покинуть рядовъ; легко раненые должны были оставаться въ строю; даже тѣ, которые лишались своихъ лошадей, бились пѣшкомъ, пока не добывали новыхъ.

„Покажи врагамъ, говорилъ Яковъ Петровичъ, что думка твоя не о жизни, а о славѣ и чести Донского казачества“.

Лучшимъ и единственнымъ способомъ обучить казаковъ дѣйствіямъ —это была, конечно, практика въ дѣйствительномъ бою. Это заставляло Якова Петровича хвататься за каждый случай „учить казаковъ“, водя ихъ противъ непріятеля, самъ тревожа горцевъ и рядомъ мелкихъ стычекъ пріучая казаковъ и къ серьезнымъ битвамъ, которыя предстояли имъ въ будущемъ. Вотъ почему мы видимъ Бакланова первое время командованія полкомъ буквально рыскающимъ вдоль чеченской границы и появлявшимся вездѣ, гдѣ только были слухи о непріятельскихъ партіяхъ. Онъ ѣздилъ въ это время даже съ простыми казачьими разъѣздами, чтобы самому быть свидѣтелемъ встрѣчъ своихъ сыновъ-казаковъ съ противникомъ, и, правда, едва ли не всѣ казаки были обстрѣляны въ присутствіи своего командира. Обладая замѣчательною физическою силою, желѣзнымъ здоровьемъ, и неутомимою энергіей, онъ даже и самое короткое время не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Не спать нѣсколько ночей, рыская съ пластунами по какимъ-нибудь трущобамъ, для него ничего не значило; а между тѣмъ казаки его постепенно втягивались въ трудную кавказскую службу, пріобрѣтали

практическій навыкъ къ войнѣ, пріучались къ бдительности, не гибли уже въ одиночку, какъ прежде, а когда доводилось имъ дѣйствовать массами, то это были, по замѣчанію одного кавказца, „дѣйствительно тѣ страшныя лавы, какія встрѣчались только въ лучшія, такъ сказать, героическія времена нашего казачества“.

Все это было достигнуто, разумѣется, не вдругъ, а постепенно рядомъ практическихъ уроковъ, и, надо отдать Якову Петровичу полную справедливость, онъ былъ учителемъ толковымъ и строгимъ. Никакая, повидимому, мелочь не ускользала отъ его зоркаго глаза; на каждый встрѣчавшійся мѣстный предметъ онъ успѣвалъ обращать вниманіе, объяснялъ его значеніе казакамъ, у которыхъ, какъ говорилъ Яковъ Петровичъ, всегда и на все должны быть глаза: „все замѣть, ничего не моги проглядѣть, а тебя чтобы никто не видѣлъ“. Въ этомъ онъ также являлся самъ образцомъ; онъ обладалъ необыкновеннымъ умѣньемъ открывать непріятеля по ничтожнымъ, казалось бы, признакамъ. Опредѣлить его число, разгадать его намѣренія, проникнуть въ его хитрости и въ концѣ концовъ перехитрить его для Якова Петровича было дѣломъ простымъ и легкимъ, такъ что иногда можно было подумать — не самъ ли противникъ даетъ ему знать о своемъ присутствіи и намѣреніяхъ. Зоркость его глаза и способность запоминать мѣстность приводили въ изумленіе самыхъ опытныхъ проводниковъ и невольно передавались его казакамъ, которые до того изучили окрестную мѣстность, что впослѣдствіи никакія темныя ночи, никакіе густые туманы не останавливали нашихъ развѣдочныхъ партій: они проникали въ самую глубь кавказскихъ трущобъ и выслѣживали всѣ мышиныя норки, откуда выползалъ непріятель. Помимо того Яковъ Петровичъ не жалѣлъ денегъ на лазутчиковъ и зналъ заранѣе всѣ замыслы чеченцевъ; изъ этихъ лазутчиковъ пользовались особой славой двое: одинъ Алибей, уроженецъ одного изъ мичиковскихъ ауловъ, а другой Ибрагимъ состоялъ въ конвоѣ самого Шамиля. О сношеніяхъ этихъ лицъ никто не догадывался. И вотъ горцы, видя, что казаки съ тѣхъ поръ, какъ появился между ними Баклановъ, всегда врасплохъ налетали на ихъ аулы, и что самыя хитрыя козни ихъ обращались на ихъ же головы, невольно поддались суевѣрному страху и названіе „Боклю“, „Джаджалъ“ — дьяволъ утвердилось за Баклановымъ. Такъ

эти названія и перешли съ его именемъ въ народныя чеченскія преданія, такъ они живутъ тамъ и до сихъ поръ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ этого народа. Впрочемъ, вѣдь и сама наружность Якова Петровича была какъ бы нарочно создана для того, чтобы производить на всѣхъ внушающее впечатлѣніе.

Подобною практикой, примѣромъ, неусыпною заботливостью и неумолимой строгостью къ струсившимъ передъ непріятелемъ Баклановъ поднялъ своихъ донцовъ на высокій уровень и заставилъ всѣхъ и каждаго смотрѣть съ уваженіемъ на ихъ боевыя доблести. Такъ готовилъ своихъ соратниковъ Баклановъ, выработавъ для этого свои самобытные пріемы, далеко отличавшіеся отъ существовавшихъ тогда порядковъ; и въ этомъ отношеніи мы можемъ смѣло сказать, онъ дѣйствительно переросъ свою эпоху головой и далъ намъ безсмертный образецъ, подобный образцамъ великаго Суворова.

И вотъ уже въ томъ же 1846 году Бакланову пришлось испытать своихъ казаковъ въ серьезномъ дѣлѣ. Четыре сотни его полка подъ его личнымъ начальствомъ участвовали въ составѣ отряда въ жаркомъ бою подъ кр. Внезапной при пораженіи скопищъ Шамиля. Здѣсь Яковъ Петровичъ впервые водилъ свой полкъ въ атаку на чеченскую конницу и водилъ съ полнымъ успѣхомъ; за отличіе въ этомъ сраженіи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною.

Нѣтъ никакой возможности пересказать хотя бы вкратцѣ всѣ подвиги Якова Петровича за время его десятилѣтняго пребыванія на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи; каждый день приносилъ что-нибудь новое, а иногда въ одинъ день было по два—по три выдающихся факта; и если бы за каждое свое дѣяніе Яковъ Петровичъ получалъ соотвѣтствующую награду, то и онъ съ его могучей фигурой согнулся бы подъ тяжестью всѣхъ этихъ орденовъ и знаковъ отличій. Остановимся только на болѣе выпуклыхъ дѣлахъ, характеризующихъ личность Бакланова, какъ военачальника съ той или другой стороны.

Въ общемъ теперь дѣйствія наши пріобрѣли опредѣленный характеръ: это было постепенное, но вѣрное движеніе впередъ, которое шагъ за шагомъ привело насъ сперва къ занятію всей площади Ма-

лой Чечни, а впослѣдствіи и къ покоренію всей восточной половины Кавказа до Каспійскаго моря. И вотъ въ это дѣло Яковъ Петровичъ внесъ значительную лепту.

Сразу же Баклановъ наноситъ со своимъ полкомъ рядъ пораженій чеченскимъ племенамъ: особено постарадали ближайшіе сосѣди — мичиковцы, а позже онъ производитъ рядъ набѣговъ и на землю ичкеринцевъ и ауховцевъ въ Горную Чечню, и здѣсь также обнаруживаетъ себя рядомъ громовыхъ ударовъ. Подвижность его и энергія, искусное примѣненіе къ мѣстности и умѣнье распознать обстановку были во истинѣ изумительны. Всюду, куда бы ни обращались горцы, предъ ними вездѣ, какъ грозные призраки, являлись баклановцы со своимъ страшнымъ теперь „камышомъ".

И такихъ набѣговъ было исполнено Яковомъ Петровичемъ множество, и вскорѣ имя Бакланова стало извѣстно по всей Чечнѣ; своими лихими дѣйствіями „Боклю" успѣлъ внушить среди нихъ не только страхъ къ себѣ, но и уваженіе. Удачные набѣги Бакланова, сопровождавшіеся для горцевъ часто потерею огромнаго количества скота, составлявшаго, можно сказать, единственный источникъ ихъ существованія, навели на нихъ прямо таки уныніе. Нѣкоторыя дѣла отличались такой быстротой и неожиданностью для горцевъ, что они не успѣвали даже опомниться и только догадывались, что не обошлось безъ шайтана „Боклю". У горцевъ начинался разладъ: старики роптали, укоряя молодежь въ утратѣ воинственнаго духа; молодежь теряла довѣріе къ своимъ предводителямъ.

Напримѣръ, вотъ набѣгъ, произведенный Баклановымъ во главѣ своего лихого 20 полка въ февралѣ 1850 года. Цѣлью набѣга были поставлены въ Аухѣ нѣсколько наиболѣе населенныхъ ауловъ, стоявшихъ въ лѣсистомъ пространствѣ между Ярыкъ-Су и Ямаnъ-Су. Въ полночь на 23 февраля въ Хасавъ-Юртѣ сосредоточился отрядъ въ 5 б. п., 8 ор. и 1 п. Бакланова (подъ начальствомъ Майделя). Баклановъ по обыкновенію шелъ съ авангардомъ. Ночь была темная — шли ощупью между двумя рѣками, волны которыхъ, плескаясь въ крутыхъ берегахъ, заглушали шумъ движенія отряда. Дорога вскорѣ пошла по густому кустарнику, а верстъ черезъ 15 спустилась въ глубокій оврагъ, перерѣзанный широкой канавой съ валомъ, усаженнымъ

колючкой. Препятствіе это вскорѣ было устранено. Но время приближалось къ разсвѣту, а впереди было еще два—три серьезныхъ препятствія. Версты черезъ двѣ было первое—это Гойтемировскія ворота: высокая крутая гора, гора, на которую шла только одна узенькая тропа, запертая на вершинѣ бревенчатыми воротами съ желѣзными скрѣпками, а вправо и влѣво глубочайшіе обрывы съ дремучимъ лѣсомъ. Ворота оберегались карауломъ. Часовые, замѣтивъ насъ и выстрѣливъ въ воздухъ, бѣжали. Казаки принялись за дѣло и черезъ четверть часа запоры были сбиты и крѣпкія ворота лежали на землѣ. Медлить было нельзя: тревога уже распространилась между горцами. Баклановъ съ своими донцами понесся маршъ-маршъ впередъ. Аулы были обнесены высокой оградой со рвомъ, изъ-за которой сыпались частые выстрѣлы чеченцевъ. Но вскорѣ чрезъ проломы казаки ринулись на улицы ауловъ, которые однако оказались пусты: жители успѣли уйти, остались только фанатики да старики. Однако, мы истребили и предали пламени всѣ аулы. Но съ перваго же шага назадъ завязалось упорное дѣло. Кавалерія шла въ арьергардѣ, и непріятель, засѣвъ по обѣ стороны дороги въ лѣсистыхъ оврагахъ, пропускалъ казаковъ подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Надо было во что бы то ни стало выбить противника. Но какъ? Баклановъ рѣшился на отчаянный подвигъ: перемѣнивъ фронтъ полка налѣво въ карьеръ Яковъ Петровичъ выхватилъ изъ рукъ ординарца значекъ и съ обычнымъ крикомъ „Съ Богомъ, впередъ, за мной“ ринулся съ кручи прямо въ лѣсистый оврагъ, гдѣ текъ Яманъ-су. Не только горцы, но и наша пѣхота была ошеломлена видомъ казаковъ, скакавшихъ во всѣ поводья прямо въ глубокую пропасть, тамъ, гдѣ едва могли пробираться пѣшіе. Опомнившись, горцы стали сбѣгаться вмѣстѣ, чтобы ударить въ шашки и кинжалы. Но казаки, по знаку Бакланова, мигомъ спѣшились и, бросивъ лошадей, ринулись въ пики. Подоспѣвшая пѣхота оцѣпила лошадей, въ качествѣ коноводовъ. Положеніе получилось удивительное! Пока въ лѣсу шла рукопашная, человѣкъ 100 горцевъ, засѣвъ сбоку на курганѣ, обстрѣливали насъ фланговымъ огнемъ. Яковъ Петровичъ выдѣлилъ 50 казаковъ выбить ихъ; но казаки, дойдя до кургана, залегли подъ огнемъ чеченцевъ у подошвы; настала минута нерѣшительности. Яковъ Петровичъ, узнавъ объ этомъ,

весь перемѣнился въ лицѣ, вѣдь это были его сыны. Въ порывѣ страшнаго гнѣва онъ, подскакавъ къ кургану, распорядившись съ казаками по своему, крикнулъ—„впередъ!“ и, выхвативъ шашку, самъ повелъ ихъ на курганъ. Минута,—и горцы, сбитые, бѣжали безъ оглядки. Дѣло было кончено.

Предусмотрительность и осторожность, быстрота и нечаянность, смѣлость и натискъ—вотъ главныя черты этого набѣга, характеризующія вообще тактику этого чудо богатыря. Полная параллель Суворовскимъ—„глазомѣръ, быстрота, натискъ“, поставленнымъ имъ въ основу военнаго искусства.

Наградой Бакланову за отличія въ этихъ дѣлахъ былъ чинъ полковника (1851 г.).

А вотъ еще эпизодъ, характеризующій богатырскую личность Бакланова. Получивъ свѣдѣніе отъ лазутчика Алибея о готовящемся набѣгѣ сильной партіи чеченцевъ, Баклановъ собралъ отрядъ (1 б., 4 сот. и 1 ор.) и отправился въ ночь на 14 марта 1850 г. сторожить чеченцевъ въ засадѣ въ одинъ извѣстный ему оврагъ въ окрестностяхъ Умаханъ-Юрта на Гудермесѣ. На разсвѣтѣ, дѣйствительно, показалась партія конеи въ 700; впереди рыскали развѣдчики. Такъ какъ мы не могли укрыться отъ нихъ, то Баклановъ, не теряя времени и не давая имъ опомниться, рѣшилъ кинутся въ атаку. Онъ первый вылетѣлъ изъ оврага и мощнымъ ударомъ разсѣкъ до сѣдла одного изъ переднихъ горцевъ; остальные повернули назадъ. Но вотъ выхвачены изъ чехловъ винтовки, загремѣли выстрѣлы и Яковъ Петровичъ, почувствовавъ жгучую боль въ лѣвой ногѣ, отъѣхалъ въ сторону: оказалось пуля попала въ бедро и повредила кость. Между тѣмъ 4 сотни вынеслись изъ засады и лавой ударили на горцевъ, которые, смѣшавшись, открыли по нимъ живой огонь. Казаки стали въ ожиданіи пѣхоты. Тогда Яковъ Петровичъ, убѣдившись, что еще сидитъ въ сѣдлѣ, самъ прискакалъ сюда, и видя, что атака будетъ безполезна, выдвинулъ артиллерію. Картечь и ракеты заставили горцевъ скоро бросить позицію; тогда съ нашей стороны началась бѣшеная погоня.

Извѣстіе о ранѣ Б. облетѣло всѣ аулы и вызвало у чеченцевъ ликованіе. Они почему-то вообразили, что „Боклю“ при смерти, и

вотъ желая воспользоваться этимъ, мигомъ собрали огромную партію и двинулись къ намъ. Но когда лазутчикъ сообщилъ объ этомъ Бакланову, то онъ, превозмогая страшную боль, мѣшавшую ему даже сидѣть въ постели, въ ночь на 25-е марта самъ повелъ отрядъ свой, устроилъ съ нимъ засаду и такъ угостилъ горцевъ, что они окончательно рѣшили, что „Боклю“ самъ „джаджалъ“.

Здѣсь же упомянемъ кстати, что о своихъ ранахъ Баклановъ не доносилъ никому и онѣ даже не внесены въ его послужной списокъ. Такова была скромность этого великолѣпнаго человѣка!

Вскорѣ Якова Петровича ожидала большая непріятность: онъ долженъ былъ разставаться съ своимъ любимымъ дѣтищемъ, съ 20 полкомъ, которому предстояло уходить на Донъ. Дѣло въ томъ, что Донскіе полки командировались сюда на нѣсколько лѣтъ, а послѣ этого на смѣну ихъ приходили другіе съ новымъ начальствующимъ персоналомъ.

Удержать еще 20 полкъ было невозможно, но разстаться въ то же время и съ Баклановымъ кавказское начальство не допускало и мысли. „Этотъ человѣкъ, писалъ кн. Воронцовъ въ Петербургъ, дорогъ намъ за свою выдающуюся храбрость, свой свѣдущій умъ, за военныя способности, знаніе мѣстъ и страхъ, который онъ внушилъ непріятелю; самъ Шамиль упрекаетъ уже своихъ наибовъ за страхъ, питаемый ими къ Бакланову. Казаки его за 5 лѣтъ сдѣлались достойными своего начальника и навѣрно можно сказать, что и новый полкъ, каторый онъ приметъ въ свое командованіе, скоро будетъ такой же храбрый и будетъ такъ же отличаться, какъ и теперешній. Ради общей пользы службы и всего дѣла на Кавказѣ не лишайте насъ этого нужнаго человѣка“. Наконецъ, только послѣ всеподданнѣйшаго доклада просьба эта была уважена. „Государь, отдавая полную справедливость заслугамъ Бакланова, позволилъ оставить его на Кавказѣ не въ примѣръ другимъ, а какъ исключеніе изъ общаго правила“. И вотъ въ іюнѣ 1850 года на смѣну 20 полка былъ присланъ новый № 17-й. Пріемъ новаго и сдача стараго полка окончились въ нѣсколько дней. „Наконецъ, говоритъ Яковъ Петровичъ, настала тяжелая минута разставанья съ моими воспитанниками и братьями“... Готовый къ походу полкъ выстроился на площади. Яковъ Петровичъ подъѣхалъ къ нему,

чтобы въ послѣдній разъ поблагодарить казаковъ за ихъ молодецкую службу, но не могъ сказать ни слова. „Меня, говоритъ онъ, поразилъ видъ казаковъ, этихъ желѣзныхъ богатырей, плакавшихъ навзрыдъ отъ праваго до лѣваго фланга, какъ малыя дѣти. Сердце мое мучительно сжалось, я отвернулся въ сторону, махнулъ рукой, и молча выѣхалъ изъ воротъ укрѣпленія“. Въ послѣдній разъ потянулись за нимъ его бравыя сотни. Яковъ Петровичъ проводилъ ихъ до слѣдующаго поста и здѣсь окончательно распростился съ своими боевыми сотоварищами, чудо-богатырями.

Отсюда онъ поспѣшилъ въ Куринское, чтобы скорѣе ознакомиться съ новымъ полкомъ, положить въ немъ прочныя боевыя начала и тотъ молодецкій духъ, которымъ отличался старый полкъ. „Въ 20-й полкъ, не разъ говорилъ Яковъ Петровичъ, я положилъ всю свою душу: это было мое чадо, мое созданіе. 17-й же полкъ былъ созданіемъ какъ моимъ, такъ и моихъ старыхъ боевыхъ сослуживцовъ“. Надо сказать, что многіе штабъ и оберъ-офицеры, урядники и даже простые казаки, наиболѣе лихіе и преданные военному дѣлу, вызвались охотою на переводъ въ 17-й полкъ изъ 20-го и послужили ему превосходнымъ кадромъ; между ними сотенные командиры: Березовскій, Банниковъ, Поляковъ, Захаровъ, Балабинъ; съ ихъ помощью дѣло пошло успѣшно и быстро. Тотчасъ, по примѣру стараго полка, были сформированы: учебная 7-я сотня, саперная, пластунская и ракетная команды. Молодые донцы, наслушавшись разсказовъ о подвигахъ 20 полка и о знаменитой храбрости своего командира, занимались охотно и горѣли желаніемъ показать себя достойнѣйшими преемниками славы, достигнутой ихъ старшими сослуживцами. Когда молодые казаки спрашивали у старыхъ о своемъ командирѣ, они отвѣчали: командиръ такой, что при немъ и отца родного не надо. Если есть нужда, иди прямо къ нему: поможетъ и добрымъ словомъ, и совѣтомъ, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалѣетъ, послѣднюю рубашку скинетъ и отдастъ, а тебя въ нуждѣ твоей выручитъ. Но на службѣ, братцы, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцевъ, а бойтесь своего асмодѣя: шагъ назадъ — въ куски изрубитъ“... Какъ это опять таки напоминаетъ великаго Суворова: „Идти впередъ .. и забывать о ретирадѣ; впередъ 3—10 шаговъ позволю, назадъ шагъ одинъ —смерть!

И эти простыя слова какъ нельзя вѣрнѣе охарактеризовали казакамъ и личность, и боевую дѣятельность ихъ новаго начальника. И попрежнему, чтобы натаскать свой полкъ, Баклановъ прежде всего хлопочетъ чаще давать ему случаи быть въ дѣлѣ. Случаи, конечно, не замедлили представиться,—и Баклановъ остался сразу же доволенъ поведеніемъ въ бою молодыхъ казаковъ: закваска, духъ, традиціи дѣлали быстро свое дѣло. И снова началась прежняя боевая жизнь Якова Петровича.

Интересенъ эпизодъ, случившійся въ это время и рисующій характеръ Якова Петровича: неспособный заискивать у начальства, выслуживаться, гордый и самолюбивый, готовый всегда рѣзать правду-матку прямо въ глаза начальству, какъ бы эта правда не была горька, если только того требовала польза общаго дѣла. Ген. Козловскій, пользуясь тѣмъ, что партія чеченцевъ была разбита близъ Шали, рѣшилъ съ отрядомъ двинуться изъ Куринскаго на Мичикъ, чтобы, какъ онъ выразился, позабавиться и попугать горцевъ, предполагая, что силы ихъ за Мичикомъ не велики. Напрасно Баклановъ утверждалъ противоположное и умолялъ не предпринимать экспедиціи, зная силу чеченскихъ позицій, усиленныхъ редутами, и силу ихъ артиллеріи, уже пристрѣлявшейся къ впереди лежащей мѣстности. Дѣйствительно, едва мы спустились съ Качкалыковскаго хребта, какъ противникъ сталъ сразу обстрѣливать насъ сильнымъ и меткимъ огнемъ; отрядъ сталъ нести значительныя потери безъ возможности продвинуться впередъ. Козловскій пригласилъ къ себѣ Якова Петровича, чтобы показать стрѣльбу нашей артиллеріи. Но Баклановъ, видя, что противникъ все же одерживаетъ верхъ, въ огнѣ и кругомъ валятся понапрасну убитые и раненые, закипѣлъ неудержимымъ гнѣвомъ: „если вы звали меня, рѣзко сказалъ онъ, только затѣмъ, чтобы полюбоваться на этихъ убитыхъ, то я долженъ сказать вамъ, что и вы, и я оба находимся не на своихъ мѣстахъ. Настойчиво совѣтую начать тотчасъ же отступленіе“; повернулъ лошадь и уѣхалъ къ своему полку. Яковъ Петровичъ оказался правъ; набѣгъ потерпѣлъ полную неудачу.

Вскорѣ Якову Петровичу пришлось съ успѣхомъ командовать значительнымъ количествомъ конницы.

Въ 1851 г. Яковъ Петровичъ былъ вызванъ въ Грозную для

участія въ лѣтней экспедиціи, предпринимавшейся подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго. Баклановъ прибылъ съ сотней своего полка и получилъ начальство надъ всей конницей отряда, составленной изъ одного линейнаго казачьяго полка, 9 сотенъ донцовъ и Грозненской милиціи. 28 іюня войска сосредоточились противъ Герменчукскаго лѣса, за которымъ лежалъ самый большой и крѣпкій чеченскій аулъ-Герменчукъ. Пока пѣхота проходила лѣсъ, 23 сотни конницы подъ общимъ начальствомъ Якова Петровича двинулись впередъ и, отбросивъ горцевъ, прорвались на герменчукскія поля. Здѣсь чеченцы въ огромныхъ партіяхъ вздумали остановить нашу конницу. Непріятель встрѣтилъ насъ убійственнымъ огнемъ, оглашая поля громкимъ гикомъ. Шедшія впереди 4 сотни донцовъ 19-го полка, только что прибывшія съ Дона, не обстрѣлянныя еще, остановились въ нерѣшимости. Баклановъ подлетѣлъ къ нимъ. „Казаки, крикнулъ онъ, я самъ поведу васъ на непріятеля. Обо мнѣ вы слышали; хочу, чтобы говорили и о васъ; разобьемъ чеченцевъ, и слава ваша пронесется изъ края въ край, до самыхъ береговъ нашего Тихаго, завѣтнаго Дона“! Онъ всталъ передъ срединою сотенъ и медленно вынулъ изъ ноженъ свою тяжелую 1/2-пудовую прадѣдовскую шашку. Наэлектризованные безстрашнымъ начальникомъ, лихо помчались за нимъ казаки, забывъ и неудобную мѣстность, и число непріятеля, и свою малочисленность. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что горцы не выдержали и обратились въ бѣгство.

Пользуясь этимъ успѣхомъ, Баклановъ съ конницей вытопталъ чеченскіе луга и истребилъ огромное количество хлѣба и кукурузы. Непріятель держался вдали, но когда началось отступленіе и мы втянулись въ лѣсъ, онъ насѣлъ со всѣхъ сторонъ на пѣхотный арьергардъ. Завязалась жаркая схватка, и горцамъ вскорѣ удалось прорвать нашу цѣпь, опрокинуть ее на поляну. По счастью, Яковъ Петровичъ былъ неподалеку; мгновенно онъ очутился въ толпѣ бѣжавшихъ, его зычное „стой“! его внушительный видъ—всѣхъ приковалъ къ мѣсту. Первый дрогнувшій затѣмъ подъ натискомъ чеченцевъ, былъ изрубленъ Баклановымъ на мѣстѣ. Остальные солдаты, сомкнувъ ряды и кинувшись за Баклановымъ, выбили противника. Отрядъ, отразивъ горцевъ, блестяще выполнилъ свою задачу. Баклановъ вернул-

ся въ Куринское. Наградою Якова Петровича былъ орденъ Владимира 3 ст.

Вскорѣ послѣ того новое удачное дѣло было совершено Яковомъ Петровичемъ, въ окрестностяхъ Куринскаго. „Однажды, разсказываетъ Яковъ Петровичъ, въ праздникъ Успенія, пообѣдавъ послѣ полудня, я прилегъ отдохнуть въ маленькой коморкѣ, дверь изъ которой выходила на крылечко, гдѣ помѣщались мои ординарцы, висѣло оружіе и стояла всегда осѣдланная лошадь. День былъ нестерпимо душный. Раскинувшись на коврѣ я раздѣлся до гола, снялъ даже рубашку и въ однихъ чевякахъ уснулъ, какъ убитый. Вдругъ меня разбудилъ орудійный выстрѣлъ и крикъ ординарца: „чеченцы". Шумъ, крикъ, суматоха кругомъ на улицахъ. Я бросился прямо къ двери, схватилъ шашку, вскочилъ на коня и только, очутившись на площади, увидѣлъ, что на мнѣ ничего нѣтъ кромѣ чевяковъ и шашки. Но одѣваться было некогда. Накинувъ бурку, Яковъ Петровичъ съ 2 сотнями вынесся за укрѣпленіе и вскорѣ наткнулся на огромную партію чеченцевъ, лошадей въ 800. Озадаченныя сотни остановились, но Баклановъ выхватилъ изъ рукъ ординарца пику и съ крикомъ „впередъ!" ринулся на непріятеля; казаки не отставали отъ любимаго начальника. Работая пикой, Баклановъ, какъ сказочный богатырь, валилъ вокругъ себя толпы непріятеля. Горцы дрогнули и бѣжали.

Плѣнные чеченцы были очень смущены и объясняли дѣло наважденіемъ „Боклю", который, по ихъ словамъ, если и не самъ „джаджалъ", то близкій его родственникъ. Во-первыхъ, мы съ горъ, говорили они, ясно видѣли скотъ, пасшійся подъ укрѣпленіями безъ прикрытія. По едва мы, призвавъ Аллаха на помощь, ринулись внизъ, какъ скотъ провалился будто сквозь землю, а вмѣсто него очутились казаки и впереди голый всадникъ, скакавшій со страшной пикой, и отъ дуновенія этого всадника мы валились, какъ опаленные небесной молніей. Мы слышали, правда, голосъ Бакланова, но былъ ли то онъ или самъ шайтанъ въ его образѣ, намъ неизвѣстно.

И вотъ готова была легенда о превращеніи скота въ казаковъ и о смертномъ дыханіи страшнаго всадника. И впечатлѣніе это еще больше усилилось, когда Я. П. сталъ выѣзжать съ оригинальнымъ значкомъ въ видѣ большого чернаго знамени съ изображеніемъ нося-

рединѣ Адамовой головы съ 2 костями подъ ней, накрестъ положенными. Значекъ этотъ былъ присланъ Бакланову почтой, но откуда—такъ и осталось ему неизвѣстнымъ. Черный и мрачный, какъ надгробная хоругвь, какъ вѣчное „memento mori“, онъ производилъ паническій страхъ на чеченцевъ.

А вотъ дѣло, за которое Баклановъ получилъ Георгіевскій крестъ. Въ 1852 г. войска нашего отряда стягивались въ укрѣпленіе Воздвиженское. Предположено было съ ними углубиться въ самое сердце Большой Чечни, разбить скопища горцевъ, уничтожить ихъ средства продовольствія, окончить работу просѣкъ и добраться къ подножію черныхъ горъ, взявъ с. Маіартупъ, и пройти въ Куринское укрѣпленіе. Свѣдѣніе объ этомъ дошло до Шамиля и онъ рѣшилъ всѣми силами воспрепятствовать этому. Въ то время, какъ кн. Барятинскій рѣшилъ идти на Маіартупъ, другой небольшой отрядъ (3 б. и 4 ор.) подъ начальствомъ Бакланова долженъ былъ проложить широкую просѣку черезъ Качкалыковскій хребетъ и перебросить ее за Мичикъ, подготовивъ путь для кн. Барятинскаго. Горцы укрѣпили позиціи на томъ берегу Мичика. Между тѣмъ работы Бакланова подвигались быстро впередъ. Успѣхъ этотъ былъ достигнутъ главнымъ образомъ благодаря заботамъ Бакланова о войскахъ, которыя ежедневно на ночлегъ возвращались въ Куринское. Съ ранняго утра Баклановъ съ пластунами уѣзжалъ впередъ осматривать мѣстность, самъ разсматривалъ аванпосты, распоряжался работами. Затѣмъ, въѣхавъ на высокій курганъ, пытливо всматривался въ подзорную трубу, что дѣлалось у непріятеля. Горцы уже привыкли видѣть его огромную фигуру на курганѣ. Иногда завязывалась перестрѣлка, и начинался горячій бой.

Разъ въ Куринское прибылъ лазутчикъ Алибей и предупредилъ Бакланова, что одинъ горецъ, прекрасный стрѣлокъ, похвастался изъ засады изъ старой батареи съ другого берега убить Бакланова, когда онъ на слѣдующій день по обыкновенію выѣдетъ на курганъ. Слухъ этотъ разнесся по отряду. „На другой день, зная, что меня ожидаетъ, разсказываетъ Яковъ Петровичъ, я остановилъ войска нѣсколько дальше и одинъ съ ординарцемъ поѣхалъ на курганъ. Вскорѣ я увидѣлъ батарейку, откуда долженъ былъ послѣдовать роковой выстрѣлъ. Взявъ у ординарца штуцеръ, я поднялся на пригорокъ; опустивъ поводья, я

пристально смотрѣлъ на батарею, до которой было шаговъ 150. Нельзя сказать, чтобы я былъ спокоенъ. Вотъ, наконецъ, за гребнемъ мелькнула черная папаха и блеснулъ стволъ, направленный на меня. Провидѣніе спасло мнѣ жизнь: пуля пролетѣла мимо, едва зацѣпивъ край полушубка. Когда тавлинецъ поднялся, чтобы посмотрѣть на результатъ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что я сижу на конѣ. Тогда, пригнувшись, онъ суетливо принялся заряжать ружье. Я рѣшилъ тогда, что новый выстрѣлъ будетъ еще менѣе вѣренъ. Тогда, успокоившись, я вынулъ ногу изъ стремени, положилъ ее на голову лошади и приготовилъ штуцеръ. Какъ только раздался выстрѣлъ, я быстро вскинулъ ружье, курокъ брякнулъ и мой татаринъ, вскинувъ руками, опрокинулся навзничь; пуля попала ему между бровей". Когда Баклановъ, повернувъ коня, сталъ спускаться съ кургана, въ войскахъ загремѣло „ура", и даже чеченцы, слѣдившіе за поединкомъ, вскочили на завалы и оглашали воздухъ неистовымъ: „Якши Боклю, браво Боклю, молодецъ Боклю"! Таково было самообладаніе этого человѣка! Фактъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на горцевъ, у которыхъ даже съ тѣхъ поръ сложилась пословица: „не хочешь ли убить Бакланова"? которую говорили, когда хотѣли остановить какого-нибудь хвастуна.

Наконецъ, работы по просѣкѣ были окончены и войска Бакланова распущены по квартирамъ.

Въ это время Шамиль съ огромнымъ скопищемъ (въ 10.000 ч.) явился на Мичикъ и сталъ у переправы противъ просѣки Бакланова.

Между тѣмъ, отъ кн. Барятинскаго не было никакихъ извѣстій. Наконецъ, нашъ разъѣздъ доставилъ свѣдѣніе, что со стороны Маіартупа слышны орудійные выстрѣлы. Провѣривъ это извѣстіе, Баклановъ по собственной инниціативѣ приказалъ отряду снова стягиваться къ Куринскому, такъ что когда въ полночь получили приказъ Барятинскаго выступать за Мичикъ, чтобы къ разсвѣту быть у маіартупскаго орѣшника у стараго Аки-Юрта и захватить переправу черезъ р. Гонзолку, у Бакланова подъ рукой оказалось 1½ б. 2 ор. и весь 17 полкъ. Зная, что горцы сторожатъ насъ на просѣкѣ, Баклановъ рѣшилъ провести свой отрядъ прямо лѣсами безъ дорогъ по страшнымъ кручамъ, гдѣ ихъ чеченцы не видали. Впрочемъ, нѣкоторые изъ

нихъ указывали Шамилю на возможность такого движенія Бакланова, но Шамиль считалъ, что другого пути для Бакланова быть не можетъ. Когда же старики чеченцы говорили, что Баклановъ пройдетъ и безъ дорогъ вездѣ, гдѣ пролетаетъ птица и проползаетъ змѣй, Шамиль разсердился не на шутку. „Если бы вы, заявилъ онъ, боялись Аллаха такъ, какъ боитесь Бакланова, то вы навѣрно были бы святыми“!

И вотъ, въ глухую, бурную ночь, подъ свистъ вѣтра, поднимавшаго метель (дѣло было въ ночь 16—17 февраля), отрядъ Бакланова шелъ въ обходъ Шамиля по глухимъ лѣснымъ трущобамъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ продвигаясь впередъ. Наконецъ, всѣ трудности были преодолѣны и Мичикъ остался за нами; стало проясняться, и впереди вскорѣ замѣтили старый Аки-Юртъ.

Подойдя къ этому мѣсту, отрядъ очутился въ углу при сліяніи 2 рѣкъ—Гонзолки и Мичика, отвѣсные берега которыхъ обезпечивали нашу позицію съ фронта. Здѣсь Баклановъ долженъ былъ ждать Барятинскаго. Время однако шло, а о Барятинскомъ не было ни слуху, ни духу, и только уже въ 1 часъ дня послышались съ его стороны сигнальные выстрѣлы.

Солнце уже склонилось къ закату, когда отряды, наконецъ, соединились и двинулись дальше. Баклановъ со своимъ полкомъ пошелъ впередъ, чтобы до темноты овладѣть завалами чеченцевъ и возстановить переправу черезъ Мичикъ, уничтоженную горцами. Для поддержанія его были двинуты 1 бат. пѣх., 4 ор. и 12 ракетн. станковъ. Баклановъ велъ свою конницу рысью; вправо отъ него на опушкѣ лѣса возвышался редутъ чеченцевъ, а отъ него въ сторонѣ тянулась огромная линія заваловъ. Болѣе 1000 челов., поклявшихся Шамилю не пропустить насъ, лежали въ этихъ завалахъ. Подойдя къ нимъ, Баклановъ развернулъ свой полкъ, и, „ничтоже сумняшеся“, ринулся на нихъ въ атаку. Но едва онъ произнесъ обычное „съ Богомъ—впередъ“ и, выхвативъ шашку, понесся на завалы,—грянулъ залпъ, и Баклановъ съ лошадью грянулся наземь. „Ребята, командиръ убитъ, мщеніе!“ разнеслось по фронту, и разъяренные донцы кинулись на завалы; нѣкоторые перескочили ровъ верхомъ, другіе, спрыгнувъ съ ней, полѣзли на завалы пѣшими. Озадаченный сперва, противникъ

съ гикомъ встрѣтилъ ихъ въ шашки; завязалась жестокая свалка. Бой сталъ клониться на сторону сильнѣйшаго противника; мюриды одолѣвали. Но въ это время Баклановъ, подъ которымъ была убита лошадь, поднялся на ноги и, увидѣвъ подходившія поддержки, пѣхоту направилъ правѣе въ лѣсъ, съ лѣваго фланга, а самъ съ артиллеріей вынесся въ карьеръ изъ-за праваго фланга чеченцевъ, разомъ пустивъ огонь вдоль заваловъ. Чеченцы смѣшались, а казаки, услышавъ знакомый голосъ, — „впередъ“, напрягли послѣднія силы и снова кинулись въ дротики. Черезъ нѣсколько минутъ Барятинскій уже увидѣлъ черный значекъ Бакланова, развѣвавшійся надъ непріятельскими завалами. Переправа черезъ Мичикъ была взята, и флангъ Барятинскаго былъ прикрытъ.

Когда же отрядъ переправился и сталъ подниматься на Качкалыковскій хребетъ, Баклановъ долженъ былъ принять командываніе надъ арьергардомъ, оставленнымъ на лѣвомъ берегу Мичика. Задача прикрытія переправы была нелегкая, хотя къ его полку прибавилось еще 6 бат. пѣх. и 24 ор., но силы эти были ничтожны въ сравненіи съ противникомъ. Между тѣмъ наступила уже темнота, передъ позиціей Бакланова близко проходилъ дремучій лѣсъ, наполненный чеченцами, а сзади обрывистыя кручи Мичика. При первомъ шагѣ назадъ горцы должны были обрушиться на насъ и задавить нашъ слабый отрядъ. Вдобавокъ отошедшая пѣхота Барятинскаго зажгла береговыя батареи, и свѣтъ обнаруживалъ непріятелю наши силы. Понимая опасность, Баклановъ собралъ всѣхъ ротныхъ командировъ и предупредилъ ихъ, что, по командѣ „налѣво кругомъ“, всѣ люди должны сами возможно скорѣе бѣжать назадъ на переправу, не заботясь ни о какомъ порядкѣ.

Такъ уже тогда былъ рѣшенъ Баклановымъ вопросъ о возможности отступленія пѣхоты бѣгомъ, вопросъ, окончательно выясненный только въ нынѣшнюю русско-японскую войну. „Если бы отступать по положенію, говорилъ Баклановъ, чеченцы задавили бы меня, и я не перевелъ бы и $^1/_2$ отряда, а такъ я могъ спасти всѣхъ. Надо было рискнуть на такой способъ“. Такъ Баклановъ мѣнялъ формы тактики въ зависимости отъ обстоятельствъ, что было проявленіемъ его личнаго творчества и глубокаго знанія военнаго дѣла.

Когда горѣвшія батареи были затушены, казачій полкъ съ 4 ор. первый перешелъ Мичикъ и занялъ на томъ берегу позицію. Съ этой же стороны шла ожесточенная перестрѣлка. Вдругъ со стороны лѣса послышались какіе-то странные заунывные звуки: „Ля илляхи-иль-Алла“. То мюриды пѣли свою предсмертную пѣсню,—знакъ, что они готовились броситься въ шашки. Медлить больше было нельзя. По командѣ Бакланова вся артиллерія карьеромъ перенеслась черезъ Мичикъ и, снявшись на томъ берегу съ передковъ, зарядила орудія картечью. Тогда Баклановъ крикнулъ: „всѣ налѣво кругомъ“! Вся пѣхота, прекративъ огонь, бросилась со всѣхъ ногъ назадъ на переправу. Сообразивъ, въ чемъ дѣло, чеченцы съ гикомъ бросились догонять бѣгущихъ; вотъ они уже нагоняютъ столпившихся на берегу солдатъ, какъ вдругъ наши орудія съ того берега грянули залпомъ, и картечью разомъ обдало непріятеля. Гиканье прекратилось; противникъ, понеся громадныя потери, отступилъ. Тогда оставивъ на переправѣ казаковъ, отрядъ Бакланова съ пѣснями и барабаннымъ боемъ двинулся въ Куринское.

Барятинскій, слыша страшную канонаду, волновался чрезвычайно, и когда Баклановъ вошелъ въ комнату, первыя слова его были: „Дѣдъ, гдѣ отрядъ“? „Идетъ въ Куринское“, отвѣтилъ Баклановъ. Князь Барятинскій перекрестился. „А потери большія?“ спросилъ онъ снова, помолчавъ. „Ни одного человѣка“! отвѣтилъ Баклановъ. Барятинскій подошелъ и обнялъ Якова Петровича.

Въ этомъ дѣлѣ, мы видимъ, проявилось нѣчто, гораздо большее обыкновенной храбрости; здѣсь проявилось высшее военное искусство Бакланова. За этотъ подвигъ Баклановъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст.

Престижъ Шамиля былъ подорванъ между чеченцами. Для поддержанія духа между ними Шамиль поселилъ на мѣстѣ аула Гурдали, въ мѣстности почти неприступной, самыхъ враждебныхъ намъ своихъ горячихъ приверженцевъ. И вотъ слѣдующій подвигъ Бакланова былъ искусный ночной набѣгъ на этотъ аулъ и полный разгромъ его.

За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ 1852 году полковникъ Баклановъ былъ произведенъ въ генералы съ оставленіемъ однако командиромъ 17 полка.

Всѣ эти экспедиціи, совершаемыя при главномъ содѣйствіи Бак-

ланова, положили начало будущаго покоренія чеченцевъ; съ этихъ поръ переселеніе ихъ въ наши предѣлы начинаетъ принимать огромные размѣры.

Чтобы закончить описаніе дѣятельности Бакланова въ Куринскомъ, намъ придется изложить еще одну экспедицію, въ которой онъ принималъ самое горячіе участіе. Цѣль этой экспедиціи была занять берега Мичика и вырубить рядъ новыхъ просѣкъ въ Большую Чечню. 29 января 1853 года въ Куринскомъ сосредоточился отрядъ подъ начальствомъ кн. Барятинскаго въ составѣ 11 бат. п., 11 с. казаковъ, 2 дивизіоновъ драгунъ и 32 ор. Всей конницей командовалъ Баклановъ. Развѣдка Бакланова обнаружила, что лучшій путь переправы черезъ Мичикъ находится противъ позиціи чеченцевъ, ключъ которой составлялъ мысъ при сліяніи Гонзолки и Мичика. Мичикъ не широкъ, но течетъ здѣсь въ очень крутыхъ берегахъ на глубинѣ болѣе 10 саженъ. Спуститься съ этой кручи подъ огнемъ противника и штурмовать отвѣсный противоположный берегъ было дѣломъ очень рискованнымъ. На позиціи, хорошо укрѣпленной, сосредоточилось болѣе 2.000 горцевъ, прибывшихъ съ Шамилемъ, и стояла 10 ор. батарея. Поэтому рѣшено было атаковать эту позицію съ обходомъ фланга, и этотъ трудный обходъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ экспедиціи, былъ порученъ Бакланову. За одну ночь Баклановъ развѣдалъ и нашелъ бродъ черезъ Мичикъ, верстахъ въ 15 отъ позиціи и взялся выполнить задачу съ 2 п. казаковъ 3 б. п. и 8 ор.; по расчетамъ Бакланова, около полудня обходъ долженъ былъ закончиться.

Въ этомъ дѣлѣ Баклановъ сосредоточилъ всѣ свои блестящія военныя способности, чувствуя, что отъ него теперь зависитъ спасеніе края и честь русскаго оружія.

Пользуясь густымъ предразсвѣтнымъ туманомъ, онъ двинулся въ путь, вступивъ сразу въ сплошные лѣса. Весь рискъ заключался въ движеніи въ глухомъ бездорожномъ лѣсу, въ непроглядной тьмѣ. Но солдаты знали, съ кѣмъ они шли, и довѣрчиво, съ любовью смотрѣли на своего командира. Высланныя заранѣе учебная и саперная команды Бакланова устроили быстро переправу для артиллеріи, и отрядъ на разсвѣтѣ благополучно перебрался черезъ Мичикъ.

Баклановъ съ конницей пошелъ впередъ, приказавъ пѣхотѣ

слѣдовать за нимъ. Вотъ лѣсъ началъ рѣдѣть, показалась роковая поляна, и на ней замелькали значки Шамилевыхъ мюридовъ. Осмотрѣвъ непріятельскую позицію, Баклановъ, къ досадѣ своей, увидѣлъ, что она раздѣляется крутыми берегами р. Гонзолки, и артиллерія Шамиля стоитъ съ той стороны. Обходить Гонзолку было некогда и Баклановъ рѣшилъ истребить чеченцевъ на этомъ берегу, а затѣмъ, когда неожиданность его удара поразитъ непріятеля, скакать вдоль Гонзолки къ броду, перейти ее тамъ и перехватить бѣгущее скопище. Барятинскій тѣмъ временемъ подготовился къ штурму съ фронта и, когда часы пробили 1/2 1-го, на томъ берегу Мичика послышалось знакомое „ура". Это былъ Баклановъ. Когда изъ лѣса внезапно для противника вынеслась вся масса нашей конницы со своимъ безстрашнымъ начальникомъ во главѣ, чеченцами овладѣла паника. Впереди несся страшный черный значекъ. „Боклю, Боклю!" и чеченцы бросились бѣжать. Завалы опустѣли и пѣхота Барятинскаго почти безъ выстрѣловъ перешла Мичикъ.

Вся слава и честь переправы принадлежали Бакланову. Нужно было видѣть несущуюся лаву его конницы, уничтожавшую все на своемъ пути!

Но Гонзолка не дала имъ докончить начатое, а пока наша конница спустилась къ броду, большая часть непріятеля все-таки успѣла уйти.

Однако, торжество было полное; это было торжество искусства Бакланова. Онъ былъ представленъ за это дѣло къ ордену св. Георгія 3 ст., но получилъ только Станислава 1 ст.

Это было одно изъ послѣднихъ дѣлъ съ 17 полкомъ.

Въ 1853 г. по особенно настойчивому ходатайству кн. Барятинскаго Баклановъ былъ назначенъ состоять „для особыхъ военныхъ порученій при Главномъ начальникѣ Кавказскихъ войскъ" и въ іюнѣ мѣс., сдавъ 17-й полкъ В. А. Полякову, онъ отправился въ кр. Грозную.

Такимъ образомъ, Яковъ Петровичъ успѣлъ 17-й полкъ довести до отличнаго боевого состоянія.

Яковъ Петровичъ уѣхалъ теперь навсегда изъ Куринскаго, свидѣтеля его многолѣтнихъ подвиговъ; но духъ, положенный имъ въ основу полка, и честная, богатырская служба казаковъ—вотъ лучшіе памятники, оставленные имъ въ стѣнахъ Куринскаго укрѣпленія.

Нужно сказать, что въ концѣ 1853 г. положеніе наше на Кавказѣ было весьма трудно. Начавшаяся турецкая война, оттянувшая на границу значительное число войскъ, обнаружила линіи и заставила насъ ограничиться больше наблюденіемъ за горцами. Вопросъ о покореніи Чечни, уже близившійся къ окончательному рѣшенію, теперь отодвинулся на нѣсколько лѣтъ. Начало этой войны, разумѣется, возбудило въ душѣ Шамиля большія надежды и воспламенило уже угасавшій фанатизмъ чеченскихъ племенъ обѣщаніемъ поддержки со стороны турокъ, предпринявшихъ войну, какъ они говорили, для освобожденія Кавказскихъ племенъ и для поддержанія ислама. Таково было положеніе, когда Баклановъ, сдавъ 17-й полкъ, прибылъ въ Грозную, гдѣ былъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга Кавказской линіи. Конница эта состояла изъ 4 линейныхъ казачьихъ полковъ, большинство которыхъ стояло кордономъ и не могло работать въ набѣгахъ и экспедиціяхъ, почему боевая служба въ отрядахъ возлагалась на одни донскіе полки, которые почти полностью оставались свободными и могли стягиваться въ подвижные резервы. Но изъ пяти такихъ полковъ 3 стояло на Кумыкской плоскости и только 2 оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника конницы, да и тѣ должны были часто нести сторожевую службу. Въ сущности со званіемъ начальника конницы не было сопряжено никакого служебнаго положенія; конница подчинялась ему лишь во время экспедицій, такъ что это былъ скорѣе оффиціальный титулъ безъ правъ. Очевидно, такая роль не могла удовлетворить Якова Петровича. Жажда боевой жизни заставила его хлопотать о переводѣ въ южную армію на Балканскій полуостровъ. Война на Дунаѣ манила Бакланова къ себѣ, обѣщая ему широкое поле дѣятельности. И уже теперь Яковъ Петровичъ не разъ высказывался, что массы донскихъ казаковъ въ южной арміи далеко не приносятъ той пользы, которой можно было отъ нихъ ожидать. Причину тому онъ видѣлъ въ недостаткѣ энергичной власти, способной устранить тѣ злоупотребленія, которыя низводили часто донскіе полки на

степень этапныхъ командъ, лишая ихъ возможности дѣйствовать въ полѣ, какъ дѣйствовали отцы и дѣды ихъ, озаренные вѣчной славой 12-го года. Горчаковъ и самъ хлопоталъ о переводѣ къ себѣ Якова Петровича. Но пока тянулась переписка, Баклановъ со всей энергіей, свойственной его натурѣ, принялся за дѣло, которое было у него подъ руками. Прежде всего онъ съ честью сумѣлъ выйти изъ своего неопредѣленнаго положенія въ качествѣ начальника конницы; онъ нисколько не стѣснялся числомъ войскъ, которыя посылала судьба подъ его начальство: и гдѣ съ отрядомъ изъ 3-хъ родовъ войскъ, гдѣ съ одной конницей, подчасъ всего въ числѣ одной сотни, мы видимъ нашего героя, совершающаго свои блистательные набѣги, или мощной рукой отражающаго удары Шамиля. Такъ мало у него было ложнаго самолюбія и такъ много чистаго желанія принести посильную помощь общему дѣлу! Тревожны были чрезвычайно эти годы — 1853 и 54, пока тянулась турецкая война. Чеченцы подняли голову и безпокоили насъ постоянно. И всюду каждый разъ необычайная быстрота и скрытность движенія Бакланова, приводившая къ внезапности, его замѣчательная вѣрность военнаго взгляда, совершенное знаніе обстановки въ смыслѣ мѣстности и характера противника доставляли ему полную побѣду или давали возможность ему вырывать побѣду и добычу изъ рукъ непріятеля. Это былъ неугомонный, неуловимый врагъ, и имя Бакланова грозной волной докатилось до самыхъ отдаленныхъ ауловъ Чечни.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ его безконечныхъ лихихъ набѣгахъ и дѣлахъ за это время. Скажемъ только, что послѣднимъ подвигомъ, его лебединой пѣсней на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи была значительная экспедиція въ концѣ 1854 г., приведшая къ полнѣйшему уничтоженію болѣе 20 чеченскихъ ауловъ: дѣло удостоившееся Монаршаго благоволенія.

Въ это время Баклановъ получилъ извѣстіе, что переводъ его въ южную армію не можетъ состояться, потому что новый главнокомандующій Кавказской арміей генералъ Муравьевъ твердо настаивалъ, чтобы Баклановъ остался на Кавказѣ, такъ какъ онъ слишкомъ полезенъ тамъ по своимъ достоинствамъ и пріобрѣтенному тамъ опыту.

Однако, съ первой встрѣчи Бакланова съ новымъ главнокоман-

дующимъ у нихъ начались недоразумѣнія, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обострялись. Недоразумѣнія эти большею частью были на почвѣ болѣзненнаго самолюбія Муравьева. Собственно въ военномъ дѣлѣ это были стычки между талантомъ, какой представлялъ изъ себя Баклановъ, талантомъ, который, по выраженію Суворова, „не охотникъ до узды“, и самолюбивой военной бездарностью, сознающей въ душѣ свое безсиліе, но волей судьбы поставленной на постъ высшаго командованія.

Сначала Муравьевъ хотѣлъ перевести Бакланова съ донскими казаками на Лезгинскую линію въ Кахетію на должность начальника этой линіи, но послѣ разговора съ Баклановымъ, тонъ котораго ему не понравился, начальникомъ линіи былъ назначенъ не Баклановъ, а другое лицо.

Огорченный этимъ, Яковъ Петровичъ подалъ рапортъ объ отпускѣ, желая хлопотать снова о переводѣ въ южную армію.

Но стараясь все-таки удержать у себя такую силу, какъ Баклановъ, Муравьевъ предложилъ ему мѣсто начальника иррегулярной конницы (7 полковъ) въ главномъ Александропольскомъ отрядѣ, на что Яковъ Петровичъ и согласился.

Въ маѣ 1855 г. Баклановъ прибылъ въ дѣйствующій корпусъ и засталъ его на позиціи нѣсколько сѣвернѣе Карса. Здѣсь подъ Карсомъ начинается новый рядъ подвиговъ Бакланова.

Первыя развѣдки Карса выяснили Бакланову, что съ юга городъ недостаточно прикрытъ укрѣпленіями, и предложилъ Муравьеву взять крѣпость штурмомъ съ этой стороны, угрожая, что иначе дѣло затянется надолго. Но Муравьевъ вначалѣ предпочелъ блокаду и первымъ дѣломъ рѣшилъ порвать связь города съ тыломъ, чтобы лишить его возможности получать подкрѣпленія и припасы. И вотъ прорывъ связи съ уничтоженіемъ турецкихъ припасовъ—эта задача выпала на долю Бакланова, который выполнилъ ее блестяще.

Дойдя до Саганлугскаго хребта, Баклановъ истребилъ множество турецкихъ магазиновъ, прервалъ связь съ Эрзерумомъ, отбивая почты, ловя курьеровъ и каждый день доставляя важныя свѣдѣнія Муравьеву. Прервавъ связь по главной дорогѣ, Баклановъ перешелъ на окружныя дороги изъ Ардагана на Ольтъ и достигъ того же и здѣсь, по-

ражая своею подвижностью, дѣлая обычные переходы въ 60—70 в. и проводя по 3—4 безсонныхъ ночи подрядъ. За время этихъ дѣйствій Баклановъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ присматривался къ мѣстности, столь не похожей на Чечню, изучая характеръ и бытъ мѣстнаго населенія, самъ ѣздилъ съ разъѣздами и по цѣлымъ суткамъ не сходилъ съ коня. Его неутомимость поражала всѣхъ, и уже съ этого похода начинается огромная популярность, которою Баклановъ пользовался въ войскахъ подъ Карсомъ. О немъ сложилась масса анекдотовъ.

Разсказываютъ, какъ одинъ разъ пришли въ нашъ отрядъ турецкіе старшины, прося показать имъ старшаго русскаго пашу. Ихъ подвели къ простой солдатской палаткѣ съ поднятыми полами, внутри которой на разложенной буркѣ съ казачьимъ сѣдломъ подъ головой лежалъ огромный человѣкъ въ красной канаусовой рубашкѣ. Возлѣ него висѣло оружіе, а у входа въ палатку стояла осѣдланная лошадь. То Баклановъ предавался своему обычному отдыху послѣ обѣда. Турки были поражены.

„Однажды, разсказываетъ одинъ очевидецъ, мы шли напролетъ сутки по незнакомой мѣстности, и къ ночи взобрались на горы, покрытыя еще снѣгомъ. Морозъ былъ 5—6°. Люди, легко одѣтые, сильно терпѣли отъ холода. Я былъ дежурный и, забравшись въ палатку, старался отогрѣть окоченѣвшіе члены.

Вдругъ мнѣ докладываютъ, что генералъ на драгунскихъ коновязяхъ; я вышелъ изъ палатки и что же увидѣлъ? Яковъ Петровичъ босикомъ, въ разстегнутой рабашкѣ, въ накинутомъ наопашъ холодномъ пальто, гулялъ преспокойно, пошучивая съ драгунами, у которыхъ, что говорится, зубъ на зубъ не попадалъ. Увидя меня, онъ полушутя замѣтилъ, что ночью было холодно. „Только не вамъ“ — отвѣтилъ я, оглядывая его костюмъ. Онъ засмѣялся. „Что нѣмцу смерть, то русскому здорово“, громко проговорилъ онъ и приказалъ бить подъемъ“.

Когда приступлено было къ тѣсной блокадѣ крѣпости, Баклановъ былъ назначенъ командовать отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, который, ставъ у Меликъ-Кея, долженъ былъ наблюдать за сѣверной стороной Карса. Отрядъ этотъ состоялъ изъ $3^1/_2$ конныхъ полковъ и 1 конной батареи.

Раскинувъ ставку на высокой скалистой горѣ, откуда былъ виденъ весь городъ, Баклановъ сдѣлался грозою турокъ. Его казаки безпрерывно гарцовали подъ самыми укрѣпленіями, и ниодинъ табунъ, выгоняемый на пастьбу, ниодна фуражировка не ускользали изъ-подъ его ударовъ. Самъ Яковъ Петровичъ не зналъ въ это время покоя: дни проводилъ онъ въ полѣ на конѣ со своими казаками или у себя въ ставкѣ, откуда часами наблюдалъ въ подзорную трубу за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Ночь заставала его внѣ лагеря, пробиравшагося самъ другъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ, гдѣ онъ провѣрялъ лазутчиковъ и личныя свои наблюденія, изучалъ мѣстность, и скоро достигъ того, что зналъ каждый камень и кустъ у Карса. Турки знали страшнаго для нихъ генерала и, называя его Бакланъ-паша и Батманъ-Кличъ, (богатырь съ полупудовымъ мечомъ), разсказывали чудеса о его храбрости и сверхъестественной силѣ. Нравственное вліяніе Якова Петровича на собственныя войска было огромное: солдаты до фанатизма вѣрили въ Бакланова и съ нимъ готовы были въ огонь и въ воду. Набѣги его въ это время отличались необыкновенной смѣлостью и всегда поражали турокъ неожиданностью. Напримѣръ, Баклановъ точно угадывалъ выходъ турецкихъ фуражировъ изъ крѣпости; иногда, сидя у себя въ палаткѣ, командовалъ: „казаки, на конь!“ и во весь опоръ несся къ Карсу и налеталъ на турокъ, какъ снѣгъ на голову. Ни наши, ни турки не могли объяснить этого явленія, и на турокъ это наводило суевѣрный страхъ; дѣло же было просто: Баклановъ выставилъ на самомъ далекомъ курганѣ пикетъ, который при появленіи непріятеля долженъ былъ поднять на пикѣ едва замѣтный бѣлый значекъ.

Налетая неожиданно, устраивая засады, наводя на засады, Баклановъ не одинъ разъ наносилъ туркамъ въ это время жестокое пораженіе.

2 сентября Баклановъ неожиданно былъ вызванъ въ главную квартиру, гдѣ главнокомандующій спросилъ у него совѣта по поводу предполагающагося штурма Карса. Не въ первый разъ Муравьевъ обращался въ трудныхъ условіяхъ за совѣтомъ къ Бакланову; и теперь Яковъ Петровичъ совершенно откровенно, ничего не скрывая, изложилъ главнокомандующему свой взглядъ на дѣло. Взглядъ этотъ онъ основалъ на точномъ знаніи положенія Карса и мѣстности, которое

у него составилось изъ личной его неоднократной развѣдки и дополнено незадолго передъ тѣмъ смѣлой рекогносцировкой его безсмѣннаго ординарца теперь есаула Скопина, который въ одну ночь съ пластунами прокрался къ крѣпости, осмотрѣлъ на Шорахѣ батареи, счелъ орудія, вымѣрилъ рвы и изслѣдовалъ овраги. И теперь, несмотря на заявленіе Муравьева о своемъ непреклонномъ рѣшеніи вести главную атаку на Шорахъ, Яковъ Петровичъ рѣзко и прямо настаивалъ на невозможности этого. Онъ указывалъ на неточность имѣющихся у Муравьева свѣдѣній о крѣпости, на слабое знакомство войскъ съ мѣстностью, на то, что время для штурма было пропущено, что въ войскахъ нѣтъ ни лѣстницъ, ни другихъ приспособленій для штурма крѣпости, и что, наконецъ, Карсъ и безъ пролитія крови черезъ мѣсяцъ все равно сдастся; если же штурмъ неизбѣженъ, рекомендовалъ вести главный ударъ не на Шорахъ, а на Чакмахъ, который гораздо доступнѣе, и предлагалъ въ концѣ концовъ взять Чакмахъ съ одной своей кавалеріей, если только ему дадутъ на поддержку баталіоновъ 7—8 пѣхоты. Разгорячившись и ревнуя о пользѣ общаго дѣла, глубоко увѣренный въ своей правотѣ, онъ клялся своей головой, посѣдѣвшей въ битвахъ, что Шораха имъ не взять. На все это Муравьевъ счелъ возможнымъ рѣзко заявить: „яйца курицу не учатъ“!

Въ концѣ концовъ штурмъ, какъ извѣстно, состоялся; главный ударъ былъ направленъ на Шорахскія высоты, а на Чакмахъ были двинуты только войска Бакланова, съ придачей 3 баталіона ген. Базина, который, какъ старшій, и принялъ командованіе. Но фактически все дѣло атаки здѣсь велъ Баклановъ, такъ какъ Базинъ, только что прибылъ изъ г. Ардагана и былъ совершенно не въ курсѣ дѣла и руководился цѣликомъ указаніями Якова Петровича. Въ результатѣ Чакмахскія высоты были заняты Баклановымъ, главный же ударъ на Шорахъ былъ отбитъ съ громадными для насъ потерями (до 8 тыс. чел.). Штурмъ, какъ и предсказывалъ Баклановъ, при такихъ условіяхъ, не удался. Здѣсь обнаружился удивительно вѣрный военный взглядъ Бакланова. Войска возвратились на прежнія позиціи, и Меликъ-Кейскій отрядъ снова поступилъ подъ начальство Бакланова, снова производшаго рядъ удачныхъ налетовъ на турокъ.

За отличіе при штурмѣ Карса Баклановъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени.

13 октября Баклановъ былъ снова вызванъ въ главную квартиру, гдѣ Муравьевъ заявилъ, что возлагаетъ на него начальство надъ всѣми войсками, блокирующими Карсъ; съ большей же частью корпуса самъ онъ думалъ двинуться къ Саганлугу навстрѣчу шедшимъ къ Карсу, по слухамъ, значительнымъ силамъ турокъ Селима-паши. При этомъ Муравьевъ снова спрашивалъ мнѣнія у Бакланова, и Яковъ Петровичъ снова прямо и чистосердечно заявилъ ему о нецѣлесообразности его ухода изъ подъ Карса, доказывая, что слухи о движеніи турокъ не могутъ быть вѣрны. На этотъ разъ, наученная горькимъ опытомъ, „курица" дала яйцамъ убѣдить себя, признавъ, наконецъ, превосходство взгляда Бакланова.

Мысль о вторичномъ штурмѣ Карса, однако, не покидала Муравьева, и онъ, повидимому, хотѣлъ использовать огромную популярность Бакланова, давши ему командованіе отрядомъ, назначеннымъ для главнаго удара. Но Бакланову удалось снова убѣдить Муравьева оставить эту мысль, доказавъ, что и безъ лишняго кровопролитія, паденія Карса не долго осталось ждать.

Вскорѣ послѣ этого Муравьеву пришло въ голову уничтожить аулъ Шорахъ, стоявшій у укрѣпленныхъ высотъ того же названія, и за 1/2 часа до выступленія отряда командованіе имъ поручили Бакланову. Не смотря на то, что Яковъ Петровичъ доказывалъ, что аулъ находится подъ выстрѣлами большихъ орудій изъ крѣпости и что для указаннаго дѣла достаточно ночью послать охотниковъ, которые безъ потерь окончатъ свое дѣло,—его не слушали и увѣряли, что онъ ошибается. Однако, Яковъ Петровичъ снова оказался правъ и если его отрядъ не понесъ громадныхъ потерь по пустякамъ, то благодаря предусмотрительности Бакланова, остановившаго его внѣ огня.

Наступила полная размолвка съ главнокомандующимъ.

Наконецъ, Карсъ 16 ноября палъ, и Яковъ Петровичъ снова отправился въ Тифлисъ, а позже, не получая никакого назначенія, испросивъ отпускъ, выѣхалъ на Донъ, чтобы болѣе уже никогда не возвращаться на Кавказъ, такъ долго бывшій свидѣтелемъ его громкихъ военныхъ подвиговъ.

Такъ подъ Карсомъ и не удалось Якову Петровичу стать во весь свой ростъ и примѣнить къ дѣлу свой военный талантъ, но... не онъ виноватъ въ томъ. Мы видѣли, —задачи, возложенныя на него онъ выполнялъ блестяще; онъ рвался къ высшему командованію; талантъ, не охотникъ до узды, искалъ выхода, но... Муравьевъ искалъ его совѣтовъ и поступалъ правильно, когда слѣдовалъ имъ, но не всегда онъ возвышался до признанія пользы дѣла выше молочного самолюбія, и не всегда самолюбіе главнокомандующаго позволяло ему прислушиваться къ голосу этого простого, грубаго и неспособнаго, какъ они считали, къ широкой оцѣнкѣ обстановки, казака. Такова, вѣроятно, у насъ на св. Руси судьба и не одного этого самородка и дѣйствительнаго таланта. Вѣдь и Суворовъ бился всю жизнь за власть, въ то время, какъ она даромъ давалась жалкимъ посредственностямъ, обладавшимъ лишь преимуществами своего происхожденія!

Оставивъ Кавказъ, Яковъ Петровичъ поселился въ Новочеркасскѣ въ кругу своей семьи; но уже въ началѣ 1857 г. онъ былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, находившихся на Кавказѣ. Съ этихъ поръ собственно начинается административная дѣятельность Якова Петровича.

Кругъ дѣятельности походнаго атамана былъ очень обширенъ, и Яковъ Петровичъ не имѣлъ возможности участвовать въ послѣдующихъ военныхъ событіяхъ, закончившихъ собою нашу боевую Кавказскую лѣтопись. Обстоятельство это, заставившее его сойти съ военнаго поприща, для котораго, кажется, онъ былъ созданъ, служило для него источникомъ немалаго душевнаго огорченія. Проводя большую часть жизни въ сѣдлѣ, посреди биваковъ и лагерей, привыкнувъ слышать шумъ оружія и видѣть кровавые бои, онъ тяготился своимъ новымъ положеніемъ, и шутя часто говаривалъ, что ему легче бы было провести 2—3 ночи со своими пластунами, чѣмъ 2—3 часа просидѣть, не разгибая спины, за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ. Впрочемъ, онъ жилъ настоящимъ казакомъ-партизаномъ, пренебрегая удобствами и комфортомъ. „Съ этими вещами, говорилъ онъ, не трудно нашему брату забыть свое ремесло“.

Дѣятельность Якова Петровича на этой должности была плодотворна, за что ручается всестороннее знаніе имъ быта и нуждъ этихъ полковъ

и пожалованныя ему въ это время Высочайшія награды: орденъ св. Анны 1 ст. съ Императорской короной, аренда на 12 лѣтъ по $1^1/_2$ т. рублей и чинъ генералъ-лейтенанта.

Какъ ни казалось несокрушимымъ желѣзное здоровье Якова Петровича, но неустанные боевые труды, безсонныя ночи и тяжелыя раны сказались. Онъ заболѣлъ серьезно и, по совѣту медиковъ, отправился въ 1859 г. на Донъ. Но неугомонная натура не могла мириться съ бездѣйствіемъ, и черезъ 2 года, лишь только поправилось здоровье, онъ, по избранію дворянства, назначается окружнымъ генераломъ II округа Войска Донского.

Въ этомъ званіи застала Якова Петровича послѣдняя кампанія. Вооруженное возстаніе вспыхнуло въ Польшѣ, быстро разлилось по Литвѣ и нашло себѣ сочувствіе у многихъ иностранныхъ правительствъ. Россія, однако, рѣшила исполнить свой долгъ до конца и дѣятельно готовилась къ войнѣ. Донъ вооружился почти поголовно и наказный атаманъ ген.-ад. Граббе телеграфировалъ военному министру: „На западной границѣ собирается 12 казачьихъ полковъ. Нуженъ молодецъ-начальникъ. Не назначить ли Бакланова“? Телеграмма совпала съ хлопотами о томъ же генерала Муравьева. Эта двоякая просьба была уважена, и Баклановъ былъ назначенъ въ распоряженіе ген. Муравьева для общаго командованія стоявшими въ Виленскомъ округѣ донскими полками.

Яковъ Петровичъ прибылъ въ Вильно въ іюлѣ 1863 г. и тотчасъ отдалъ свой извѣстный приказъ донскимъ полкамъ, который въ 1000-хъ экземпляровъ разлетѣлся по всей Литвѣ и Польшѣ. Всѣ считали, что Баклановъ въ случаѣ войны будетъ командовать авангардомъ дѣйствующей арміи и всѣ, истинно любящіе Отечество и родное военное дѣло, искренно радовались этому. Вотъ этотъ приказъ: „Станичники и односумы! - Я выѣхалъ изъ родного края 18 іюня и привезъ вамъ отъ него поклонъ. Донъ завѣщаетъ вамъ бороться одному противъ десятерыхъ и охулки на руку не класть. Донъ дышитъ пламенной любовью къ Царю нашему; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ воли Монарха двинуться на внѣшняго врага, замышляющаго нарушить спокойствіе святой Руси. На вашу долю палъ жребій быть впереди. Вы потомки славныхъ и могучихъ предковъ нашихъ Азовскаго сидѣнья.

Братья! соберемся съ силами, окрѣпнемъ духомъ и превозмогёмъ всѣ трудности и лишенія и покажемъ, что достойны называть себя питомцами славнаго, тихаго Дона. Настанетъ время, я буду среди васъ въ бесѣдѣ боевой, введу васъ въ бой съ завѣтнымъ кличемъ Ермака: „съ нами Богъ!“ силою Коего булатъ нашъ остеръ—и неустрашимся! Увѣренъ въ васъ, что вы такіе же чудо-богатыри, какъ были водимые мной въ бой дѣды, отцы и старшіе братья ваши“!

Въ военныхъ дѣйствіяхъ Якову Петровичу не пришлось принять, однако, непосредственнаго участія. Онъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Августовскаго отдѣла и съ гвардейскимъ отрядомъ въ составѣ 2 казачьихъ полковъ и 22 ротъ пѣхоты выступилъ изъ Вильны въ Ломжу. Главныя силы этого отряда пришли подъ его личнымъ начальствомъ въ Августовъ, не встрѣтивъ повстанцевъ. Во все время похода Яковъ Петровичъ не сходилъ съ коня.

Страшная молва предшествовала по Литвѣ пріѣзду Бакланова и онъ былъ встрѣченъ съ нескрываемымъ трепетомъ: всѣмъ были извѣстны жестокіе погромы его, приводившіе въ ужасъ чеченцевъ, но никто не зналъ и не слыхалъ въ то время о его сердечной теплотѣ, не соотвѣтствовавшей его суровой наружности. Еще до пріѣзда его, поляки были настроены видѣть въ немъ дикаго гунна, варвара, питающагося человѣческимъ мясомъ; и легенда эта, къ стыду поляковъ, находила себѣ немало вѣрующихъ. Впрочемъ, Яковъ Петровичъ и самъ заботился поддержать подобную славу о себѣ, полагая не безъ основанія, что въ этомъ, однако, залогъ спокойствія края.

Немедленно по пріѣздѣ, Баклановъ принялъ двѣ существенныя мѣры. *Во-первыхъ*, войска онъ разбилъ на самые мелкіе отряды, которые заняли села и деревни, имѣя за собой сильные резервы, только въ особо важныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ, Баклановъ раскинулъ паутину по всей губерніи, дѣйствуя совершенно по-Суворовски. Каждому отряду указанъ былъ раіонъ дѣйствій, который долженъ былъ ежедневно осматриваться сильными ночными разъѣздами; такъ онъ сразу охватывалъ всю губернію съ разсчетомъ очистить ее отъ повстанцевъ. *Во-вторыхъ*, въ инструкціи къ жителямъ онъ объявилъ, что въ случаѣ появленія мятежниковъ, они, во избѣжаніе истязаній отъ нихъ, могутъ ихъ снабжать, чѣмъ угодно, но по уходѣ ихъ обя-

зуются подъ страхомъ самаго тяжелаго наказанія до лишенія жизни включительно сообщить о нихъ ближайшимъ войскамъ. „Слава Богу, говорилъ Яковъ Петровичъ, мнѣ не пришлось ни разу исполнить на дѣлѣ свою угрозу; но я бы не остановился ни передъ чѣмъ, такъ какъ гибель одной деревни спасла бы сотни другихъ отъ пагубнаго вліянія мятежниковъ“.

Эта заботливость, эта строгая справедливость ободрила крестьянъ, и они сами стали формировать изъ себя ополченія для защиты отъ мятежниковъ. Вскорѣ они благословляли имя Бакланова и сами поляки стали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, встрѣтивъ въ немъ строгаго поборника правды и справедливости.

Августовская губернія была скоро вполнѣ умиротворена. Наградой Якова Петровича былъ орденъ св. Владимира 2 ст.

Однако, здоровье Якова Петровича, видимо, окончательно стало разстраиваться. Онъ отправился въ 4-хъ мѣсячный отпускъ на Донъ и въ началѣ 1864 г. уволенъ былъ отъ званія военнаго начальника Августовскаго отдѣла.

Во время отпуска Баклановъ сильно заболѣлъ воспаленіемъ печени, и кромѣ того въ Новочеркасскѣ пожаромъ было уничтожено все его имущество, такъ что онъ долженъ былъ переносить большія лишенія, отказывая себѣ во всемъ.

Въ январѣ 1865 г. Яковъ Петровичъ, однако, вернулся въ Вильно и вскорѣ за отличное состояніе донскихъ полковъ получилъ Высочайшую награду въ видѣ аренды по 3 т. руб. на 12 лѣтъ.

Это была его послѣдняя служебная награда.

13 января 1867 г. Яковъ Петровичъ былъ зачисленъ по Донскому войску. Съ этого времени и оканчивается собственно служебное поприще Бакланова. Онъ почти безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ, внимательно слѣдя за всѣми усовершенствованіями любимаго военнаго дѣла и живо интересуясь всѣмъ, что касалось до фанатически обожаемаго Донского Войска.

Между тѣмъ здоровье его, видимо, гасло, и, наконецъ, 18 октября 1873 года послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни Якова Петровича не стало. Онъ умеръ въ бѣдности и былъ похороненъ на счетъ признательнаго Донского Войска.

Таковъ былъ Баклановъ! Если внимательно вдумаемся во всю жизнь Бакланова, если, отойдя подальше, чтобы получше разглядѣть великана, всмотримся въ эту богатырскую натуру, въ этотъ богатырскій обликъ, мы невольно съ глубокимъ почтеніемъ проклонимся предъ этимъ великимъ отпрыскомъ тихаго Дона.

Самая наружность Якова Петровича была въ высшей степени замѣчательна и какъ бы создана для того, чтобы производить на всѣхъ внушительное впечатлѣніе. Наружность и огромная фигура Бакланова, говоритъ Волконскій, не только не внушали симпатіи, но устрашали. „Широкое, мускулистое, рябое лицо его, торчмя стоявшіе на головѣ волосы, строгій, даже суровый взглядъ, угловатыя, вовсе не изысканныя манеры и движенія отбивали у всѣхъ охоту имѣть съ нимъ какіе-нибудь даже неважные счеты. Его пронизывающій взглядъ и всегдашняя нагайка въ рукѣ, комкавшей серебряные рубли, какъ бумагу, вкапывали моментально въ землю каждаго, кто ему не понравился. Но въ душѣ Баклановъ былъ добрый, радушный и привѣтливый человѣкъ и отечески любилъ своихъ казаковъ. Вспомнимъ его прощаніе съ 20 полкомъ. Баклановъ хотѣлъ сказать послѣднее „прости“ своимъ дорогимъ боевымъ друзьямъ, которыхъ не разъ водилъ онъ навстрѣчу смерти и славы, хотѣлъ пожелать имъ счастливаго пути, хотѣлъ просить передать привѣтъ родимому Дону, своей станицѣ, семьѣ, и... не могъ сказать ни слова. Онъ нахмурился, отвернулся—этотъ желѣзный богатырь, а по его грубому, изрытому оспой лицу катились крупныя слезы. И любовь эта, и довѣріе были взаимныя: Баклановъ гордился своими казаками, казаки гордились своимъ орломъ-начальникомъ, казаки видѣли въ немъ высокій авторитетъ, недюжинную мощь, видѣли въ немъ своего простого человѣка, выдвинувшагося изъ толпы за свои дѣйствительныя заслуги, видѣли въ немъ начальника, который не выдастъ и постоитъ горой за своего подчиненнаго, видѣли въ немъ честнаго, добраго и правдиваго командира.

„Слава Бакланова, говоритъ одинъ изъ его сослуживцевъ, основывалась, помимо его военныхъ и нравственныхъ достоинствъ, на его замѣчательномъ рѣдкомъ тогда безкорыстіи. Полкъ онъ держалъ строго, ничего съ него не тянулъ, лошадей кормилъ, о казакахъ заботился; правда, струсившихъ изъ нихъ лупилъ часто на смерть, но храбрымъ

давалъ денегъ безъ мѣры и безъ счета; дѣйствительно, его кошелекъ былъ всегда открытъ въ случаѣ нужды передъ каждымъ, отчего денежныя дѣла его всегда находились въ разстроенномъ положеніи. Старымъ кавказцамъ извѣстно, что никто такъ не берегъ людей и никто не терялъ такъ мало ихъ, какъ Баклановъ". Основой души Бакланова была непоколебимая вѣра въ Бога, доходившая до фанатизма, глубокій патріотизмъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова и фанатическая, особенная любовь къ родному Дону. „Не о жизни думка его была, а о славѣ и чести Донского казачества". И дѣйствительно, онъ оказался достойнымъ сыномъ тихаго Дона, и сумѣлъ стяжать Донскому казачеству славу и почетную боевую репутацію между русскими войсками, даже среди такихъ храбрецовъ, какъ чеченцы.

Отмѣтимъ еще, сверхъ того, его изумительную любовь къ военному дѣлу и вѣру въ его правоту и полезность.

Ради общаго дѣла, ради общей пользы онъ готовъ былъ жертвовать чѣмъ угодно: своей жизнью и своей боевой репутаціей и карьерой.

Въ одномъ изъ его многочисленныхъ набѣговъ произошла жестокая схватка съ горцами; бурнымъ казачьимъ натискомъ вся масса непріятеля была опрокинута и бросилась бѣжать. Но въ первый же моментъ схватки былъ сильно раненъ старшій сынъ Бакланова. Отецъ не видѣлъ, какъ сынъ его палъ: онъ шелъ съ резервомъ сзади. Вдругъ онъ натыкается на полковника Ежова, который стоялъ пѣшкомъ и плакалъ. На вопросъ Бакланова Ежовъ молча указалъ на лежавшаго въ крови сына Бакланова. Баклановъ закипѣлъ благороднымъ гнѣвомъ: „Что жъ, что палъ молодецъ казакъ, онъ былъ впереди, но вы-то какъ смѣли бросить судьбу 800 ввѣренныхъ вамъ сыновъ вашего полка? На коня! къ своимъ храбрымъ сынамъ! Изрублю въ куски! Воинъ взялъ верхъ надъ отцомъ, и Баклановъ, ни на минуту не задержавшись надъ павшимъ сыномъ, понесся съ резервомъ впередъ, спѣша довершить пораженіе непріятеля.

И нѣтъ ничего удивительнаго, что на такой прочной духовной почвѣ выросъ рядъ военныхъ добродѣтелей. Прежде всего отмѣтимъ поразительную силу воли, рѣшимость и отвагу. Баклановъ никогда не останавливался ни передъ какою самою явною опасностью; не теряя

соображенія и распорядительности при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, онъ въ то же время увлекался боемъ до самозабвенія; но самоувѣреннѣе этого человѣка въ бою трудно было встрѣтить; смѣло идя на встрѣчу самой страшной опасности, онъ въ то же время не забывалъ принимать цѣлый рядъ предварительныхъ предосторожностей. Вообще у него осторожность и рѣшительность составляютъ одно гармоническое цѣлое. Впрочемъ, и въ минуту опасности находчивость не покидаетъ его.

Его тактика, выработанная долгимъ опытомъ, исчерпывается тремя основными положеніями „глазомѣръ, быстрота, натискъ“, т. е. ея основы тѣ же самыя, которыя мы признаемъ теперь вообще основами военнаго искусства, а поэтому мы утверждаемъ, что этотъ самородокъ обладалъ той же тайной побѣдъ, которая была присуща великому Суворову, которая вообще присуща всякому военному таланту. Еще есть одна общая черта его тактики съ Суворовской. Баклановъ очень любилъ пользоваться неожиданностью, внезапностью, правильно понимая, что внезапность—лучшая подготовка успѣха въ нашемъ дѣлѣ. Самая широкая развѣдка, знаніе обстановки и вѣрный военный взглядъ, дававшіе ему „глазомѣръ“, чрезвычайная быстрота и скрытность его походовъ, приводившія къ внезапности; наконецъ лихой, беззавѣтный налетъ съ рѣшимостью довести дѣло до конца во что бы то ни стало, съ крайней энергіей удара--вотъ вся тактика Бакланова, вотъ вся тактика, скажемъ, вообще.

Эта самоувѣренность, отвага и всѣ указанныя нами качества клали особенный отпечатокъ на военныя дѣйствія его. Вообще онъ былъ неподражаемымъ не только партизаномъ, какъ на него привыкли смотрѣть, потому что ему пришлось командовать донцами и летучими отрядами; но во многихъ случаяхъ—какъ самостоятельный начальникъ, которому безъ всякой боязни, несмотря на его запальчивость, можно было бы поручить и командованіе большими силами; и если этого не случилось, виноватъ былъ въ этомъ не Баклановъ!...

Кромѣ того, мы видѣли, Баклановъ былъ не только выдающійся воинъ-практикъ, это былъ вообще глубокій природный умъ, и ему по плечу были тѣ задачи, гдѣ требовался и административный умъ, тактъ, чутье...

„Я зналъ Бакланова, пишетъ одинъ кавказскій ветеранъ, въ началѣ его службы полковымъ командиромъ и зналъ его потомъ въ Петербургѣ. Это былъ человѣкъ богато одаренный мыслью, чувствами и нравственной энергіей. Недостатокъ серьезнаго образованія въ немъ замѣнялся большою начитанностью и необыкновенной скромностью". Въ Яковѣ Петровичѣ все было самобытно, оригинально и просто и не было и тѣни того, что мы называемъ шарлатанствомъ. Строгій къ самому себѣ и снисходительный къ другимъ, онъ дѣлалъ дѣло для самого дѣла, не прославлялъ своихъ дѣяній и не сочинялъ о себѣ громкихъ реляцій. Заискивать онъ не умѣлъ ни въ комъ, а потому не кланялся и не улыбался начальству, хотя умѣлъ повиноваться ему не за страхъ, а за совѣсть. Война на Кавказѣ, заключаетъ почтенный ветеранъ свои слова, была войной богатырей и не легко сыскать Якову Петровичу подобающее между ними мѣсто"!

И правду поетъ про него старая донская пѣсня:

„Славой, честію завидной
Ты сумѣлъ себя покрыть;
Про тебя ей-ей не стыдно
Пѣсню громкую сложить!
Ты геройскими дѣлами
Славу дѣдовъ и отцовъ
Воскресилъ опять межъ нами.
Ты—казакъ изъ казаковъ.
И за то тебѣ мы, воинъ,
Пѣсню громкую споемъ.
Ты—герой нашъ, ты достоинъ
Называться казакомъ"!

Но не въ томъ одномъ заслуга Якова Петровича Бакланова, что онъ совершилъ рядъ громкихъ подвиговъ, далъ рядъ образцовъ военнаго искусства, не въ томъ, наконецъ, что онъ своими дѣлами вписалъ новую славную страницу въ исторію тихаго Дона. Главное для насъ, его правнуковъ,—онъ далъ намъ постоянный живой образецъ; это вѣчный образецъ казака-воина въ высокомъ значеніи этого слова, онъ далъ намъ образецъ честной службы на военномъ поприщѣ, образецъ боевой подготовки войскъ, образецъ, наконецъ, беззавѣтной удали и честнаго исполненія долга...

Въ Петербургѣ, на кладбищѣ Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря находится могила донского героя. Найти ее не трудно: ее укажетъ величавый оригинальный монументъ — усердное приношеніе Войска Донского и русскихъ людей, чтившихъ память покойнаго. Это дикая кавказская скала, на нее наброшена косматая бурка, а изъ подъ бурки выглядываетъ шашка покойнаго и на сломанномъ древкѣ виситъ полуспущенный значекъ съ мертвой головой и съ 2 крестообразно сложенными подъ нею костями. Сверхъ бурки, на самой вершинѣ скалы, какъ бы вѣнчая ее собою лежитъ казацкая папаха. Общій видъ памятника величественный. Говорятъ, мѣсто этому памятнику не въ Петербургѣ, на малоизвѣстномъ кладбищѣ, а въ Новочеркасскѣ, на ряду съ памятниками Ермака и Платова,—въ назиданіе подростающему поколѣнію. Конечно, это такъ. Но, думается, нѣтъ и не будетъ прочнѣе памятника этому герою, какъ тотъ, который мы воздвигнемъ въ нашихъ признательныхъ казачьихъ сердцахъ, твердо рѣшивъ въ будущей нашей боевой работѣ проникнуться прежде всего завѣтными мыслями и чувствами Бакланова, его горячей любовью къ роднѣ, честнымъ беззавѣтнымъ исполненіемъ долга, поставивъ себѣ девизомъ любимый боевой кличъ героя: „Съ Богомъ впередъ“!

Генеральнаго Штаба Подполковникъ Герасимовъ.

15 марта 1900 года.
Г. Новочеркасскъ.

Моя боевая жизнь (1).

(Записки Войска Донского генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, написанныя собственною его рукою).

I.

Я родился въ 1809 году отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакомъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ обученіи меня грамотѣ, но родная моя бабка въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ къ Кудиновнѣ,—грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу.

У ней года два по церковной азбукѣ зубрилъ - азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій, отъ нея переведенъ къ приходскому пономарю: училъ наизусть „Часовникъ“, затѣмъ переведенъ къ дьячку, гдѣ проходилъ Псалтирь.

Въ 1816 году отецъ, въ чинѣ есаула, возвратился изъ отечественной войны, а въ 1817 году былъ наряженъ въ Бессарабію въ полкъ Горбикова; взялъ и меня съ собой.

По прибытіи на мѣсто служенія, я былъ порученъ для дальнѣйшей науки грамотѣ сотенному писарю; чрезъ годъ перешелъ къ полковому писарю.

Въ 1823 году полкъ былъ отпущенъ на Донъ.

---

(1) Прямой и энергичный, открытый и рѣшительный характеръ героя-Донца Якова Петровича Бакланова открывается, между прочимъ, изъ составленной имъ записки о своей боевой жизни, которая была первоначально напечатана въ журналѣ „Русская Старина“ за 1871 г., т. III, стр. 1—15. Записка эта, по своей объективности, правильной оцѣнкѣ событій, помимо свидѣтельства о военномъ талантѣ самаго Бакланова, составляетъ вмѣстѣ и драгоцѣнный вкладъ въ исторію Кавказской войны. Поэтому Редакція „Баклановскаго Сборника“ считаетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ перепечатать эту записку Якова Петровича въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она появилась въ названномъ журналѣ.—*Ред. Сборн.*

Съ 1823-го по 1825 г. жилъ въ домѣ, занимался въ хозяйствѣ, пахалъ землю, косилъ сѣно и пасъ домашнихъ животныхъ, а о грамотѣ моей не было рѣчи. Отецъ, самъ мало грамотный, не счелъ нужнымъ провѣрить мои знанія, а былъ убѣжденъ, что сынъ, пройдя такія знаменитыя заведенія, подъ руководствомъ вышесказанныхъ знахарей, былъ дока читать и писать. На дѣлѣ-жъ выходило иначе: я не могъ подписать своей фамиліи, а книги читалъ съ величайшимъ трудомъ, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты къ ученью, и я по цѣлымъ днямъ и ночамъ вертѣлся въ казармахъ среди казаковъ, съ жадностью слушалъ разсказы объ отвагахъ предковъ нашихъ по Азовскому и Черному морю, объ Азовскомъ сидѣньѣ и о разныхъ эпизодахъ въ послѣдующія войны новыми покотѣніями оказанныхъ, и подъ эту гармонію нерѣдко засыпалъ сладкимъ сномъ.

Въ 1825 году отецъ, въ полку Попова, командированъ въ Крымъ; взялъ меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ, слѣдовало мнѣ, при утреннемъ рапортѣ писать рапортички и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другого. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытіи въ Крымъ, онъ первымъ долгомъ счелъ отправиться въ городъ Ѳеодосію, гдѣ было уѣздное училище, и бывшему смотрителю этого заведенія, Ѳедору Филипповичу Бурдунову, отдалъ меня пообучиться за условленную цѣну. Благодаря этому честнѣйшему человѣку, въ продолженіе года бытности моей у него, прошелъ я всю премудрость, которой обучаютъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ первымъ изъ учениковъ; быть можетъ я бы долго пробылъ у Бурдунова, но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ своихъ настоятельно требовала, чтобъ отецъ мой пріѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня.

Отецъ исполнилъ ея просьбу (2), а вмѣстѣ съ женитьбой прекратилось дальнѣйшее мое ученье.

---

(2) Яковъ Петровичъ былъ женатъ на дочери священника Гугнинской ст., о. Анисимова.—*Прим. Ред. Сборн.*

II.

Въ 1828 году открылась турецкая война. Полкъ нашъ, по распоряженію начальства, двинутъ былъ въ Европейскую Турцію. Предъ выступленіемъ въ походъ, бывшій Новороссійской генералъ-губернаторъ' князь Воронцовъ пріѣхалъ въ Крымъ; онъ требовалъ отъ полка офицера для посылокъ съ депешами къ великому князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Отецъ за смертію командира полка, принялъ его въ командованіе, я же былъ въ полку томъ офицеромъ.

Въ командировку эту назначили меня.

Получивши все нужное къ отправленію, чрезъ Молдавію и Валахію, прибылъ въ Браиловъ; сдавши депеши, дней десять ожидалъ приказанія возвратиться къ полку.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, слышу вызываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, подкрѣпляемый густыми колоннами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтѣ тихо подошли мы къ главной батареѣ и съ крикомъ „ура" бросились на штурмъ... Что далѣе происходило, сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землей, нѣкоторыхъ отнесло отъ батареи, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько саженей летѣть по воздуху, какъ птицѣ пернатой.

На другой день я пришелъ въ себя, лежа въ палаткѣ между ранеными.

Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Чрезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшаго, и я получилъ приказаніе отправиться къ полку, шедшему на мѣстечко Рійны, при впаденіи рѣки Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу въ чаяніи получить похвалу; но, увы! вмѣсто похвалъ, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: „не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди въ огонь и въ воду".

Полкъ перешелъ Дунай въ Исакчахъ; 22 октября 1828 г. прибылъ къ крѣпости Костенжи; занялъ отъ нея наблюдательную линію по Троянову валу къ Черноводамъ, выше Гирсова на Дунаѣ; здѣсь

оставался въ продолженіи зимы потому, что войска наши, бывшія подъ Шумлой и Силистріей, возвращались на зиму въ Молдавію и Валахію, оставивъ сильные гарнизоны въ занятыхъ нами крѣпостяхъ.

Зима была весьма сурова, а потому прошла мирно. Съ открытіемъ весны 1829 г. войска, зимовавшія по лѣвую сторону Дуная, двинулись подъ Шумлу и Силистрію. Полкъ нашъ присоединился къ главнымъ силамъ, шедшимъ къ Шумлѣ, и въ продолженіи всего года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; при этомъ могу упомянуть о слѣдующемъ случаѣ, лично до меня относящемся. Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія изъ-подъ Шумлы двинулась чрезъ Балканы. 7-го числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я вплавь на лошади чрезъ рѣку Камчикъ. Широта ея не превышаетъ десяти саженъ; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $^4/_5$-хъ, въ количествѣ 2 т., переправились благополучно, сбили турокъ съ позиціи и тѣмъ дали возможность двинуться нашимъ колоннамъ на переправу.

За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду: нѣсколько нагаекъ въ спину, будто-бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади, а не на бѣлой, это-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть; на дѣлѣ-же выходило вотъ-что: отцу не хотѣлось, чтобъ я очертя голову бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа моею спиной, болѣе не позволялъ себѣ ни на какія отваги.

Отъ Камчика двинулись впередъ. Перейдя Балканы, 11 іюля 1829 года заняли съ бою города Мисемврію и Ахіолъ. 12 іюля, полкъ отца посланъ на рекогносцировку къ укрѣпленному городу Бургасу; вблизи его полкъ встрѣченъ былъ турецкою кавалеріею въ 700 человѣкъ, вступилъ съ нею въ бой, опрокинулъ ее и вмѣстѣ съ ней ворвался въ городъ; вытѣснилъ гарнизонъ, завладѣлъ городомъ съ незначительною потерею: трофеи состояли изъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ. За таковую отвагу отецъ получилъ Георгія 4 степени, подо мной убита лошадь и я послѣднимъ вошелъ въ крѣпость.

8-го августа армія, безъ боя, заняла второй столичный турецкій городъ Адріанополь, а по заключеніи мира, 8 января 1830 года,

полкъ выступилъ на зимовыя квартиры въ Румилію. 21 апрѣля выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, для занятія пограничной стражи по рѣкѣ Пруту. 14 августа 1831 г. полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1831 по 1834 годъ я жилъ въ домѣ.

III.

Весной 1834 года командированъ на правый флангъ кавказской линіи, въ полкъ Жирова, гдѣ находился до выступленія его въ 1837 году на Донъ. Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особыхъ отличій съ моей стороны, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ казацкихъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: полкъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи, генералъ-маіора Засса, полкъ двинутъ въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкъ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяцъ оно было готово. Полкъ расположился въ немъ. Во время постройки ея лошади паслись надъ рѣкой, подъ прикрытіемъ одной сотни; горцы видѣли эту оплошность и вознамѣрились, во что бы ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человѣкъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и узденей. Въ ночь подъ 4 іюля эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкъ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастьбу лошади, гикнуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому что преслѣдовать ихъ было некому. Полкъ оставался, по ихъ разсчету, весь пѣшій, кромѣ прикрывающей конной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость лошади болѣе на пастьбу не выпускались.

По заведенному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать разъѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники разъѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланныхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Разъѣзды посланы.

Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Грязнушку, поднялся на высоты, спустился къ Чамлыку; за лѣсомъ мнѣ нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ разъѣздомъ; чрезъ четверть часа показался скачущій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ пятнадцати разъѣздныхъ: остальные 14 были побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ-версты отъ крѣпости встрѣтился съ ними, но въ бой не вступилъ, считая себя слишкомъ слабымъ по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человѣкъ, а потому я отступилъ къ стѣнамъ крѣпости, ожидая выступленія полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно Въ крѣпости была страшная неурядица: всѣ бѣгали взадъ и впередъ, не находя, что дѣлать. Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партіею, я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагу выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе,—эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись къ Лабѣ: между этими рѣками, верстъ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле,—и въ виду крѣпости бросились на меня въ шашки; бывши готовою къ таковому случаю, сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе получаса я выдерживалъ аттаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохраняли духъ твердости, горцы-же оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Прошолъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстъ я выдержалъ двѣнадцать аттакъ: у меня выбыло изъ строя до 20 человѣкъ.

Послѣ седьмой аттаки я послалъ урядника *Никредина* къ командиру полка просить подкрѣпленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой аттаки является Никрединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: „скажи головорѣзу, если у него нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется“.

На вопросъ мой: далеко-ли полкъ отъ насъ? отвѣтъ: „еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ“.

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной По-

слѣдовала одиннадцатая аттака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замокли, минута настала критическая; къ счастію, аттака продолжалась минуть пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова (3), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ на жертву останутся меньшіе братья, а потому дастъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совмѣстно съ братіею со славою, не видя сраму?

Отвѣтъ: „хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить!“

Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще аттакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: слушай, вторая полусотня остается въ твоемъ распоряженіи, съ первою—я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жь минуту подкрѣпи своими пиками; но если переверну̀тъ меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ, пока живы“. Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая аттака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня сѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудійныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: „товарищи! слышите гулъ орудійныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замокшіе, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передушитъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишутъ себѣ. Вы-жь цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и останетесь не при чемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоватся нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! впередъ“!

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за шашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились

(3) Впослѣдствіи убитъ.—*Я. Б.*

бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человѣкъ ([4]).

Возвращаясь къ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ плѣнъ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

Подойдя къ крѣпости, верстъ за-пять встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель—разъяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владиміра 4-й степени; Поляковъ—Анну 3-й степени.

IV.

Въ промежутки 1837 г. по 1845-й годъ находился я въ учебномъ полку въ Новочеркасскѣ, и три года въ Польшѣ, въ полку Родіонова. Въ 1845 году экстренно командированъ на лѣвый флангъ кавказской линіи въ полкъ Шрамкова, отъ котораго, по личному приказанію намѣстника кавказскаго князя Михаила Семеновича Воронцова, принялъ въ командованіе № 20-го полкъ, бывши маіоромъ. Штабъ полка былъ въ укрѣпленіи Куринскомъ. Въ 1850 г. полкъ спущенъ на Донъ, я-жъ, по ходатайству Воронцова, остался на Кавказѣ, принялъ въ командованіе № 17-го полкъ, пришедшій на смѣну № 20-го.

Командовалъ 17-мъ полкомъ по 1853 годъ и передалъ его подполковнику Полякову ([5]); самъ же я получилъ назначеніе быть начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга, почему и переѣхалъ въ крѣпость Грозную.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго Муравьева, потребованъ въ Турцію, подъ Карсъ. Подробное описаніе участія моего въ осадѣ Карса, равно въ штурмѣ его, напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. II, стр. 567—610.

О службѣ и дѣлахъ на лѣвомъ флангѣ, какъ многочисленныхъ,

([4]) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи линейныхъ казачьихъ станицахъ.—*Н. Б.*

([5]) Однофамилецъ съ бывшимъ моимъ субалтернъ-офицеромъ въ полку Жирова.—*Н. Б.*

останавливаюсь описаніемъ, а укажу на нѣкоторые случаи, болѣе любопытные. Съ 1845 г. по 1853-й г. я съ полкомъ моимъ отбилъ у горцевъ до 12 т. рогатаго скота и до 40 т. овецъ; ниодна партія, спускавшаяся съ горъ на Кумыцкую плоскость, не возвращалась безнаказанно, а всегда была уничтожаема и рѣдкому изъ среды ихъ удавалось возвращаться по добру—по здорову. Имѣя вѣрнѣйшихъ лазутчиковъ и платя имъ хорошія деньги, я всегда былъ во-время предупреждаемъ о движеніи горцевъ; нападалъ съ моимъ полкомъ и уничтожалъ такъ, что горцы къ исходу 1853 г. прекратили свои налеты въ наши предѣлы. Горцы называли меня даджаломъ, въ переводѣ на русскій языкъ дьяволъ, или отступникъ отъ Бога.

Въ декабрѣ 1851-го года бывшій начальникъ лѣваго фланга князь Барятинскій вызвалъ меня въ Грозную, гдѣ я получилъ отъ него приказаніе съ января мѣсяца приступить къ окончанію начатой просѣки отъ укрѣпленія Куринскаго къ рѣкѣ Мичуку, и во что бы то ни стало перейти ее и очистить лѣсъ по лѣвую сторону, насколько будетъ возможно. При этомъ я долженъ торопиться въ приведеніи въ исполненіе этихъ задачъ потому, что онъ, кн. Барятинскій, выступитъ изъ Грозной на Шалинскую поляну, займется продолженіемъ просѣки къ Автурамъ, отколь двинется чрезъ Большую Чечню, Маіоръ-Тупъ, въ Куринскъ, и о боевомъ движеніи заблаговременно дастъ мнѣ знать съ тѣмъ, чтобы я съ моими силами вышелъ на встрѣчу.

5-го января 1852 г. я сосредоточилъ изъ крѣпостей Кумыкской плоскости три баталіона пѣхоты: мой № 17 полкъ, сборный казачій линейный и восемь полевыхъ орудій; приступилъ къ рубкѣ лѣса; въ теченіе мѣсяца дошелъ до Мичука и послѣ боя, продолжавшагося два часа, переправился на лѣвую сторону; очистивъ къ 16-му февралю 1852 г. лѣсъ отъ берега на 100, а по рѣкѣ на 300 саженъ. 17-го числа отпустилъ войска по крѣпостямъ на четыре дня для отдыха, а въ полдень того-жъ дня съ башни, стоящей отъ укрѣпленія на версту, дали мнѣ знать: за Мичукомъ, по направленію къ Автурамъ, слышны были не только пушечные выстрѣлы, но даже батальный ружейный огонь. Взявъ четыре сотни моего полка, по просѣкѣ выѣхалъ на Кочкалыковскій хребетъ, отголь услыхалъ въ Маіоръ-Тупѣ сильную перестрѣлку. Я понялъ, что Барятинскій идетъ въ Куринскъ, а какъ

Маіоръ-Тупъ отъ Куринска въ 15 верстахъ, то навѣрное ночью получу съ лазутчикомъ записку выступить на соединеніе. Въ этотъ моментъ, по роспускѣ войскъ, у меня осталось три роты пѣхоты, четыре сотни казаковъ и одно орудіе, а поэтому съ высотъ тѣхъ я написалъ записку карандашемъ, въ укрѣпленіе Герзель-Аулъ, въ 15 верстахъ, къ полковнику Ктиторову: оставить въ крѣпости одну роту, а съ двумя при орудіи, выступить ко мнѣ; другую записку отправилъ на постъ Караганскій въ 17 верстахъ; изъ него потребовалъ двѣ сотни казаковъ. Каждая записка вручена тремъ казакамъ на добрыхъ коняхъ, испытанныхъ въ отвагахъ, съ приказаніемъ доставить, по принадлежности, во что бы ни стало.

Требуемыя части прибыли къ полуночи. Вслѣдъ за ними явился отъ Барятинскаго лазутчикъ съ запиской; сказано въ ней: съ разсвѣтомъ стать между рѣками Мичукомъ и другой рѣкой, и ожидать его отряда. Минутъ чрезъ десять явился мой лазутчикъ и сообщилъ, что Шамиль со всѣмъ своимъ скопищемъ, до 25,000, сталъ за Мичукомъ, противу моей просѣки, и усилилъ сторожевую цѣпь. Имамъ былъ убѣжденъ, что я выступлю на соединеніе съ отрядомъ, и онъ во-время успѣетъ воспрепятствовать моему движенію.

Мѣстный наибъ съ почетными стариками, какъ я узналъ о томъ чрезъ лазутчика моего, явились къ Шамилю съ слѣдующими словами: „Имамъ! напрасно сторожишь старую лисицу на этомъ пути; она не такъ глупа, какъ ты думаешь о ней; она не полѣзетъ тебѣ въ ротъ, а обойдетъ такими путями, гдѣ трудно пролѣзть и мыши“! Но Шамиль отвергнулъ ихъ совѣты и не принялъ никакихъ предосторожностей въ боковыхъ путяхъ.

Въ два часа ночи, съ четырьмя ротами, шестью сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся я чрезъ Кочкалыковскій хребетъ гораздо правѣй просѣки, безъ дороги, по дремучему лѣсу, такъ что орудія и зарядные ящики чрезъ пни и колоды переносились на рукахъ. Преодолѣвъ всѣ препятствія, съ восходомъ солнца сталъ на указанномъ мѣстѣ; соединясь съ отрядомъ, съ полкомъ моимъ пошелъ въ авангардѣ. Подкрѣпляемый четырьмя батальонами и восемью орудіями, съ бою овладѣлъ завалами. Расположась въ нихъ, пропустилъ

весь отрядъ, послѣднимъ отступилъ чрезъ Мичукъ, и только къ полночи пришолъ въ Куринскъ.

За занятіе заваловъ я награжденъ Георгіемъ 4-й степени; но эта награда куплена цѣною потока крови моихъ братій: изъ полка моего выбыло убитыми: храбрѣйшій маіоръ *Банниковъ*, до 70 казаковъ, ранено два офицера и до 50 казаковъ; подо мною убиты три лошади.

Во время рубки лѣса, съ 5 января по 17 февраля 1852 г., былъ слѣдующій случай: въ одинъ вечеръ собрались ко мнѣ баталіонные командиры и офицеры пить чай. Среди этого является мой знаменитый лазутчикъ Алибей. Когда онъ вошелъ, я привѣтствовалъ его на туземномъ языкѣ: „Маршудю" (6). Отвѣтъ: Марши Хильли" (7). Мой вопросъ: „не хабаръ? Мотъ Али" (8).

Вдругъ вся честная компанія обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы спрашиваемъ былъ лазутчикъ не мною, понимавшимъ туземный языкъ, но чрезъ переводчика, потому что ихъ интересуютъ его вѣсти, которыя я-де могу отъ нихъ скрыть. Не подозрѣвая, о чемъ Алибей пришелъ мнѣ сообщить, я приказалъ переводчику передавать на русскомъ языкѣ: „я пришолъ сказать тебѣ: Шамиль прислалъ изъ горъ стрѣлка, который въ 50 саженяхъ, подкинувши яйцо къ верху, изъ винтовки пулею его разбиваетъ; ты завтра идешь рубить лѣсъ, имѣешь привычу постоянно выѣзжать на курганъ, противу оставленной нами за Мичукомъ батареи, вотъ въ ней будетъ сидѣть этотъ самый стрѣлокъ, и, какъ только ты выѣдешь на курганъ, онъ убьетъ тебя. Я счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ, и посовѣтовать—не выѣзжать на тотъ курганъ".

Поблагодаривъ моего Алибея, я далъ ему бешкешъ и отпустилъ. Съ восходомъ солнца войска стояли въ ружьѣ. Я двинулъ ихъ къ Мичуку. Надо сказать, что о хабарѣ Алибея ужъ зналъ каждый солдатъ; мое положеніе было отвратительное: не ѣхать на курганъ—явно долженъ показать себя струсившимъ, а ѣхать и стать на курганѣ—быть убитому. Явилось какое-то во мнѣ хвастолюбіе: я рѣшился ѣхать на

---

(6) Здравствуй.—*Я. Б.*
(7) Благодарю за здоровье.—*Я. Б.*
(8) Что новаго? Разсказывай.—*Я. Б.*

курганъ (9). Не дойдя саженей съ 300, остановилъ колонну; съ пятью вѣстовыми поѣхалъ къ лобному мѣсту; подъ курганомъ остановилъ ихъ; взялъ у вѣстового мой штуцеръ; выѣхалъ на курганъ; сталъ лицомъ къ батареѣ. Не могу скрыть, что происходило со мной: то жаръ, то холодъ обдавалъ меня, а за спиной миріады мурашекъ ползали. Вотъ блеснула на бруствѣрѣ винтовка. Послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля пролетѣла влѣво, не задѣвъ меня. Дымъ разошелся. Стрѣлокъ, увидѣвъ меня сидящаго на лошади, опустился въ батарею. Видѣнъ взмахъ руки — прибиваетъ зарядъ; вторично показалась винтовка; послѣдовалъ выстрѣлъ: пуля взяла вправо, пробила пальто. Ошеломленный невѣрностью выстрѣловъ стрѣлокъ вскочилъ на бруствѣръ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я вынулъ изъ стремени лѣвую ногу и положилъ на гриву лошади; облокотившись лѣвой рукой на ногу, приложился къ штуцеру, сдѣлалъ выстрѣлъ, и мой соперникъ навзничъ полетѣлъ въ батарею: пуля попала въ лобъ, прошла на вылетъ. Войска, стоявшія безмолвно, грянули „ура“, а чеченцы за рѣкой выскочили изъ-за заваловъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ своимъ, начали хлопать въ ладоши „якши (хорошо) Боклу! Молодецъ Боклу“!

Невѣрностью выстрѣла стрѣлка я обязанъ немирнымъ чеченцамъ: когда явился къ нимъ стрѣлокъ и началъ хвастаться, что онъ „Боклу (10) убьетъ“, то на это ему сказали слѣдующее: „О тебѣ мы слышали: ты на лету изъ винтовки пулею разбиваешь яйцо, а знаешь ли, тотъ, котораго хвастаешься убить, такой стрѣлокъ, мы сами видѣли, - на лету изъ винтовки убиваетъ муху! да къ тому-жь должны тебѣ сказать: его пуля не беретъ, онъ знается съ шайтанами (11). Знай, если ты промахнешься, онъ непремѣнно убьетъ тебя“.

— „Ну, хорошо, проговорилъ стрѣлокъ, я закачу мѣдную пулю; отъ нея не спасутъ его шайтаны“!

Вотъ вся причина, отчего не были вѣрны выстрѣлы; у прицѣлившагося въ меня, при разстроенныхъ нервахъ, зрачки глазъ расширялись и мѣткость у стрѣлка пропала.

---

(9) Разстояніе отъ кургана чрезъ рѣку Мичукъ, къ батареи около 150 саженъ.—*Я. Б.*

(10) На чеченскомъ языкѣ—левъ.—*Я. Б.*

(11) Съ чертями.—*Я. Б.*

29-го января 1853 г. князь Барятинскій съ войсками изъ Грозной пришелъ въ Куринскъ, и приступилъ къ рубкѣ лѣса на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, съ цѣлью построить укрѣпленіе. Съ 6-го по 17-е февраля лѣсъ на высотахъ и по склону къ Мичуку былъ вырубленъ. Необходимъ переходъ чрезъ Мичукъ; но берега ея, при впаденіи въ нее рѣки Ганзовки, съ обѣихъ сторонъ отвѣсистые саженъ на восемь; по лѣвую сторону Шамиль съ 40,000 скопищемъ, съ десятью орудіями, стоявшими надъ берегомъ въ батареяхъ, построенныхъ изъ фашинъ. Открытый проходъ былъ немыслимъ потому, что потеря въ войскахъ могла быть на половину отряда, а успѣхъ сомнителенъ. Требовалось обходное скрытное движеніе.

16-го февраля Барятинскій вечеромъ призвалъ меня къ себѣ въ палатку и сказалъ: „дѣдъ ([12]), переходъ чрезъ Мичукъ открытый —повлечетъ страшныя потери; ты знаешь всю мѣстность, не можешь-ли обойти во флангъ Шамилю“?

Я попросилъ у него отсрочки на два дня, чтобы чрезъ пластуновъ моего полка найти выше или ниже мѣсто, незанятое непріятелемъ. Въ отвѣтъ сказано: „время нетерпитъ; въ эту же ночь узнать, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, окончательно долженъ идти“!

Возвратясь въ мою ставку, призвалъ я знаменитаго начальника команды пластуновъ, урядника *Скопина* (нынѣ есаулъ), приказалъ ему самъ-другъ осмотрѣть мѣстность верстахъ въ восьми выше по рѣкѣ, къ разсвѣту возвратиться и сказать: удобна-ль переправа, и не сторожатъ-ли тамъ чеченцы?

Скопинъ возвратился и сообщилъ: переправа удовлетворительна, стражи нѣтъ“.

Ту-жъ минуту я отправился къ Барятинскому, разбудилъ его и передалъ добрую вѣсть.

„А сколько тебѣ, дѣдъ, нужно войска?“ спросилъ князь.

Я сказалъ: „позвольте мнѣ взять Куринскаго полка три баталіона, мой полкъ, дивизіонъ драгунъ, нижегородцевъ, сборный линейный казачій полкъ и восемь орудій“.

— „Бери и иди съ Богомъ; надѣюсь на тебя, съумѣешь выполнить

([12]) Такъ онъ всегда называлъ меня.—*Я. Б.*

мое порученіе, я-жь сейчасъ двинусь къ Мичуку, открою артиллерійскій огонь и этимъ замаскирую твое движеніе".

Выходя отъ кн. Барятинскаго, я попросилъ, что если я, сверхъ чаянія, буду непріятелемъ открытъ и завяжется у меня съ нимъ дѣло, то не посылать мнѣ на выручку ни одного человѣка, потому что это будетъ напрасный трудъ, никакія вспомогательныя силы не спасутъ моего отряда, а только увеличатъ потерю.

Съ разсвѣтомъ густой туманъ покрылъ всю мѣстность, съ тѣмъ вмѣстѣ скрылъ мое движеніе. По сѣверному склону Кочколыковскаго хребта двинулся мой отрядъ; пройдя Куринское укрѣпленіе, круто повернулъ лѣвымъ плечемъ и чрезъ дремучіе лѣса и овраги дошелъ до Мичука; переправился никѣмъ незамѣченный и направился внизъ по Мичуку. Къ часу пополудни туманъ разошелся; Шамиль увидѣлъ меня подходящаго къ правому его флангу. Ошеломленный такимъ нежданнымъ гостемъ, имамъ отступилъ отъ Мичука, и Барятинскій со всѣми своими силами, подъ моимъ прикрытіемъ, двинулся чрезъ рѣку. Потеря вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ ограничилась десятью или пятнадцатью убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Кстати замѣчу. Командиръ кабардинскаго пѣхотнаго полка полковникъ баронъ Николаи получилъ Георгія 4-й степени за смѣлую (!) отвагу: первымъ опустился по веревкѣ въ Мичукъ о бокъ моей колонны. Вотъ ужъ подлинно гласитъ поговорка въ народѣ: „не родись красивъ, а родись счастливъ".

А вотъ настоящій, заправскій примѣръ не только отваги, но и полнѣйшаго сомоотверженія: 25 февраля 1853 г., въ сильномъ бою при истребленіи ауловъ Деньги-Юртъ и Али-Юртъ бывши колоннымъ начальникомъ и распоряжаясь войсками, я не обратилъ вниманія на Шавдонку, топкій ручей; чрезъ него безъ моста переходъ— немыслимъ; ширата его саженъ семь. По лѣвой сторонѣ пни отъ срубленнаго лѣса и колоды, изъ-подъ нихъ нѣсколько десятковъ винтовокъ направлены были въ меня. Мой знаменитый пластунъ Скопинъ, бывши позади, увидалъ страшную для меня грозу; выскочилъ впередъ и остановился предо мной; послѣдовали выстрѣлы; пуля пронзила ему правое плечо; облитый кровью, Скопинъ съ лошади не упалъ, и повернувшись ко мнѣ, сказалъ: „ваше превосходительство, это готовилось

для васъ, я-жъ изъ зависти принялъ на себя; надѣюсь, вы не будете за это ко мнѣ строги". Таковымъ случаемъ былъ пораженъ весь отрядъ.

Скопинъ имѣетъ три знака отличія Св. Георгія.

Въ 1857 г. я былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, при кавказской арміи находившихся; въ концѣ 1859 года отчисленъ въ войско Донское, гдѣ, по выборамъ дворянства, въ 1861 году выбаллотированъ окружнымъ генераломъ второго военнаго округа.

Я. П. Баклановъ.

Примѣчаніе. О многочисленныхъ подвигахъ Бакланова во время его кавказской боевой жизни ходитъ множество разсказовъ. Старые кавказскіе воины передаютъ ихъ съ особенною любовью. Изъ многихъ эпизодовъ, нами слышанныхъ, мы позволяемъ себѣ привести изъ записной книжки одинъ, въ которомъ особенно выпукло выдѣляется типическая черта кавказца-ветерана: именно его преданность долгу до полнѣйшаго самоотверженія. 19 декабря 1853 года Баклановъ выступилъ изъ крѣпости Грозной съ колонною для рубки лѣса на ближнихъ высотахъ. Отсюда Яковъ Петровичъ услыхалъ производившуюся въ десяти верстахъ, между рѣками Сунжой и Аргуномъ, на Чортугаевской переправѣ, сильную орудійную пальбу. Оставя пѣхоту продолжать работы, Баклановъ съ кавалеріею, состоящею изъ 2500 человѣкъ полковъ казачьихъ, двухъ донскихъ, одного линейнаго и дивизіона дунайскаго войска, пошелъ чрезъ лѣса въ полъ-карьера; пройдя по лѣвой сторонѣ Аргуна верстъ шесть, отрядъ встрѣтилъ горцевъ; они шли, въ количествѣ до 4 т. всадниковъ, къ Аргуну отъ Сунжи. Произошелъ бой. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія вся масса непріятелей была опрокинута и бросилась бѣжать, устилая землю трупами. Въ первый моментъ схватки былъ сильно раненъ, пулею въ лѣвую ногу, старшій сынъ Бакланова Николай Яковлевичъ. Когда сынъ палъ, отецъ этого не видѣлъ: онъ былъ въ отдаленіи, во главѣ резерва, который шелъ вслѣдъ за бросившимися въ пики и въ шашки казаками, готовый ежеминутно поддержать удальцовъ. Вдругъ отецъ-Баклановъ наткнулся на командира донского полка—храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—полковника (нынѣ генералъ-маіора) Ежова. Полковникъ стоялъ пѣшій и плакалъ. Баклановъ съ укоромъ спросилъ: „Это что значитъ"?

— „Развѣ не видите въ крови вашего храбраго сына",—отвѣчалъ Ежовъ.

Старый воинъ, не взглянувъ на сына, съ горячностью обратился къ полковнику Ежову, „что-жъ, что палъ молодецъ казакъ—

онъ былъ впереди, но вы-то, господинъ Ежовъ, по какому праву остались надъ однимъ раненымъ, бросивъ на произволъ судьбы ввѣренныхъ вамъ восемьсотъ сыновъ вашего полка? На конь! Къ своимъ храбрымъ сынамъ! Иначе изрублю въ куски"!

Ошеломленный Ежовъ вскочилъ на лошадь и, какъ стрѣла, помчался впередъ. Раненый молодой Баклановъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Отцу было не до сына; генералъ опасался, что впереди, въ лѣсахъ, могли оказаться еще свѣжія силы горцевъ, которые ударятъ на разстроенныхъ скачкою казаковъ и побѣда смѣнится пораженіемъ. Съ цѣлью предотвратить таковую случайность генералъ Баклановъ пронесся съ резервомъ впередъ и не только ни на минуту не остановился надъ сыномъ, но даже не счелъ возможнымъ оставить при немъ казака.

Горцы были окончательно разбиты. На возвратномъ пути казаковъ раненый былъ взятъ на устроенныя изъ пикъ носилки и доставленъ въ крѣпость Грозную. Отъ этой раны молодой Баклановъ (нынѣ подполковникъ) пролежалъ почти годъ безъ движенія.

Съ 1845 г. по 1853-й г. за многочисленныя дѣла съ горцами, слава о которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ, Я. П. Баклановъ произведенъ въ подполковники, полковники и въ генералъ-маіоры; награжденъ золотою саблею, Владиміромъ 3-й степени, Анною 2-й степени, Георгіемъ 4-й степени и Станиславомъ 1-й степени.— *Ред. Журн. „Русск. Старина“.*

Памяти Я. П. Бакланова.

Выдержки изъ книги, изданной въ Парижѣ: „Souvenirs d'un officier du Caucase“, par G. W.

„Я торопился прибыть къ экспедиціи, а также вступить въ командованіе своимъ баталіономъ, который найденъ мною, вмѣстѣ съ остатками колонны, недалеко отъ крѣпости Грозной на Аргунѣ, у подошвы той самой горы Ханъ-Кала, которая была опустошена нами въ декабрѣ 1851 года. До половины февраля мы производили правильныя рубки лѣса; но непріятель не показывался, напуганный понесенными предъ тѣмъ ударами.

Кто слѣдилъ за топографическимъ описаніемъ моимъ мѣстности, тотъ долженъ былъ замѣтить, что полуэллипсъ большой Чечни былъ изслѣдованъ нами: прямо до тѣснинъ Ведени, а вправо отъ нашей позиціи до верховьевъ Аргуна. Теперь же князь Барятинскій намѣревался изслѣдовать лѣвую сторону большой Чечни, т. е. ту ея часть, которая отдѣлялась отъ долины Кумыковъ лѣснымъ горнымъ кряжемъ—Качкалыкъ.

Выше было уже объяснено, что укрѣпленіе Куринское расположено на восточномъ склонѣ этого горнаго хребта. Западная сторона этого кряжа, т. е. склонъ, обращенный къ Чечнѣ, образуетъ уголъ съ цѣпью Черныхъ горъ и въ этомъ мѣстѣ, весьма тѣсномъ, врѣзывается небольшое ущелье рѣчки Мичикъ, берущей начало въ Черныхъ горахъ и протекающей вдоль большой Чечни у подошвы Качкалыкскаго хребта. Въ этомъ именно направленіи князь Барятинскій рѣшилъ пройти всю большую Чечню—страну вовсе для насъ неизвѣстную, куда войска наши не проникали съ 1825—1826 года.

Колонна, назначенная въ экспедицію, приготовилась къ выступленію въ ночь съ 16-го на 17-е февраля. Сухари велѣно было взять всего на пять дней. Для перевозки раненныхъ въ каждомъ баталіонѣ разрѣшено было имѣть лишь по одной повозкѣ. Офицеры же должны довольствоваться вьючными лошадьми, которыя не стѣсняли движеніе колоннъ на равнинахъ. Выступивъ въ два часа по полуночи, колонна въ глубочайшей тишинѣ дошла до Джалки—маленькой рѣчки,

по берегамъ которой разбросано было много непріятельскихъ поселеній. Въ девять часовъ утра раздался первый пушечный выстрѣлъ и завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся до 11 часовъ вечера, пока мы не стали бивуакомъ у подножія Черныхъ горъ, занявъ часть большого аула, по имени Маюртупъ. На долю трехъ баталіоновъ нашего полка выпали, какъ и всегда, труды и опасности слѣдовать въ аріергардѣ. Повторяю снова, что быть въ арріергардѣ, когда колонна углубляется въ лѣсъ, дѣло весьма трудное. Арріергардъ долженъ, въ одно и тоже время, слѣдя за движеніемъ главной колонны, двигающейся по трудно проходимымъ дорогамъ, не терять связи съ правою и лѣвою цѣпью, путь которыхъ тоже нелегокъ, при чемъ ему приходится непрестанно сражаться. Пока колонна идетъ впередъ, горцы рѣдко препятствуютъ ея движенію, но неотступно слѣдятъ за нею и, какъ только направленіе колонны точно обозначится, они съ большою силою нападаютъ на углы, въ которыхъ боковыя цѣпи соединяются съ заднею, и на самый арріергардъ, стараясь прорвать цѣпь и, уловивъ удобный моментъ, врѣзаться съ кинжалами въ средину колонны. Только войска, знающія въ совершенствѣ лѣсную войну и умѣющія сохранять порядокъ при всякихъ обстоятельствахъ, могутъ выносить на своихъ плечахъ бремя, подобное выпавшему на нашу долю, во время памятнаго похода 17 и 18 февраля 1852 года. Сколько разъ задержанные или поломкою одной изъ нашихъ повозокъ, или перевязкою раненнаго, мы тотчасъ должны были сообщать объ этомъ, чрезъ офицеровъ, въ правую и лѣвую цѣпи, которыя, въ свою очередь, тотчасъ же должны были усилиться и удлинниться, такъ какъ голова колонны (растягивавшейся иногда версты на три) никогда не останавливалась въ своемъ движеніи. Сколько разъ при переправахъ чрезъ горныя рѣчки и овраги, доступные лишь въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, мы должны были давать знать о томъ по всей цѣпи и, прежде чѣмъ начать переправу, сформировать по другую сторону рѣчки или оврага новую цѣпь для защиты берега въ то время, когда старая цѣпь двигалась къ указанному мѣсту. Находясь среди непроходимаго лѣса, извѣстнаго въ совершенствѣ чеченцамъ, но для насъ вовсе невѣдомаго, мы, если могли двигаться, то исключительно при помощи перекатныхъ цѣпей и резервовъ въ шахматномъ порядкѣ. При

бавьте ко всему сказанному форсированный маршъ въ теченіе двадцати часовъ къ ряду, и вамъ станетъ понятно, что когда арріергардъ нашъ достигалъ бивуака послѣ другихъ войскъ, то изнемогалъ отъ усталости. Но не смотря на это, въ теченіе всего дня порядокъ ни на минуту не былъ нарушаемъ. Прійдя въ Маюртупъ и разставивъ часовыхъ, мы, ничего не ѣвши, тотчасъ повалились на землю и заснули, какъ мертвые.

Я полагаю, что часовые наши тоже спали; но чеченцы, въ свою очередь, были утомлены; притомъ же бивуакъ у занятаго нами аула, окруженный чистою поляною, не представлялъ никакой опасности.

На другой день лагерь проснулся около десяти часовъ утра, чувствуя адскій аппетитъ. Тотчасъ вытащенъ былъ изъ сумъ весь запасъ провизіи. Нѣсколько штукъ рогатаго скота, захваченнаго наканунѣ, доставили войскамъ сытную похлебку. Весь лагерь завтракалъ: мѣдные чайники весело шипѣли на угольяхъ, всѣ подкрѣпляли силы, въ ожиданіи выступленія.

Край, въ которомъ мы находились, былъ намъ совершенно враждебенъ. Между нами и хребтомъ Качкалыкъ лежалъ обширный орѣховый лѣсъ. Приближаясь къ подошвѣ горнаго кряжа, мы должны были миновать, по весьма трудному пути, тѣ тѣснины, гдѣ обѣ горныя цѣпи образуютъ уголъ. Чтобы перейти чрезъ хребетъ Качкалыкъ, мы должны были прежде переправиться чрезъ Мичикъ, имѣя вправо отъ себя мрачное лѣсистое ущелье, весьма удобное для засады чеченцевъ.

Вскорѣ, по выступленіи, мы вошли въ густой орѣшникъ, который тянулся верстъ на десять, по направленію къ долинѣ Мичика. Какъ и слѣдовало ожидать, жаркое дѣло завязалось въ цѣпи арріергарда. Вдали отъ нашей колонны, въ сторонѣ хребта Качкалыкъ раздались, совершенно для насъ неожиданно, пушечные выстрѣлы. Мы были весьма удивлены этою пальбою. Впослѣдствіи объяснилось, что выстрѣлы слышались изъ небольшой колонны, которая, согласно секретнаго предписанія князя Барятинскаго, выступила, подъ начальствомъ генерала *Бакланова*, изъ укрѣпленія Куринскаго, съ опасностію перешла горный хребетъ и рѣчку Мичикъ, приготовила спускъ и соединилась съ нашей колонной. Генералъ Баклановъ былъ дѣйствительный *военный талантъ*: всѣ движенія его были соображены всегда безукоризненно.

По соединеніи колоннъ войскамъ данъ былъ двухчасовый отдыхъ. Впереди ожидала насъ серьезная опасность при переправѣ чрезъ Мичикъ, которую непріятель намѣренъ былъ упорно отстаивать и уступить намъ за дорогую цѣну. Около трехъ часовъ по полудни отрядъ изъ трехъ баталіоновъ, въ томъ числѣ мой, шести орудій и казачьяго полка, подъ командою генерала Бакланова, былъ направленъ къ лѣсу, лежащему противу переправы. Назначеніе наше было служить завѣсой, позади которой должны были двигаться остальныя войска и обозъ.

Едва успѣли мы занять позицію, какъ насъ встрѣтилъ градъ ядеръ и картечи изъ батарей, построенныхъ непріятелемъ по опушкѣ лѣса. Около дюжины солдатъ было у насъ тотчасъ убито. Мы отвѣчали какъ могли, но пальба неожиданно прекратилась и вслѣдъ затѣмъ раздалось продолжительное ура вправо, въ лѣсу, противъ котораго мы находились. Князь Барятинскій, чтобы облегчить нашу задачу и внушить непріятелю страхъ потерять орудія, направилъ въ лѣсъ всю кавалерію, поддержавъ ее двумя баталіонами пѣхоты. Непріятель не ожидалъ атаки и тотчасъ скрылъ орудія въ глубинѣ лѣса, что дало намъ возможность выиграть часъ времени, въ продолженіи котораго мы успѣли переправить чрезъ Мичикъ обозъ съ ранеными, не подвергая его дѣйствію непріятельскихъ ядеръ. Мы стояли на той же позиціи, когда началось отступленіе. Войска проходили позади насъ, спускались въ овраги Мичика и снова поднимались на хребетъ Качкалыкъ, на противоположномъ скатѣ котораго расположено было укрѣпленіе Куринское, гдѣ мы должны были провести ночь.

По выходѣ войскъ изъ лѣсу непріятель снова поставилъ свои орудія и открылъ пальбу, для прекращенія которой мы нѣсколько разъ бросались въ опушку лѣса и очищали ее штыками. Наконецъ сѣло солнце; темнота, какъ то бываетъ во всѣхъ южныхъ странахъ, быстро смѣнила дневной свѣтъ. Наши стрѣлки, тѣмъ не менѣе, имѣя передъ собою массу татаръ, раздраженныхъ рядомъ неудачъ, вели съ ними живую перестрѣлку. Горцы выжидали только нашего отступленія, чтобы броситься въ шашки и кинжалы на заднюю цѣпь. Но и на этотъ разъ, какъ и всегда, принятый нами способъ отступленія уступами въ шахматномъ порядкѣ, далъ намъ возможность выйти изъ лѣсу съ

полнымъ успѣхомъ. Только теперь уступы образованы были не взводами, или ротами, но цѣлыми баталіонами. Мы уже сказали, что оврагъ Мичика былъ доступенъ только въ одномъ мѣстѣ, притомъ еще весьма узкомъ, и что три баталіона, шесть орудій и казачій полкъ должны были перейти его въ этомъ пунктѣ.

Казаки и четыре орудія отправлены были впередъ; три баталіона и остальныя двѣ пушки должны были начать отступленіе по свисту въ то время, когда сказанныя четыре орудія займутъ позицію на склонѣ горы на такой высотѣ, чтобы можно было стрѣлять чрезъ головы своихъ войскъ.

Все это время ружейный огонь не ослабѣвалъ ни на минуту. По данному сигналу средній баталіонъ отступилъ бѣгомъ. Татары бросились на его цѣпь, но были встрѣчены въ упоръ залпами цѣпей двухъ баталіоновъ, остававшихся на мѣстѣ. Въ это врема первый баталіонъ перешелъ Мичикъ и занялъ цѣпью противоположный берегъ оврага. По второму свистку 2-й баталіонъ отступилъ тѣмъ же способомъ, но татары, вслѣдствіе ли утомленія, или опасаясь новой хитрости, не возобновили атаки. Наконецъ по третьему свистку началъ отступать и послѣдній баталіонъ съ двумя орудіями. Сплошныя массы тавлинцевъ и чеченцевъ бросились за нимъ къ переправѣ. Они ясно видны были при свѣтѣ горящихъ заваловъ, зажженныхъ нашими гранатами. Когда отступившій баталіонъ спустился до дна оврага, то первые два баталіона, занимавшіе противоположный его берегъ, встрѣтили непріятеля залпомъ. Понеся большія потери, горцы обратились къ быстрому отступленію. Въ то же время четыре орудія, до того молчавшія, открыли стрѣльбу чрезъ головы своихъ войскъ, направляя выстрѣлы въ толпы непріятеля, ясно видимыя при свѣтѣ пылавшихъ костровъ. Этимъ закончилось сраженіе. Мы поднялись по склону горы. Непріятель больше не преслѣдовалъ. Измученные отъ усталости, мы пришли около девяти часовъ вечера въ укрѣпленіе, вокругъ котораго расположились бивуакомъ, такъ какъ оно не въ состояніи было вмѣстить въ себѣ всѣхъ войскъ экспедиціи. Этотъ двухдневный походъ имѣлъ громадное значеніе: какъ рекогносцировка и какъ нравственный ударъ, нанесенный могуществу Шамиля. Теперь было доказано, что ни одно мѣсто въ Чечнѣ не было обезпечено отъ нашихъ нападеній. Логическимъ послѣд-

ствіемъ этой истины было то, что рано или поздно, чеченцы должны будутъ покориться. Вскорѣ послѣ экспедиціи мы видѣли дѣйствіе, произведенное ею: семейства горцовъ толпами покидали большую Чечню и приходили просить у насъ земли и покровительства. Они были поселены въ разныхъ мѣстахъ и между прочимъ въ 8-ми верстахъ отъ Куринскаго укрѣпленія на восточномъ склонѣ хребта Качкалыкъ, около горячаго ключа Истису, отъ котораго получилъ названіе и построенный здѣсь аулъ. Я упоминаю объ этомъ аулѣ потому, что онъ былъ театромъ интереснаго эпизода, о которомъ разскажу впослѣдствіи.

Описаннымъ походомъ, однако, зимняя экспедиція еще не кончилась,—мы должны были вернуться въ долину Чечни къ Аргуну, чтобы докончить рубку лѣса. Просѣка на этотъ разъ сдѣлана была въ направленіи къ Джалкѣ, т. е. по пути, нами пройденному. Было начало марта и солдаты нуждались въ отдыхѣ; лагерь снялся и войска возвратились въ мѣста постояннаго своего расположенія.

21-го марта, однако, мы сдѣлали набѣгъ за Качкалыкскій хребетъ, который едва не кончился для насъ несчастіемъ. Дѣло было такъ: въ ночь съ 21-го на 22-е марта шесть ротъ нашего полка съ шестью сотнями казаковъ выступили, подъ начальствомъ генерала *Бакланова*, изъ Куринскаго укрѣпленія съ цѣлью завладѣть рогатымъ скотомъ непріятельскаго аула, расположеннаго на противоположномъ склонѣ горнаго хребта. Подобные набѣги входили въ главный планъ князя Барятинскаго, который (какъ увидимъ впослѣдствіи) подготовлялъ экспедицію 1853 года, опустошая западный склонъ хребта Качкалыкъ. Аулъ былъ взятъ нами и разоренъ безъ особеннаго труда, и мы стали отступать. На наше несчастіе густой туманъ одѣлъ горы и лѣсъ, которыми мы должны были идти. Лѣвая цѣпь сбилась съ даннаго направленія и потеряла связь съ цѣпью аррьергарда. Въ лѣвомъ углу между ними образовался разрывъ. Чеченцы бросились въ этотъ промежутокъ и едва не изрубили артиллерійской прислуги. Самыя орудія, слѣдовавшія черезъ лѣсъ по трудной и пересѣченной дорогѣ, чуть было не перешли въ руки непріятеля. Къ счастію для насъ лѣвая цѣпь была еще недалеко. Крики горцевъ и ура солдатъ указали атакованное мѣсто. Съ одной стороны аррьергардъ, съ другой лѣвая цѣпь бросилась на чеченцовъ, ворвавшихся внутрь колонны и

всѣхъ ихъ уничтожила. Тѣмъ не менѣе случай этотъ всѣхъ насъ опечалилъ. Онъ не могъ бы приключиться, если-бъ были соблюдаемы нами всѣ необходимыя предосторожности. Я привелъ этотъ фактъ, дабы показать, что въ лѣсной войнѣ даже лучшія войска не обезпечены отъ нападеній на арріергардъ, при отступленіи отъ принятыхъ техническихъ правилъ и несоблюденіи необходимыхъ предосторожностей. Въ этомъ же дѣлѣ я самъ лично рисковалъ быть или взятымъ въ плѣнъ, или убитымъ. Спасеніемъ своимъ я обязанъ единствено бывшей подо мною лошади туркменской породы.

1852 годъ былъ весьма несчастливъ для нашего полка по причинѣ большихъ потерь. Въ августѣ предпринято было нападеніе по ту сторону лѣсистаго хребта Качкалыкъ, доказавшее еще разъ всю разумность принятаго на Кавказѣ правила: не углубляться въ лѣсъ лѣтомъ. Цѣль нашей экспедиціи состояла, какъ уже было сказано по поводу дѣла 22 марта, въ опустошеніи западнаго склона Качкалыкскаго хребта. Мы должны были разорить аулы, еще уцѣлѣвшіе по берегамъ Мичика, протекавшаго у подошвы этого кряжа. Колонна, назначенная для экспедиціи, собралась въ Куринскомъ укрѣпленіи подъ начальствомъ генерала *Бакланова*. Она состояла изъ двухъ баталіоновъ, тамъ расположенныхъ, трехъ ротъ моего баталіона, пришедшихъ изъ Хасовъ юрта и шести сотенъ казаковъ. Походъ назначенъ былъ на 11-число августа. Не знаю почему выступленіе наше замедлилось и мы двинулись только въ 10 часовъ утра. Зной уже былъ довольно сильный; все предвѣщало день весьма удушливый. Намъ предстояло взобраться на хребетъ, пройти чинаровый лѣсъ, растущій на его вершинѣ, и спуститься на противоложный склонъ, покрытый густымъ лѣсомъ. Серьезная опасность могла предстоять намъ особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ оврагъ пересѣкалъ нашъ путь. Далѣе, по мѣрѣ приближенія къ Мичику лѣсъ становился рѣже. Цѣлью нападенія нашего былъ аулъ Гурдали. Онъ расположенъ былъ на противоположной сторонѣ рѣчки, среди обработанныхъ полей и фруктовыхъ садовъ. Около полудня или половины перваго часа мы подошли къ Мичику. Тотчасъ три или четыре роты пѣхоты направлены были къ аулу. Овладѣть поселеніемъ, имѣвшимъ лишь слабую ограду, не требовало особенныхъ усилій. Главное затрудненіе состояло въ томъ,

что пѣхота, двигаясь по полямъ, засѣяннымъ кукурузой, разстроилась и дѣйствовала въ разбродъ. Жители межъ тѣмъ, собравшись въ углу аула, засѣли въ сакли и ихъ приходилось брать штурмомъ. Потеря наша при этомъ состояла изъ трехъ офицеровъ и нѣсколькихъ десятковъ солдатъ. Наконецъ, около двухъ часовъ пополудни началось отступленіе. У насъ было всего три или четыре повозки для раненыхъ и убитыхъ и тѣ были уже переполнены. Но пока мы возились у Мичика, горцы, привлекаемые ружейною и пушечною пальбою, въ огромныхъ массахъ стекались къ намъ со всѣхъ сторонъ.

Чеченцы, со свойственнымъ имъ знаніемъ лѣсной войны, не преминули засѣсть въ оврагѣ, который предстояло проходить намъ на обратномъ пути. Едва только колонна наша и цѣпи углубились по дорогѣ, ведущей въ гору, мы встрѣчены были градомъ пуль. Непріятель былъ вездѣ: направо, налѣво, въ кустахъ и на деревьяхъ. Люди падали безпрестанно; не смотря на то колонна шла въ замѣчательномъ порядкѣ, хотя мы подвигались впередъ весьма тихо. Повозки наши были переполнены убитыми и ранеными въ такой степени, что запряженныя въ нихъ лошади тройки отказывались везти. Даже орудія, не приносившія въ густомъ лѣсу никакой пользы, были обременены убитыми и ранеными и съ трудомъ лишь могли взбираться на горный подъемъ.

Въ глубинѣ оврага мы вынуждены были, три или четыре раза, отбивать атаки чеченцевъ холоднымъ оружіемъ. Движеніе наше сдѣлалось еще труднѣе отъ порохового дыму. Не имѣя свободнаго выхода въ этомъ закрытомъ мѣстѣ, онъ въ видѣ густого облака висѣлъ надъ лѣсомъ и затруднялъ намъ дыханіе. При выходѣ изъ оврага лошади въ обозѣ совершенно стали, необходимо было дать имъ отдыхъ. Межъ тѣмъ число раненыхъ все увеличивалось. Для перевозки ихъ вынуждены были взять лошадей у казаковъ. Цѣпи наши видимо рѣдѣли, но не смотря на то твердо держались на своихъ мѣстахъ, мужественно отбивая атаки чеченцевъ. Жаръ былъ такъ силенъ, что командиръ 2-го баталіона маіоръ Т., человѣкъ сильнаго и крѣпкаго сложенія, но тучный, упалъ во рву, пораженный апоплексическимъ ударомъ. Наконецъ мы выбрались изъ этого проклятаго оврага и вышли на дорогу, которая, хотя шла все въ гору, но уже не прод-

ставляла тѣхъ трудностей. Чеченцы преслѣдовали насъ по пятамъ. Но какъ наши ружья, такъ и ихъ винтовки отъ продолжительной и частой стрѣльбы нельзя было болѣе зарядить и бой огнестрѣльнымъ оружіемъ прекратился самъ собою. Тѣмъ не менѣе лица, бывшія въ арріергардѣ: я, графъ К. и еще третій офицеръ К. съ полуторадесяткомъ солдатъ каждую минуту готовы были выдержать нападеніе въ кинжалы, которымъ угрожали намъ человѣкъ сто чеченцевъ, слѣдовавшихъ за нами. . . . .

Къ счастью нашему, мы имѣли еще четыре или пять годныхъ къ стрѣльбѣ ружей. Благодаря имъ, мы держали чеченцевъ, не любящихъ подвергаться вѣрной смерти, въ почтительномъ отдаленіи. Къ пяти часамъ вечера мы выбрались на ровное мѣсто, поросшее вѣковыми чинарами. Чистый воздухъ освѣжилъ насъ. Обозъ нашъ безпрепятственно направился къ укрѣпленію и не стѣснялъ насъ болѣе. Здѣсь, по выходѣ изъ густого и темнаго лѣса, уже мы были хозяева, что тотчасъ и показали чеченцамъ быстро, атаковавъ ихъ, въ свою очередь, и отбросивъ въ кустарникъ. Преслѣдованіе окончилось и мы спокойно прошли восточный склонъ хребта. Впереди намъ предстояло, однако, выполнить тяжелыя обязанности: пять или шесть офицеровъ и болѣе трехсотъ солдатъ было убито и ранено. Мы имѣли одно лишь утѣшеніе, что никого не покинули въ лѣсу, даже ни одного убитаго. Какъ ни печально было это дѣло, оно еще разъ доказало, что войска наши состояли изъ лучшихъ солдатъ въ мірѣ .

. . . .

Жизнь въ укрѣпленіи Куринскомъ, хотя и однообразная, не лишена была своей прелести, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о ней. Правда, мы получали письма и газеты разъ въ мѣсяцъ, когда приходила оказія изъ Хасавъ-Юрта; отвѣты же изъ центральной Россіи на наши письма приходили чрезъ два мѣсяца, но у насъ были книги. Притомъ же офицеры были такіе честные и хорошіе ребята. Генералъ *Баклановъ* и казачьи офицеры находились съ нами въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Развлеченія наши состояли почти въ ежедневной гоньбѣ за непріятельскими партіями, показывавшимися въ долинѣ. Кромѣ того мы заняты были обыденною рубкою просѣкъ, которая всякій разъ служила предлогомъ къ отличному завтраку и дол-

гимъ разговорамъ въ лѣсу, гдѣ генералъ Баклановъ, я и мои офицеры, разлегшись на коврѣ вокругъ костра, весело проводили два три часа, толкуя о разныхъ предметахъ. При этомъ генералъ Баклановъ, человѣкъ рѣдкихъ военныхъ способностей, старательно изучалъ Качкалыкскій хребетъ. Я часто сопровождалъ его въ его экскурсіяхъ, которыя онъ дѣлалъ въ сопровожденіи шести лучшихъ своихъ урядниковъ, чаще всего пѣшкомъ, оставивъ лошадей при сотнѣ, въ какой-либо прогалинѣ лѣса. Такимъ образомъ изучены были горныя тропинки, что послужило намъ большою помощью во время экспедиціи 1853 года.

Въ январѣ 1853 года изъ укрѣпленія Куринскаго направлена была колонна къ вершинѣ хребта Качкалыкъ, прямо къ мѣсту нашей рекогносцировки 21-го марта 1852 года, противъ аула Исти-су, въ 6 или 7 верстахъ отъ укрѣпленія. Начало прохода чрезъ хребетъ въ этомъ мѣстѣ образуетъ довольно глубокая воронка, со дна которой начинается подъемъ, покрытый до самой вершины хребта густымъ кустарникомъ; затѣмъ начинается плоскость, склоняющаяся постепенно на протяженіи четырехъ или пяти верстъ къ Мичику. На плоскости росъ высокій чинаровый лѣсъ; самый же спускъ къ Мичику былъ обнаженъ отъ деревьевъ. Когда мы минули чинаровый лѣсъ, то глазамъ нашимъ представилась большая часть роскошной Чечни, облитая яркимъ свѣтомъ прекраснаго зимняго дня. Налѣво отъ нашей позиціи виднѣлось ущелье Мичика и темныя массы чернаго лѣса, гдѣ мы дрались 18-го февраля 1852 года; ближе къ намъ находилось мѣсто, занимаемое прежде злополучнымъ ауломъ Гурдали, стоившимъ намъ такъ дорого 11-го августа. Еще дальше, влѣво, бѣлѣли стѣны аула Маюртупъ, разореннаго нами 17-го и 18-го февраля 1852 года, но съ тѣхъ поръ вновь отстроеннаго. Двѣ рѣчки: Гудермесъ и Гандзоль, какъ двѣ серебряныя нити, блестѣли близъ Маюртупа и терялись въ густомъ орѣшникѣ, нами пройденномъ. Вправо отъ насъ густой лѣсъ покрывалъ всю долину; но съ высоты, на которой мы находились, можно было прослѣдить теченіе Гудермеса, который, принявъ въ себя Мичикъ и Гаязоль, несъ свои воды къ Сунжѣ.

Прямо у нашихъ ногъ видны были укрѣпленія Мичика, за ко-

торыми копошились массы тавлинцевъ; далѣе же, вдоль черныхъ горъ, можно было простымъ глазомъ замѣтить сверканіе рѣчки Бассъ и опредѣлить очертаніе горъ Ханъ-Кала; еще далѣе взоръ терялся въ глубинѣ лѣсовъ Чечни, съ трудомъ различая линію Аргунскаго ущелья.

Панорама была чудная. При видѣ этихъ очаровательныхъ мѣстъ, мысль невольно уносилась впередъ къ тѣмъ болѣе счастливымъ временамъ, когда на этомъ театрѣ вѣчной рѣзни водворится мирная картина земнаго рая.

Лагерь нашъ раскинутъ былъ, пройдя чинаровый лѣсъ, на склонѣ плоскости, обращенномъ къ сторонѣ Мичика. Въ оврагѣ, окаймлявшемъ эту плоскость, имѣлись ключи воды, достаточные для потребностей лагеря. Наблюдательныя цѣпи выдвинуты были за оврагъ, но непріятель не рискнулъ подняться на гору, которая хотя и была покрыта лѣсомъ, но занятая большою колонною представляла ему мало убѣжища.

На другое утро толпы рабочихъ на этотъ разъ безъ прикрытія принялись рубить чинары, бывшіе сзади лагеря, прокладать дороги и уничтожать кустарникъ, покрывавшій покатость, обращенную къ долинѣ Кумыковъ. Работа эта заняла двѣ недѣли. Послѣ того сдѣланы были просѣки по другую сторону овраговъ, окаймлявшихъ плоскость. Чрезъ мѣсяцъ эта часть Качкалыкскаго хребта, обнаженная отъ всякой растительности, при помощи вновь устроенныхъ дорогъ, представляла для нашихъ войскъ во всякое время спокойный и безопасный пунктъ для вторженія къ непріятелю. Но главное препятствіе Мичикъ все еще не было преодолѣно. Наконецъ, 16-го числа, вечеромъ, получено было приказаніе готовиться къ приступу.

Два баталіона пѣхоты: одинъ отъ нашего полка (которымъ командовалъ я), другой отъ полка Паскевича съ восемью орудіями должны были въ 10 часовъ утра спуститься къ Мичику и, остановясь отъ него въ 100 саженяхъ, открыть пальбу по укрѣпленіямъ.

Въ полдень штурмовая колонна должна была, спустясь съ вершины горы, подойти съ лѣстницами къ Мичику и атаковать его. Не знаю, было ли то дѣломъ случая, или князь Барятинскій имѣлъ пристрастіе къ 17-му числу февраля, только два года къ ряду онъ вы-

биралъ этотъ день для нанесенія главныхъ ударовъ непріятелю и выполненія своихъ предначертаній.

Въ 10 часовъ, согласно приказанія, мы спустились съ нашими орудіями къ Мичику и начали его обстрѣливать.

Находясь въ продолженіе двухъ часовъ въ сферѣ дѣйствія изъ непріятельскихъ орудій и винтовокъ, мы понесли ничтожную потерю. Баталіоны наши раздѣлены были на мелкія части, не представлявшія достаточной цѣли. Къ тому же непріятель плохо мѣтилъ изъ пушекъ на 100 саженъ, въ то время, когда наши 12-фунтовыя батарейныя держали его въ должномъ почтеніи.

Что же касается выстрѣловъ изъ винтовокъ, то ими раненъ былъ у насъ кое-кто; но раны, причиненныя пулями на разстояніи отъ 350—400 шаговъ, были весьма легкія; чаще всего были однѣ контузіи. Было около полудня. Баталіоны, назначенные для штурма, были готовы и ожидали лишь приказанія спуститься съ горы. Вдругъ между нашими солдатами, которые отличались вообще зоркостью, этою врожденною способностію степныхъ жителей, поднялся говоръ, и они начали внимательно всматриваться въ глубину Чечни.

„Ваше Высокоблагородіе,—обратился ко мнѣ старый унтеръ-офицеръ,— что-то чудное дѣлается на Ганзолѣ, въ лѣсу, позади непріятеля! Два раза показалось намъ, точно баталіонъ сверкнулъ штыками". Не успѣлъ еще я ему отвѣтить, какъ послышались барабаны и военная музыка 12 или 15 баталіоновъ, спускавшихся къ намъ съ горы. Непріятель не замѣчалъ, что происходило позади него въ 5 или 6 верстахъ разстоянія. Онъ съ увлеченіемъ поддерживалъ неумолкаемую пальбу изъ орудій и ружей, отъ которой выбыло изъ строя нѣсколько рядовъ въ штурмовыхъ баталіонахъ, все ближе подходившихъ къ Мичику.

Стоя на нѣкоторой высотѣ, мы хорошо видѣли, что дѣлалось въ долинѣ. Зрѣлище, дѣйствительно, было увлекающее: на берегу Ганзоли становились виднѣе войска, скоро мы могли различать эскадронъ за эскадрономъ, сотню за сотнею, въѣзжающіе на долину въ сопровожденіи орудій; вслѣдъ за ними появилась на опушкѣ лѣса блестящая щетина штыковъ, еще ранѣе замѣченная нашими солдатами.

Крики злобы и отчаянія раздались въ рядахъ непріятеля! По-

кинувъ укрѣпленіе, горцы бросились на право къ лѣсу уже въ то время, когда съ одной стороны штурмовыя колонны овладѣли укрѣпленнымъ берегомъ Мичика, съ другой грозная масса нашей кавалеріи въ сопровожденіи артиллеріи и поддерживаемая пѣхотой успѣла отрѣзать имъ путь отступленія въ долину.

Картина эта врѣзалась въ моей памяти и я ясно вижу ее, спустя двадцать лѣтъ. Идея этого блестящаго маневра принадлежала, безъ сомнѣнія, главному начальнику князю Барятинскому; мастерскимъ его выполненіемъ мы обязаны генералу Бакланову, о которомъ говорено было выше.

Князь Барятинскій поручилъ ему обойти непріятеля по непроходимымъ тропинкамъ и съ часами въ рукѣ явиться къ назначенному времени, въ долинѣ Мичика. Генералъ Баклановъ самъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи объ этомъ походѣ. За два дня до штурма онъ лично, съ шестью урядниками, изслѣдовалъ тропинку, которая вела чрезъ Качкалыкскія горы въ ущеліе Мичика и углублялась затѣмъ въ лѣсъ Черныхъ горъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ годъ передъ тѣмъ непріятель атаковалъ переправу черезъ Мичикъ. Хотя вообще тропинка была узка, но до Мичика по ней можно было провезти орудіе. Въ ущельѣ же переправиться чрезъ Мичикъ можно было не иначе, какъ разобравъ орудія и перенеся ихъ на рукахъ.

Далѣе, въ черномъ лѣсу хотя и можно было двигаться свободно, но необходимо было соблюдать величайшія предосторожности, чтобы не быть открытымъ. Въ противномъ случаѣ экспедиція не достигла бы цѣли. Кромѣ того кавалерія и баталіонъ пѣхоты, окруженные непріятелемъ въ громадномъ лѣсу, могли быть уничтожены прежде, чѣмъ мы подали бы имъ помощь.

Колонна Бакланова, выступивъ въ два часа утра, перешла Мичикъ еще до разсвѣта, при чемъ четыре орудія конной артиллеріи и два пѣшей перенесены были на лѣвый берегъ рѣчки солдатами на рукахъ.

Направленіе черезъ черный лѣсъ указывалъ проводникъ чеченецъ, который шелъ межъ двухъ казаковъ, имѣвшихъ приказаніе убить его, если бы онъ вздумалъ бѣжать. Движеніе это было замѣчательно счастливо. Всѣ силы Шамиля собраны были для защиты укрѣпленій и въ лѣсу не встрѣтилось живой души. Около одиннадцати часовъ утра Баклановъ

скрытно вошелъ въ знакомый уже намъ орѣшникъ, близъ Маюртупа, а въ назначенный часъ замѣчательнымъ образомъ появился на долинѣ за укрѣпленіями Мичика.

Это блистательное дѣло, плодъ геніальныхъ соображеній, наполнило радостію всѣ сердца. Лагерь праздновалъ этотъ день ужинами, устроенными во всѣхъ полкахъ. Чтобы не утерять, однако, плодовъ этого дня, на лѣвомъ берегу Мичика былъ наскоро образованъ редутъ. Въ немъ помѣщенъ былъ баталіонъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, кокоторыя должны были защищать переходъ черезъ Мичикъ.

Баталіонъ этотъ и орудія смѣнялись ежедневно. Дежурный баталіонъ занималъ редутъ въ одиннадцать часовъ утра и оставался въ немъ цѣлыя сутки, имѣя постоянныя схватки съ непріятелемъ.

Впрочемъ, мы держали его въ почтительномъ отдаленіи при помощи, такъ называемыхъ, крѣпостныхъ ружей. Нужно сознаться, что пѣхотныя ружья въ наше время были отвратительны. У насъ было ударное гладкоствольное оружіе, стрѣлявшее лишь на 190 или 120 шаговъ, въ то время, какъ чеченцы вооружены были винтовками, хотя кремневыми, но стрѣлявшими замѣчательно вѣрно на 300, даже на 400 шаговъ. Это неравенство вооруженія составляло одну изъ главныхъ затрудненій въ борьбѣ нашей на Кавказѣ, которая приняла совершенно иной характеръ, какъ только войска наши вооружены были штуцерами.

А. Грековъ.

Донской № 17-й полкъ въ 1852 г. на Кавказѣ [1].

Къ числу донскихъ полковъ, оставившихъ по себѣ добрую память въ частяхъ славной кавказской арміи, а у горцевъ заслужившихъ прозвище „шайтанъ казаки", принадлежалъ и № 17-го полкъ, который, по прибытіи съ Дона, лѣтомъ 1850 г., на лѣвый флангъ кавказской линіи въ укрѣпленіе Куринское, поступилъ подъ команду полковника Я. П. Бакланова [2].

Когда Баклановъ проживалъ въ крѣпости Воздвиженской, говоритъ Н. А. Волконскій, то не проходило дня безъ тревоги: или очень близко появится партія горцевъ, или атакуютъ нашъ постъ, или разъѣздъ, или бросятся на косцовъ, на оказію или на безпечно охраняемый вблизи крѣпости скотъ,—и кавалерія съ Баклановымъ прежде всѣхъ мчится на выручку къ угрожаемому пункту. Одна изъ такихъ тревогъ случилась лѣтомъ по направленію къ Аргунскому ущелью. Ударили изъ орудія. Баклановъ понесся туда съ донцами, а артиллерія съ куринцами побѣжала по слѣдамъ его. Тревога кончилась, войска возвращались въ крѣпость. Позади всѣхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, болѣе или менѣе значительномъ, ѣхалъ Баклановъ въ красной кумачевой рубахѣ. Съ нимъ было всего два казака. Вдругъ въ сторонѣ отъ дороги, въ разстояніи отъ нея саженъ на сто, по направленію къ лѣсу, за копной какого-то бурьяна или сѣна раздалась татарская брань: Бакланъ, Бакланъ... и т. д. Баклановъ вскинулъ головою, глаза его заискрились, на лицѣ выразилось судорожное движеніе и прежде, чѣмъ казаки успѣли опомниться, Баклановъ былъ уже у копны. Чеченецъ, позволившій себѣ такъ непривѣтливо отнестись къ Бакланову, увидя передъ собою внезапно такое грозное явленіе, до того испугался, что, несмотря на то, что держалъ въ рукѣ зараженный пистолетъ, былъ вооруженъ съ ногъ до головы и, какъ пѣшій передъ коннымъ, имѣлъ всѣ преимущества для схватки, растерялся и остался на мѣстѣ, словно колъ, вбитый въ землю. У Бакланова шашка

---

(1) „Погромъ Чечни въ 1852 г." Н. А. Волконскаго.
(2) Командовавшаго до того времени полкомъ № 20.

была на голо, и ему стоило только взмахнуть ею, чтобы однимъ горцемъ стало меньше на свѣтѣ. Но онъ не сдѣлалъ этого и, не желая марать оружія надъ трусомъ, перехватилъ шашку въ лѣвую руку, а съ передней луки быстро снялъ свою „подругу“ и проучилъ ею чеченца такъ, чтобы онъ долго помнилъ свою неудачную выходку. Подскакавшіе вслѣдъ затѣмъ казаки довершили экзекуцію. Фактъ этотъ, кажущійся маловажнымъ, характеризуетъ ту неустрашимость предъ опасностью, какою обладалъ Баклановъ. И взаправду: не могъ же Баклановъ быть увѣреннымъ, что какой-то смѣльчакъ, джигитъ, который, похваставшись о томъ вечеромъ передъ своими кунаками, сидитъ одинъ-одинешенекъ за копною. Посмѣлъ ли бы онъ сдѣлать подобный вызовъ, если-бы съ нимъ не было нѣсколькихъ другихъ товарищей? Понятно, что нѣтъ. Однако, Баклановъ объ этомъ не разсуждалъ; онъ не думалъ, что можетъ встрѣтить за копной нѣсколько человѣкъ, а, окрестя голову, бросился впередъ. Наконецъ, какъ знать, не было-ли у горца и прямой цѣли: призвать этимъ путемъ къ себѣ Баклана въ гости и, не давъ ему доѣхать, всадить въ грудь пулю и тѣмъ увѣковѣчить свое имя въ горахъ, отличиться передъ Шамилемъ? Пистолетъ на готовѣ легко подтверждаетъ это предположеніе. Не одинъ этотъ случай, но всѣ дѣйствія Бакланова въ бою доказываютъ намъ. что онъ никогда не останавливался ни предъ какою, самою явною опасностью; что не теряя соображенія и распорядительности, при какихъ бы то ни было угрожающихъ обстоятельствахъ, Баклановъ увлекался въ бою положительно до самозабвенія, что вовсе не должно было быть отличительною чертою военачальника, который, вслѣдствіе подобной невоздержанности и неумѣнья владѣть собою, могъ бы иной разъ принести вредъ и себѣ, и командуемой имъ части. Однако, Бакланова во всѣхъ такихъ случаяхъ берегла и хранила судьба. Самоувѣреннѣе этого человѣка въ битвахъ съ непріятелемъ трудно было встрѣтить. Эта самоувѣренность, отвага и всѣ указанныя качества клали особый отпечатокъ на военныя дѣйствія Бакланова: быстрота, сильный ударъ, беззавѣтная рѣшимость, надежда на свое страшное въ горахъ, парализующее имя,—вездѣ сопровождаютъ дѣянія этого лица. Вообще, этотъ человѣкъ былъ незамѣнимымъ и неподражаемымъ, въ своемъ родѣ не только партизаномъ, какъ на него привыкли смотрѣть,

потому что онъ командовалъ донцами и летучими отрядами, но во многихъ случаяхъ, какъ самостоятельный военачальникъ, которому безъ боязни, несмотря на его запальчивость, можно было поручить отрядъ и ввѣрить для исполненія планъ войны.

Такъ вотъ, каковъ былъ тотъ полковникъ, подъ команду котораго поступилъ Донской № 17-го полкъ. Почти съ перваго же дня прибытія на Кавказъ казакамъ этого полка пришлось познакомиться съ кавказскою боевою службою, участвуя чуть не ежедневно то въ отбитіи нападеній горцевъ на казачьи станицы и аулы покорныхъ намъ чеченцевъ, то въ отрядахъ, занимавшихся рубкою лѣса, то въ уничтоженіи хлѣбныхъ и другихъ запасовъ у непріятеля и т. п. дѣлахъ. Наиболѣе замѣчателенъ въ боевой жизни 17-го полка годъ 1852-й, когда въ командованіе войсками лѣваго фланга линіи вступилъ князь Барятинскій (3). Съ цѣлью подорвать власть и вліяніе Шамиля въ глазахъ чеченскаго народа, кн. Барятинскій задумалъ въ 1852 году произвести рѣшительный погромъ Чечни. Въ концѣ 1851 г. Шамиль, предполагая явиться въ Чечню съ партіями дагестанцевъ и другихъ непокорныхъ племенъ, приказалъ чеченцамъ заготовить для нихъ продовольственные запасы, да и самимъ чеченцамъ также быть готовыми къ военнымъ дѣйствіямъ. Узнавъ объ этомъ, кн. Барятинскій стянулъ 4-го января 1852 г. къ укрѣпленію Воздвиженскому отрядъ, силою въ 10 тыс. человѣкъ пѣхоты, 1½ тысячи линейныхъ казаковъ, 24 орудія и 15 ракетныхъ станковъ и съ этимъ отрядомъ 5 января двинулся внизъ по р. Аргуну до бывшаго аула Бани-юртъ, гдѣ остановился лагеремъ. Чрезъ нѣсколько времени особые отряды, высылаемые изъ этого лагеря, начали производить набѣги на аулы. Для того же, чтобы отвлечь часть непріятельскихъ силъ отъ своего отряда, а также съ цѣлью вырубить лѣсъ, находившійся на южномъ склонѣ Качкалыковскаго хребта, между укрѣпленіемъ Куринскимъ и р. Мичикомъ, кн. Барятинскій приказалъ Я. П. Бакланову заняться рубкою упомянутаго лѣса. Въ то время, какъ кн. Барятинскій двигался къ Бани-юрту, т. е. 5 января, и Баклановъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 10 ротъ пѣхоты, 7-ми орудій полевой артиллеріи, 2-хъ полу-

(3) Барятинскій былъ назначенъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1851 г.

пудовыхъ мортиръ и пяти сотенъ Донскихъ №№ 17 и 18 полковъ, выступилъ изъ Куринскаго къ Мичику и до 3-хъ часовъ дня производилъ рубку лѣса, ведя въ теченіе всего времени работъ оживленную перестрѣлку съ горцами. 7-го января Баклановъ продолжалъ рубку того же лѣса. На этотъ разъ горцы вывезли было уже не одно, а два орудія, но Баклановъ не позволилъ имъ произвести ни одного выстрѣла, двинувъ за Мичикъ сотни № 17 и № 18-го полковъ, которыя быстро понеслись на непріятельскія орудія, но горцы успѣли увезти свои пушки и ограничились лишь одною ружейною пальбою; всѣ же ихъ попытки бросаться въ шашки были отбиваемы штыками нашей пѣхоты и огнемъ артиллеріи.

Замѣтивъ, что главнымъ притономъ для горцевъ служилъ лѣсъ, расположенный на противоположномъ берегу Мичика, а также построенные ими впереди этого лѣса редуты и завалы, Баклановъ, во что бы то ни стало, рѣшилъ уничтожить эти сооруженія и вырубить хотя бы часть прилегавшаго къ нимъ лѣса. Съ этою цѣлью 14 января, онъ собралъ въ Куринскомъ 10 ротъ пѣхоты, 9 орудій, 10 сотенъ донскихъ № 17 и № 18 и Кизлярскаго линейнаго полковъ и, на разсвѣтѣ 15 января выступилъ съ этими войсками къ Мичику. Горцы знали уже о сборѣ нашего отряда и приготовились заранѣе встрѣтить Бакланова. Не успѣлъ еще нашъ отрядъ подняться на высоту Качкалыковскаго хребта, какъ чеченцы заняли уже берегъ рѣки Мичика, редуты и завалы. Перейдя р. Мичикъ съ пѣхотою и казаками, Баклановъ атаковалъ горцевъ, которые встрѣтили атакующихъ такимъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, что они остановились и въ свою очередь открыли учащенный огонь. Баклановъ, видя безполезность подобной трескотни, такъ какъ горцы были укрыты въ редутахъ и за завалами, приказалъ прекратить стрѣльбу и идти въ штыки. Черезъ пять минутъ и редуты и завалы были взяты. Затѣмъ, выдвинувъ къ непріятелю ракетную команду своего № 17 полка съ небольшимъ прикрытіемъ, Баклановъ тотчасъ же переправилъ черезъ Мичикъ три орудія и приступилъ къ вырубкѣ лѣса, а одновременно съ этимъ приказалъ казакамъ уничтожать и непріятельскіе редуты и завалы. Какъ только пѣхота начала рубить лѣсъ, чеченцы бросились въ шашки на цѣпи и резервъ. Моментально артиллерія наша осыпала ихъ картечью,

а пѣхота и спѣшенные казаки—пулями, и горцы на время было притихли. Но. черезъ четверть часа, они снова произвели такое сильное нападеніе, что ихъ пришлось уже отбивать штыками и пиками.

Во время рубки того же лѣса 18-го января, съ цѣлью отрѣзать горцевъ отъ лѣса, если они перейдутъ Мичикъ, казаки были поставлены въ засадѣ. Но горцы, не видя въ отрядѣ казаковъ, заподозрили Бакланова въ устройствѣ для нихъ какой-нибудь ловушки, а потому выслали за Мичикъ партію въ 60 человѣкъ на развѣдки. Партія эта какъ разъ наткнулась на передовой казачій пикетъ, стоявшій въ чащѣ лѣса. Казаки замѣтили раньше непріятельскую партію, чѣмъ та ихъ, а потому, недолго думая, они дали залпъ и съ гикомъ ударили въ пики; чеченцы опрометью понеслись за Мичикъ. Послѣ этого по нашей пѣхотѣ былъ открытъ горцами ожесточенный огонь, продолжавшійся въ теченіе трехъ часовъ, пока наша артиллерія не заставила ихъ удалиться и укрыться въ лѣсъ.

Продолжая рубку того-же лѣса въ теченіе 24 и 25 января, Баклановъ 26-го января рѣшилъ приступить уже къ рубкѣ лѣса, находившагося у самыхъ береговъ Мичика, для чего прикрытіе должно было стать на совершенно открытой позиціи. Какъ и въ прежніе дни, непріятельское орудіе, ровно черезъ два часа отъ начала работъ, открыло огонь. Пока наша артиллерія занималась обстрѣливаніемъ опушки лѣса, полковникъ Баклановъ подхватилъ два орудія и всѣхъ казаковъ своего отряда и бросился черезъ Мичикъ, угрожая непріятельскому орудію атакою во флангъ; орудіе моментально исчезло, а вмѣсто него передъ казаками выросли непріятельскія конныя и пѣшія толпы, которыя открыли сильный ружейный огонь. Приказавъ ракетной командѣ пустить нѣсколько ракетъ въ непріятельскую конницу, а пѣшія толпы обстрѣливать взводу 7-й Донской батареи, Баклановъ пустилъ сотни въ атаку, но чеченцы укрылись въ лѣсъ. Остановивъ затѣмъ казаковъ и спѣшивъ изъ нихъ большую часть, Баклановъ до окончанія рубки оставался на непріятельскомъ берегу Мичика и не позволялъ горцамъ приближаться къ рѣкѣ, а по окончаніи работъ такъ быстро отступилъ, что чеченцы и не спохватились его преслѣдовать.

Въ этотъ день были закончены работы, возложенныя на отрядъ Бакланова: дремучій лѣсъ Качкалыковскаго хребта былъ настолько

вырубленъ, что уже не могъ служить препятствіемъ для движенія нашихъ отрядовъ отъ Куринскаго черезъ Мичикъ въ мичиковское наибство.

Приблизительно въ то же время и князь Барятинскій снялъ лагерь у Бани-юрта, перешелъ внизъ по р. Аргуну къ бывшему аулу Тепли и рѣшилъ приступить къ открытію новаго военнаго пути отъ крѣпости Грозной къ Куринскому черезъ лѣса, находившіеся по рѣкамъ Аргуну и Джалкѣ, а потому и приступилъ къ вырубкѣ этихъ лѣсовъ. Хотя, какъ уже было сказано, пути отъ Куринскаго къ Мичику и были открыты, но Я. П. Бакланову не сидѣлось въ его укрѣпленіи. Ему непремѣнно было желательно уничтожить вновь возведенные горцами редуты за Мичикомъ. Для этого онъ собралъ 11-го февраля въ Куринское 9 ротъ пѣхоты, 7 орудій, 3 сотни Донского № 18-го полка, сотню гребенцовъ, сотню кизлярцевъ, и весь свой № 17-го полкъ, и на разсвѣтѣ 12-го числа въ сильный туманъ, двинулся на Качкалыковскій хребетъ и приступилъ къ уширенію просѣкъ. На его несчастье горцы, боясь нарваться на какую-нибудь засаду, не тронулись. На другой день Баклановъ снова предпринялъ движеніе къ Мичику, но едва только онъ поднялся на вершину хребта, какъ замѣтилъ, что всѣ канавы на непріятельскомъ кордонѣ были уже заняты горцами. Начавъ работу и углубляясь въ лѣсъ, Баклановъ все болѣе и болѣе ровнялся съ непріятельскою батареею и, желая предупредить орудійные выстрѣлы съ этой батареи, приказалъ сотнѣ № 17 полка перейти Мичикъ, налетѣть на непріятельскія укрѣпленія и зажечь ихъ. Не давъ непріятелю опомниться, сотня подскакала къ редуту и запалила его; тогда только горцы открыли по ней ружейный огонь, но уже было поздно: донцы быстро повернули коней и, отстрѣливаясь, на карьерѣ благополучно отступили.

Предполагая, что Баклановъ поведетъ атаку и на редуты, находившіеся немного выше батарей, горцы быстро очистили канавы и заняли эти редуты. И дѣйствительно, когда работы по расчисткѣ просѣки приходили къ концу, Баклановъ, направивъ на непріятельскіе редуты огонь 5-ти орудій, взялъ свой № 17-го полкъ, ракетную команду этого полка и взводъ 7-й Донской батареи и понесся съ ними на редуты. Сильный ружейный огонь, открытый непріятелемъ, не остано-

вилъ баклановцевъ, и чеченцы, не выдержавъ атаки, бросились вразсыпную большею частію въ лѣсъ. Обскакавъ редуты, Баклановъ приказалъ взводу 7-й батареи и ракетнымъ станкамъ открыть огонь по уходившимъ чеченцамъ, а полку своему уничтожать укрѣпленія. Какъ только запылали эти укрѣпленія — чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли по казакамъ убійственный огонь. Въ теченіе двухъ часовъ донскія орудія, ракеты и спѣшенные казаки вели ожесточенную перестрѣлку съ непріятелемъ, пока редуты его не были уничтожены. Послѣ чего Баклановъ моментально отступилъ за Мичикъ. 14-го февраля Я. П. снова двинулся для расчистки просѣкъ и на этотъ разъ рѣшилъ было не безпокоить горцевъ; но сами горцы вызвали его вступить съ ними въ артиллерійскую и ружейную перестрѣлку: они открыли огонь изъ орудія и убили у казаковъ шесть лошадей. Тогда Баклановъ не вытерпѣлъ: съ 4-мя орудіями, ракетною командою и своимъ полкомъ вылетѣлъ онъ на позицію къ Мичику и тремя орудійными залпами заставилъ орудіе горцевъ прекратить огонь. Возвратившись затѣмъ въ Куринское, Баклановъ распустилъ свой отрядъ и далъ ему трехдневный отдыхъ.

Въ то время, какъ Баклановъ производилъ набѣги къ Мичику и занимался рубкою лѣса на Качкалыковскомъ хребтѣ, князь Барятинскій уничтожилъ нѣсколько большихъ ауловъ и хуторовъ въ Малой Чечнѣ, а также вырубилъ прилегавшіе къ нимъ лѣса на большое пространство. Однако, это не привело чеченцевъ къ покорности и они по прежнему продолжали тревожить казачьи станицы и аулы мирныхъ горцевъ. Тогда кн. Барятинскій рѣшилъ двинуться чрезъ всю глубину Чечни и проложить, какъ было сказано, прямой путь отъ крѣпости Грозной къ укрѣпленію Куринскому. Съ этою цѣлью, оставивъ часть отряда въ лагерѣ при Тепли, онъ направился въ долину рѣки Хулхулау и, выдерживая почти на каждомъ шагу бой со скопищами Шамиля, дошелъ до аула Маюръ-тупъ, находившагося въ десяти верстахъ отъ Куринскаго.

Изъ Маюръ-тупа Барятинскій послалъ Бакланову приказаніе выступить съ разсвѣтомъ 18-го февраля къ нему навстрѣчу, къ аулу Гурдали. Въ 10 часовъ вечера 17-го февраля было доставлено Бакланову это приказаніе и онъ тотчасъ же отдалъ распоряженіе войскамъ

своего отряда собираться въ Куринское. Но такъ какъ войска эти находились на отдыхѣ, то къ двумъ часамъ почи успѣли собраться только пять ротъ пѣхоты, двѣ горныхъ мортиры, взводъ 7-й Донской батареи и Донской № 17-й полкъ. Съ этимъ отрядомъ, не дожидаясь разсвѣта, Баклановъ двинулся въ походъ, и для того, чтобы избѣжать встрѣчи съ Шамилемъ, сторожившимъ князя Барятинскаго, рѣшилъ идти бездорожно.

Главное затрудненіе при этомъ движеніи заключалось въ томъ, что самъ Баклановъ въ этихъ мѣстахъ ни разу не былъ и всю надежду возложилъ на проводниковъ. Переваливъ за Качкалыковскій хребетъ, отрядъ вступилъ въ такія лѣсныя дебри, перерѣзанныя крутыми и глубокими балками, что людямъ возможно было двигаться по два и по три человѣка въ рядъ. На каждомъ шагу, въ особенности артиллеріи, приходилось натыкаться на какое либо препятствіе. Въ теченіе четырехъ часовъ отрядъ двигался по этой лѣсной трущобѣ и только къ 7 часамъ утра, когда начало уже разсвѣтать, онъ выбрался изъ нея, перешелъ рѣку Мичикъ и быстро направился къ аулу Гурдали. Увидѣвъ передъ собою русскія войска, жители этого аула, бросивъ свое имущество, разбѣжались въ лѣсъ. Баклановъ остановилъ отрядъ и приказалъ артиллеріи дать нѣсколько залповъ, извѣщая ими кн. Барятинскаго о своемъ приходѣ. Только теперь Шамиль узналъ, что онъ прозѣвалъ Бакланова и приказалъ атаковать его съ двухъ сторонъ, но благодаря мѣткости выстрѣловъ взвода 7 й Донской батареи и горныхъ мортирокъ, атаки чеченцевъ были отбиваемы. Чрезъ нѣкоторое время прибыли на помощь Бакланову кавалерія, а за нею и авангардъ отряда кн. Барятинскаго. Послѣ соединенія обоихъ отрядовъ, имъ предстояла переправа черезъ рѣку Гонсаулъ. Пока начали устраивать переправу, кн. Барятинскій, подкрѣпивъ отрядъ Бакланова батальономъ пѣхоты и взводомъ батарейныхъ орудій, приказалъ ему двинуться къ Мичику и занять пункты, которые обезопасили бы переправу черезъ эту рѣку нашимъ войскамъ.

Въ это время Шамиль, съ 6 ю тысячами человѣкъ пѣхоты и конницы, при 4-хъ орудіяхъ, поспѣшилъ занять укрѣпленія, находившіяся противъ просѣки, устроенной Баклановымъ отъ Мичика къ Куринскому. Не успѣлъ Баклановъ пройти небольше разстояніе отъ

р. Гонсуалъ, какъ правый флангъ его колонны былъ атакованъ горцами; а, приближаясь къ мѣсту, назначенному для переправы, колонна начала безнаказанно подвергаться съ фронта артиллерійскому огню, открытому Шамилемъ. Кн. Барятинскій прислалъ Бакланову еще одинъ батальонъ пѣхоты и приказалъ повести фронтальную атаку. Объ этомъ думалъ и самъ Баклановъ, такъ какъ другого исхода найти было невозможно. А потому, оставивъ для отраженія атакъ справа батальонъ дагестанскаго полка съ двумя орудіями, Баклановъ подхватилъ свой № 17-го полкъ и понесся на батареи Шамиля. Видя, что атаку эту ему не отбить никакими ядрами, Шамиль быстро убралъ свою артиллерію, а Баклановъ моментально полетѣлъ къ Мичику для занятія необходимыхъ для переправы пунктовъ. Здѣсь баклановцевъ встрѣтила залпами тысячная толпа горцевъ. Впереди сотенъ, открывая путь, мчался, какъ это бывало всегда, любимецъ Бакланова и казаковъ, войсковой старшина Банниковъ; при первомъ же залпѣ --десять пуль свернули и его и его лошадь, а самъ Баклановъ былъ контуженъ двумя пулями. Не успѣли еще казаки занять указанные имъ пункты, какъ чеченцы со всѣхъ сторонъ бросились на нихъ въ шашки, но въ это время успѣла уже прибыть бѣжавшая на помощь казакамъ пѣхота. Несмотря на это, горцы все-таки нѣсколько разъ бросались въ шашки какъ на пѣхоту, такъ и на казаковъ. Наступалъ уже вечеръ, когда прибыли войска Барятинскаго. Шамиль, сосредоточивая всѣ силы противъ отряда Бакланова, оставилъ свой лѣвый флангъ, упиравшійся въ лѣсъ, безъ прикрытія. Замѣтивъ это, кн. Барятинскій приказалъ кавалеріи своего отряда атаковать этотъ флангъ, двумъ же батальонамъ пѣхоты обойти непріятеля съ тыла, а Бакланову наступать съ фронта. Когда конница Барятинскаго схватилась уже въ рукопашную, Баклановъ съ крикомъ „ура“ повелъ свои войска въ атаку. Чеченцы, не ожидая такого маневра, попятились назадъ, гдѣ приняты были зашедшею имъ въ тылъ пѣхотою въ штыки, и скопище Шамиля мигомъ было разсѣяно. Послѣ того двинувъ главныя силы поспѣшно черезъ Мичикъ, Барятинскій приказалъ Бакланову задерживать непріятеля, а затѣмъ, по собственному его усмотрѣнію, отступать. Въ распоряженіе Бакланова были отставлены пять батальоновъ пѣхоты, вся артиллерія и Донской № 17-й полкъ. Баклановъ выставилъ на

позицію 12 орудій, а пѣхоту и спѣшенныхъ казаковъ стянулъ въ колонны и размѣстилъ ихъ частью въ интервалахъ, а частью позади орудій. Шамиль, увидѣвъ быстрое отступленіе Барятинскаго, всѣми силами обрушился на отрядъ Бакланова. Ни картечь, ни залпы пѣхоты и казаковъ не могли остановить бѣшеной атаки горцевъ: они бросались и на орудія, и на сомкнутые ряды пѣхоты и казаковъ. Когда наступили уже сумерки, непріятель на время прекратилъ нападенія, но, спустя немного времени, въ лѣсу раздались возгласы, призывавшіе горцевъ на послѣдній и рѣшительный бой. Баклановъ, не ручаясь за благополучный исходъ этого боя, рѣшилъ перехитрить непріятеля: онъ приказалъ батарейнымъ орудіямъ карьеромъ отступить за Мичикъ, а за ними туда же бѣжать и пѣхотѣ, а самъ съ 4-мя легкими орудіями и Донскимъ № 17 полкомъ остался на позиціи. Какъ только батарейныя орудія взялись въ передки, Баклановъ приказалъ оставшимся на позиціи орудіямъ и казакамъ, по возможности, участить стрѣльбу, а когда пѣхота и тяжелая артиллерія перешли уже Мичикъ, то приказалъ огонь прекратить и опрометью съ своимъ полкомъ и легкими орудіями понесся также къ переправѣ.

Горцы, окончивъ свою заупокойную пѣснь, выскочили съ обнаженными шашками на оставленную Баклановымъ позицію и остановились въ недоумѣніи, не заставъ тамъ ни одного человѣка, а нашъ отрядъ въ это время спокойно уже отходилъ къ Куринскому. За оказанную въ бою 18 февраля храбрость при занятіи мѣста для переправъ Чеченскаго отряда на р. Мичикъ Я. П. Баклановъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени (4).

Изъ Куринскаго кн. Барятинскій направился въ Грозную, а такъ какъ время, назначенное для зимней экспедиціи, еще не окончилось, то приказалъ Бакланову заняться уширеніемъ и расчисткою дороги за р. Гудермесомъ, въ аулъ Ташбулатъ. Вслѣдствіе этого Донской № 17-го полкъ выступилъ 22 февраля къ Умаханъ-юрту и находился въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ и при атакѣ на его завалы 24 и 25 февраля. По окончаніи зимней экспедиціи 1852 г. въ Чечнѣ, многіе изъ жителей немирныхъ ауловъ изъявили желаніе пере-

(4) Пр. по В. Д. 1853 г. № 20.

селиться въ наши предѣлы. Съ такимъ заявленіемъ явились къ Бакланову и депутаты отъ жителей нѣкоторыхъ мичиковскихъ ауловъ и просили его прибыть къ нимъ на помощь. Узнавъ объ этомъ, наибъ Гехи явился съ своею партіею въ мичиковскій аулъ, арестовалъ знатнѣйшихъ жителей и намѣревался устроить Бакланову приличную встрѣчу. Но Бакланова обмануть было трудно; хотя онъ и собралъ было отрядъ, но изъ Куринскаго не выступилъ. Между тѣмъ, Гехи, прождавъ напрасно Бакланова и полагая, что тотъ „струсилъ", уѣхалъ по дѣламъ къ Шамилю. Баклановъ же, увѣдомленный объ его отъѣздѣ, приказалъ ударить сборъ и съ тремя батальонами пѣхоты, шестью орудіями и Донскимъ № 17-го полкомъ, рано утромъ 23 марта двинулся къ ауламъ Мазлагашъ и Гурдали, расположеннымъ одинъ возлѣ другого. Однако, партія Гехи не дремала; она встрѣтила нашъ отрядъ тревожными выстрѣлами. Въ 10 часовъ утра, Баклановъ прибылъ къ упомянутымъ ауламъ, но такъ какъ переселенцы не были готовы, то имъ пришлось дожидаться до 12 часовъ, а за это время наибъ Гехи, прибывшій отъ Шамиля, нашелъ свою партію уже собравшеюся. Когда переселенцы были готовы, Баклановъ двинулся въ обратный путь; впереди шла рота пѣхоты и часть казаковъ № 17 полка съ двумя орудіями 7-й Донской батареи, за ними слѣдовали переселенцы подъ прикрытіемъ остальныхъ сотенъ № 17-го полка, а въ тылу, въ правой и лѣвой цѣпяхъ, шло по одному батальону съ орудіемъ. Какъ только отрядъ втянулся въ лѣсъ, наибъ Гехи атаковалъ его, желая во что бы то ни стало пробиться къ обозу переселенцевъ. Мѣстность не позволяла отбивать атаки чеченцевъ штыками, а потому, въ теченіе 4 часовъ съ нашей стороны не переставали раздаваться гулъ орудійныхъ выстрѣловъ и ружейные залпы пѣхоты и казаковъ. Только по выходѣ отряда на просѣку, наибъ Гехи прекратилъ свое преслѣдованіе. За этотъ день потери въ нашемъ отрядѣ заключились въ 10 убитыхъ и 87 раненыхъ чинахъ и въ 3 раненыхъ офицерахъ, въ числѣ которыхъ находился командиръ взвода 7-й Донской батареи, хорунжій Ренсковъ. Перешедшіе въ наши предѣлы чеченцы были поселены въ трехъ аулахъ, изъ которыхъ самый большой аулъ Истису былъ расположенъ въ 4 верстахъ отъ Куринскаго. Шамиль остался сильно недоволенъ переселившимися жителями ауловъ и приказалъ

мичиковскому наибу Эски во что бы то ни стало разорить аулъ Истису; но на выручку этого аула являлся каждый разъ изъ Куринскаго Баклановъ съ своими казаками и прогонялъ наиба.

Тогда Шамиль, видя безуспѣшность этихъ нападеній, населилъ аулъ Гурдали самыми отчаянными головорѣзами и поручилъ имъ производить постоянныя нападенія на аулы перешедшихъ къ намъ горцевъ и ближайшія станицы. Князь Барятинскій рѣшилъ уничтожить это разбойничье гнѣздо и предоставилъ участь аула Гурдали Бакланову. Но, чтобы отвлечь часть непріятельскихъ силъ отъ этого аула, онъ съ разныхъ пунктовъ двинулъ нѣсколько отрядовъ въ Большую Чечню. Военныя дѣйствія Барятинскій началъ 11-го августа; въ тотъ же день и Баклановъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ батальоновъ и одной роты пѣхоты, семи орудій, 3-хъ сотенъ Донского № 18-го полка, двухъ сотень Кизлярскаго линейнаго полка и всего № 17-го, выступилъ изъ Куринскаго на Гурдали. Въ виду назначенія, даннаго Шамилемъ жителямъ Гурдали, каждая сакля этого аула представляла изъ себя нѣчто въ родѣ блокгауза, проникнуть въ который даже черезъ двери, построенныя изъ прочнаго лѣса, было не легко. Всею кавалеріею своего отряда Баклановъ поручилъ командовать подполковнику Суходольскому, а пѣхотою — барону Николаи. Хотя жара въ это время стояла ужасная и движенія днемъ были чрезвычайно утомительны, но не смотря на это, Баклановъ, съ тою цѣлью, чтобы непріятельскіе ночные пикеты успѣли отойти, выступилъ въ походъ въ 10 часовъ утра. Спустившись къ Мичику и оставивъ одинъ батальонъ для устройства переправы, Баклановъ пошелъ внизъ по рѣкѣ и какъ только сталъ приближаться къ аулу Гурдали, выслалъ всѣхъ казаковъ впередъ. Подполковникъ Суходольскій карьеромъ спустился къ Мичику, выбрался на другой его берегъ и понесся къ Гурдали. Казаки мигомъ пробили ворота небольшаго завала и окружили аулъ такъ быстро, что лишь немногіе изъ жителей его успѣли бѣжать въ лѣсъ, а всѣ остальные заперлись въ սакляхъ и открыли по казакамъ огонь. Подоспѣвшая вскорѣ пѣхота ворвалась въ обширный и разбросанный аулъ и начала безуспѣшную стрѣльбу. Чеченцы, стрѣляя изъ саклей, били безъ промаха, а наши солдаты и казаки, пускали пули въ отверстія саклей на удачу. Роты быстро таяли и выбывали изъ

фронта лучшіе офицеры. Видя безполезность подобной перестрѣлки, Баклановъ приказалъ отряду отступать. Въ авангардѣ слѣдовали казаки съ ротою линейнаго батальона; дорога шла сначала по мѣстности, хотя и открытой, но занятой множествомъ скирдъ и стоговъ, за которыми скрывались чеченцы, прибывшіе по тревогѣ къ аулу Гурдали. Какъ только казаки поровнялись съ этими стогами, чеченцы открыли по казакамъ огонь во флангъ; въ то же время, гурдалинцы вылѣзли изъ сакель и насѣдали съ тыла на отступавшую за казаками пѣхоту. Много людей и лошадей выбыло уже у казаковъ, но они отходили молодецки, бросаясь нѣсколько разъ въ атаку, причемъ подполковникъ Суходольскій былъ раненъ. Пройдя это открытое мѣсто, казаки и линейная рота втянулись въ дремучій лѣсъ и прошли его благополучно. Но, какъ только въ этотъ лѣсъ вступила вся пѣхота, чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли по ней жестокій огонь. Большинство офицеровъ было перебито или переранено, такъ что нѣкоторыя роты остались безъ руководителей, да и сами онѣ настолько пострадали, что некому было подбирать даже раненыхъ. Тогда начальникъ арьергарда баронъ Николаи рѣшилъ остановиться и далъ знать о своемъ положеніи Бакланову, ушедшему съ казаками впередъ. Черезъ три четверти часа явился Баклановъ съ линейною ротою и спѣшенными казаками и помогъ арьергарду выбраться изъ лѣса. Остальное время этого года Донской № 17 полкъ находился въ постоянныхъ стычкахъ, въ разныхъ мѣстахъ, съ партіями хищниковъ, нападавшихъ на наши поселенія.

За время командованія Донскимъ № 17 полкомъ, то есть съ іюня мѣсяца 1850 г. и по 12-е мая 1853 г., Я. П. Баклановъ, кромѣ ордена св. Георгія 4-й ст., былъ награжденъ: Монаршимъ благоволеніемъ, орденомъ св. Владиміра 3-й степени и чиномъ генералъ-маіора (1-го окт. 1852 г.). За тотъ же періодъ времени офицеры этого полка за боевыя ихъ отличія получили слѣдующія награды: 1) есаулъ Василій Поляковъ чины войскового старшины и подполковника и орденъ св. Владиміра 4-й ст.; 2) есаулъ Башиковъ—чинъ войскового старшины; 3) есаулъ Захаровъ—чинъ войскового старшины; 4) есаулъ Иванъ Одноглазковъ—орденъ св. Владиміра 4-й ст.; 5) есаулъ Иванъ Балабинъ—орденъ св. Анны 4-й ст.; 6) сотникъ Березовскій—

чинъ есаула и орденъ св. Анны 3-й ст., 7) сотн. Василій Кушнаревъ—чинъ есаула; 8) сотникъ Алексѣй Севастьяновъ—чинъ есаула; 9) сотникъ Павелъ Одноглазковъ—орденъ св. Анны 4 ст.; 10) сотникъ Петръ Ермиловъ—чинъ есаула и орденъ св. Анны 4 ст. (5); 11) хорунжіе: Игнатъ Михайлушкинъ и 12) Семенъ Болдыревъ—чинъ сотника, 13) сотникъ Карновскій, 14) сотникъ Михайлушкинъ и 15) хоружій Михаилъ Наслѣдышевъ—Монаршее благоволеніе. Изъ урядниковъ въ хорунжіе за боевое отличіе были произведены: 1) Михаилъ Марковъ, 2) Иванъ Аршиновъ, 3) Михаилъ Концовъ, 4) Иванъ Зубовъ, 5) Григорій Зубовъ, 6) Ѳедотъ Дадоновъ, 7) Семенъ Болдыревъ, 8) Аѳанасій Дубовсковъ, 9) Петръ Фетисовъ, 10) Петръ Федотовъ, 11) Василій Перфиловъ, 12) Николай Баклановъ (6), 13) Иванъ Сергѣевъ, 14) Яковъ Денисовъ и 15) Василій Сазоновъ. За отличіе въ дѣлахъ въ теченіе указаннаго періода времени службы № 17-го полка знакъ отличія военнаго ордена получили: урядники станицъ: Слащевской 1) Максимъ Лукьяновъ; Гниловской—2) Петръ Гребенниковъ; Старочеркасской—3) Яковъ Осиповъ (и вторую третью) (7); Клѣтской—4) Иванъ Фроловъ; Верхне-Новочеркасской—5) Гавріилъ Стоцкій, 6) Яковъ Шапошниковъ и 7) Матвѣй Ренсковъ; Мелеховской—8) Ѳедоръ Одноглазковъ и 9) Андрей Кузнецовъ (вторую третью); Кобылянской—10) Николай Варламовъ; Распопинской—11) Василій Семеновъ; Гугнинской—(8) 12) Фотѣй Баклановъ и 13) Семенъ Баклановъ (9); Иловлинской—14) Василій Писаревъ и 15) Осипъ Текутовъ; Гундоровской—16) Григорій Аникинъ; Константиновской—17) Степанъ Буравлевъ; Есауловской—18) Николай Анисимовъ, 19) Петръ Анисимовъ (и вторую третью) и 20) Андрей Поновъ; Вешенской—21) Григорій Лосевъ; Семикаракорской—22) Ѳедоръ Балабинъ; Задонско-Кагальницкой—23) Аѳанасій Апанасовъ; Трехъ-Островянской—24) Матвѣй Богачевъ; Мигулинской—25) Михаилъ Петровъ; Кобылянской—26) Василій Поповъ; Скурищенской—

---

(5) Прик. по в. Дон. 1851—1854 гг.
(6) Старшій сынъ Я. П. Бакланова.
(7) Соотвѣтствовала—знаку 3-й степени.
(8) Нынѣ Баклановской.
(9) Второй сынъ Я. П. Бакланова.

27) Ефимъ Мелиховъ; Сиротинской — 28) Козьма Самохинъ и 29) урядникъ Корнѣй Скопинъ — полнымъ пенсіономъ на полученный имъ знакъ ([10]); казаки станицъ: Новогригорьевской — 1) Николай Бирюковъ, Перекопской — 2) Минай Ворошковъ и 3) Филиппъ Епифановъ; Островской — 4) Зотъ Забазновъ, 5) Николай Носкинъ и 6) Петръ Горбачевъ; Усть-Медвѣдицкой — 7) Антонъ Родинъ и 8) Александръ Ниповъ; Глазуновской — 9) Артемъ Поповъ, 10) Яковъ Коноваловъ, 11) Семенъ Крюковъ и 12) Пахомъ Суховъ; Вешенской — 13) Кудинъ Лосевъ, 14) Фирсъ Боковъ, 15) Егоръ Панфиловъ, 16) Епифанъ Чумаковъ и 17) Иванъ Мольниковъ; Еланской — 18) Фетисъ Кочетовъ; Распопинской — 19) Иванъ Родіоновъ, 20) Иванъ Бочаровъ и 21) Нестеръ Королевъ; Клѣтской — 22) Степанъ Гуровъ, 23) Иванъ Рыбкинъ, 24) Матвѣй Линьковъ, 25) Давидъ Гавриловъ, 26) Петръ Юдинъ, 27) Семенъ Фроловъ и 28) Емельянъ Мокѣевъ; Слащевской — 29) Ермилъ Семинъ, 30) Федоръ Горшковъ, 31) Егоръ Астаховъ, 32) Иванъ Слипухинъ и 33) Константинъ Васильевъ; Мигулинской — Тимофей Агрызковъ, 34) Николай Меркуловъ и 35) Иванъ Сетраковъ; Старо-Григорьевской — 36) Никифоръ Вышняковъ, 37) Егоръ Сафоновъ и 38) Ефимъ Нестеровъ; Букановской — 39) Иванъ Горбачевъ и 40) Григорій Леоновъ; Старочеркасской — 41) Петръ Калининъ; Казанской — 42) Сергѣй Минаевъ; Сиротинской — 43) Илья Мартыновъ и 44) Степанъ Акимовъ; Кременской — 45) Алексѣй Илясовъ и Ольгинской — 46) Степанъ Плотниковъ (знакъ, назначенный ранѣе урядику Николаю Бакланову) ([11]).

М. Жировъ.

([10]) Нынѣ знакъ 3-й степени.
([11]) Прик. по в. Дон. за 1851—1854 г.

Мѣсто рожденія Я. П. Бакланова.

Въ первой части метрическихъ книгъ, о родившихся, Казанской церкви станицы *Гугнинской*, перваго Донского округа, за 1809 г., подъ № 4, записано слѣдующее: „15 марта рожденъ, 19—крещенъ сынъ *Іаковъ* у полкового хорунжаго Петра Дмитріева и жены его Устиньи Малаховой Баклановыхъ. Воспріемниками при крещеніи были: казакъ Романъ Макѣевъ Бакалдинъ и казачья дочь Марія Іоакимова Кирѣева. Молитвовалъ и крещеніе совершалъ приходскій священникъ Іоаннъ Іоанновъ съ пономаремъ Тимофеемъ Поповымъ“.

Такимъ образомъ герой Кавказа Яковъ Петровичъ Баклановъ родился въ станицѣ Гугнинской, 1 Донского округа. Въ настоящее время станицы съ такимъ наименованіемъ нѣтъ. На ея мѣстѣ остался лишь хуторъ, извѣстный подъ именемъ Старо-Гугнинскаго.

I. *Станица Гугнинская.*

Станица Гугнинская, извѣстная сначала подъ именемъ Гугнинскаго городка, два раза перемѣняла свое мѣстоположеніе, пока наконецъ не переселилась къ хутору Позднякову, когда была сначала названа Ново-Цымлянскою, а затѣмъ переименована въ станицу Баклановскую, въ честь родившагося въ ст. Гугнинской героя-казака Бакланова.

Прошлое станицы Гугнинской недостаточно извѣстно. Въ особенности не подлежитъ критическому обслѣдованію изначальная исторія этой станицы, или точнѣе городка. Есть преданіе, что основаніе его относится къ первой половинѣ XVII столѣтія. Первоначальное поселеніе городка было на правомъ берегу р. Дона, теперь называемаго старымъ Дономъ. Основанъ онъ былъ казакомъ Гугнивымъ въ урочищѣ Зимовномъ. Что за личность этотъ казакъ Гугнивый, вѣрнѣе, быть можетъ, Гугнинъ, который сообщилъ прозваніе основанному имъ городку, положительно сказать нельзя, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было свѣдѣній. Густые лѣса окружали городокъ. Только съ восточ-

ной стороны онъ былъ открытъ для песковъ. Густота вѣковаго лѣса, огорожа, сдѣланная около поселенія, и р. Донъ ограждали жителей его отъ набѣговъ калмыкъ и ногайскихъ татаръ, враждовавшихъ всегда съ новыми поселенцами. Однако, весенніе разливы р. Дона, причинявшіе жителямъ городка большой вредъ, заставили гугнинцовъ переселиться на другое мѣсто, версты на три дальше отъ рѣки къ сѣверу, на край лѣса, что на правомъ берегу Дона, тамъ, гдѣ находился такъ называемый Терентьевъ бугоръ. Но кто это былъ Терентій, давшій имя бугру, и по какому случаю бугоръ именовался Терентьевымъ, свѣдѣній никакихъ не сохранилось. Быть можетъ, Терентій стоялъ во главѣ поселенія по смерти основателя Гугниваго, руководилъ дѣломъ самаго переселенія на бугоръ, почему и сообщилъ ему свое имя. Новое поселеніе было также защищено огорожею, точно такою же, какая была сооружена на Зимовномъ. Наконецъ, въ началѣ XVIII столѣтія гугнинцы, также вслѣдствіе наводненій рѣки Дона, которая нерѣдко мѣняла свое русло около городка, благодаря обилію сыпучихъ песковъ, переселились на третье мѣсто, нынѣ занимаемое хуторомъ Старо-Гугнинскимъ, и тоже въ направленіе къ сѣверу. Прежнія мѣста городка Зимовное и Терентьевъ бугоръ, съ находящимся близъ нихъ лѣсомъ, оказались островомъ, окруженнымъ водами стараго и новаго Дона, или Дона и Донка Избранная гугнинцами мѣстность, будучи возвышенною, представляла много удобствъ для жителей, такъ какъ не подвергалась наводненіямъ отъ разливовъ Дона, имѣла попасъ для домашняго скота, изобиловала и лѣсомъ, который росъ недалеко отъ городка оазисами среди песковъ. Лѣсъ былъ березовый, осиновый и таловый. Въ распоряженіи гугнинцевъ находился также лѣсъ по р. Цымлѣ. Тутъ были плодовыя деревья—тернъ, яблони, груши, и др. Лѣсъ этотъ, по преданію, былъ густъ до такой степени, что когда войдетъ, бывало, въ него животное, лошадь или быкъ, то отыскать его не было возможности, покуда не выйдетъ оно само. Плодами этого лѣса жители пользовались съ избыткомъ, допускали къ тому и стороннихъ, издалека даже пріѣзжавшихъ сюда за плодами. Кромѣ того, въ займищѣ по другую лѣвую сторону Дона произрасталъ съ давнихъ незапамятныхъ временъ дремучій лѣсъ громадныхъ размѣровъ: тополевый, дубовый, вязовый и др. Изъ этого лѣса предки дѣлали себѣ ха-

ты, по примѣру всѣхъ русскихъ, весьма незатѣйливыя, а въ окна, вмѣсто стекла, вставляли бараньи или другого животнаго пузыри, искусственно для того изготовленные (¹). Но и это мѣсто съ теченіемъ времени оказалось неудобнымъ для жилья. Къ тому вели два обстоятельства: плохой уходъ за лѣсными участками, которыхъ было 6, въ связи съ неумѣлымъ хозяйничаньемъ въ лѣсномъ богатствѣ, и обиліе сыпучихъ песковъ, которые образовывали цѣлые горы и во время лѣтнихъ сухихъ дней отъ вѣтра поднимались на высоту и не только уничтожали всякую растительность, но и засыпали базы, даже дома до самаго верха, дѣлая тѣмъ жительство станичниковъ невыносимымъ. Вслѣдствіе этого жители Гугнинской станицы просили правительство о дозволеніи переселиться на новую мѣстность, избранную обществомъ при рр. Цымлѣ и Ростоши и отстоящую отъ прежняго на 18 верстъ. На основаніи положенія военнаго совѣта, отъ 31 іюля 1869 г., станица должна была переселиться къ хут. Поздпякову. Сюда Гугнинская станица стала переселяться въ 1875 году и названа была уже Ново-Цымлянскою (²). На мѣстѣ прежней станицы, родины героя Якова Петровича Бакланова, остался казачій хуторъ съ именемъ Старо-Гугнинскаго, Зимовное же и Терентьевъ бугоръ носятъ названіе стараго городка.

На счетъ предположенія о раннемъ появленіи Гугнинскаго городка (въ первой половинѣ XVII в.) дѣлается немало возраженій. Согласно историческимъ свидѣтельствамъ, казачьи городки стали умножаться только въ послѣдней половинѣ XVI вѣка, и особенно много поселеній по р. Дону появилось уже въ XVII столѣтіи, такъ что въ 1672 году считалось 48 казачьихъ городковъ. Это видно изъ показанія станичнаго атамана Фрола Минаева въ Посольскомъ приказѣ 7 декабря того года. Но замѣчательное явленіе: въ числѣ 47 Донскихъ городковъ, названныхъ Минаевымъ, начиная отъ Мигулина, нѣтъ Гугнинскаго городка (³). Отсюда дѣлаютъ такое заключеніе: очевидно,

(¹) Донскія Областныя Вѣдомости за 1874 г., № 31.
(²) Сборн. правит. распоряж. по казачьимъ войскамъ за 1869 г.
(³) Историч. опис. земли Войска Донского. Изд. 2-е. Новочеркасскъ, 1903 г., стр. 380.

этого послѣдняго городка въ то время не существовало, иначе Флоръ Минаевъ не преминулъ бы назвать его. Не упоминается Гугнинскій городокъ и въ „юрналѣ путнаго шествія 203 и 204 годовъ (1695 и 1696 г.), „когда дьяки плыли по Дону въ Азовъ и обратно (4). Не могли дьяки не замѣтить этого при-Донского городка, при двукратномъ путешествіи по р. Дону, если бы онъ существовалъ въ то время. На основаніи такихъ данныхъ, повидимому, можно утверждать, что Гугнинскій городокъ былъ основанъ уже въ XVIII столѣтіи. Но такому заключенію противорѣчитъ твердо установившееся преданіе, что а) названный городокъ несомнѣнно существовалъ уже въ 1642 году; б) признается за достовѣрную исторію и то, что гугнинцы въ 1695 1696 г. встрѣчали у себя и провожали ѣхавшаго по Дону подъ Азовъ царя Петра Великаго, при чемъ разсказываютъ, что Государь гостилъ въ домѣ слывшей тогда своимъ хлѣбосольствомъ старухи-казачки Мачихи, которой онъ, за ея радушіе и въ память своего посѣщенія Гугнинскаго городка, пожаловалъ небольшую икону Божіей Матери, оправленную въ серебро съ позолотою (5). Слѣдовательно, основаніе названнаго городка нужно относить непремѣнно къ XVII столѣтію. Въ пользу такого предположенія говоритъ и тотъ несомнѣнный фактъ, подтверждаемый архивными документами, что въ 1726 году Гугнинская станица имѣла у себя Казанскую деревянную церковь, и при ней числилось 137 дворовъ, а жителей въ то время было 463 души муж. пола и 432 женскаго (6), тогда какъ чрезъ 100 почти лѣтъ послѣ этого (къ 1830 году) въ этой же станицѣ было, при деревянной церкви и 3 общественныхъ строеніяхъ, всего только 190 домовъ (7). Правда, имѣется свѣдѣніе и о томъ, будто въ 1724 г.,

---

(4) Устряловъ. Исторія Петра Великаго, Спб., 1858 г., т. 11, стр. 547 и 555.

(5) Донскія Обл. Вѣд. за 1874 г., № 31. Авторъ сообщенія: „Станица Гугнинская и ея темные лѣса" Р. Поляковъ передаетъ: „Объ иконѣ этой разсказывалъ внукъ Мягчихи старикъ Максимъ Павловъ, жившій около 90 лѣтъ. Раздѣлъ потомковъ Магчихи, по смерти ея, произошелъ въ то время, когда Максимъ Павловъ находился на службѣ, въ полкахъ арміи Апраксина, почему онъ и не зналъ, кому она досталась и куда дѣвалась".

(6) Архивъ Донской дух. Консисторіи. Дѣла Ведерниковской ст., св. 32.

(7) Статистическое описаніе земли Донскихъ казаковъ, составленное въ 1822—1882 годахъ. Новочеркасскъ. 1891 г., стр. 163.

„по церковнымъ книгамъ и тетрадямъ, писаннымъ стариннымъ почеркомъ и теперь утраченнымъ", прихожанъ при Гугнинской церкви значилось съ небольшимъ 400 душъ обоего пола ([8]). Но на чемъ основано такое предположеніе, неизвѣстно. Если же и давать ему цѣну, какъ историческому извѣстію, то изъ сопоставленія всѣхъ цифровыхъ данныхъ можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что первоначальныя статистическія свѣдѣнія о станицѣ—отличаются своеобразностью и едва-ли могутъ быть названы вполнѣ точными. Несомнѣнно же одно: станица Гугнинская за весь XVIII вѣкъ не принадлежала къ числу плотно населенныхъ мѣстностей въ землѣ Войска Донского; а ея основаніе слѣдуетъ относить къ предшествующему XVII вѣку.

Первая церковь въ станицѣ Гугнинской, по преданію, была построена въ то время, когда она уже находилась на Тереньтевомъ бугрѣ. Жители станицы строили ее по благословенію Преосвященнаго епископа Сарскаго и Подонскаго, въ честь Казанской иконы Божіей Матери, изъ дубоваго лѣса. Это было приблизительно въ 1715 году. Изъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Донской дух. консисторіи, видно, что Казанская церковь въ станицѣ Гугнинской, построенная изъ дубоваго лѣса, несомнѣно существовала въ 1726 г. ([9]). Чрезъ 20 лѣтъ послѣ этого, при церкви числилось 77 дворовъ, въ которыхъ жило 305 душъ муж. и 288 душъ женскаго пола; въ 1754 г. при тѣхъ же 77 дворахъ жителей значилось 342 д. муж. п. и 350 душъ женскаго; въ 1768 г. дворовъ въ станицѣ было 142, а населеніе опредѣлялось въ 325 душъ муж. п. и 396 душъ женскаго. 30 іюля 1784 г. Гугнинская станица доносила Преосвященному Тихону, епископу Воронежскому, что она желаетъ вмѣсто обветшалой и тѣсной станичной церкви построить новую изъ сосноваго лѣса, въ честь Казанской же иконы Богоматери, съ токою же колокольнею, только на другомъ болѣе удобномъ мѣстѣ. Церковь эта была построена въ 1785 году, освящена 5 іюля 1786 года ([10]). Куда дѣвались дубовыя стѣ-

---

([8]) Донскія Обл. Вѣдомости за 1874 г., № 31.
([9]) Консисторскій архивъ. Дѣла Ведерниковской ст., св. 32, № 1.
([10]) Тамъ же. Дѣла Гугнинской ст., св. 124, № 5.

ны старой церкви, неизвѣстно, часть же иконъ изъ иконостаса была отдана въ церковь хут. Чекалова, Есауловской станицы, а остальныя иконы поступили въ церковъ хутора Поздняковскаго. Одна только старая икона Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радость" осталась въ иконостасѣ новой станичной церкви. Она была написана по заказу или обѣщанію казака Ѳеоктистова въ 1741 году, кругомъ по краямъ обложена мѣднымъ окладомъ, а на главѣ Богоматери - мѣдный орелъ старинной работы. Спустя 12 лѣтъ послѣ устройства новой церкви въ станицѣ Гугнинской числилось 138 дворовъ съ населеніемъ въ 1224 души обоего пола. Въ 1800 году дворовъ въ станицѣ было 162, жителей же значилось: 624 души муж. п. и 614 женскаго. Казанская станичная церковь къ 1848 году обветшала, почему и былъ произведенъ капитальный ремонтъ ея обветшалостей ([11]). Къ 1859 году дворовъ въ станицѣ прибавилось значительно, такъ какъ, по сообщенію спеціальнаго изслѣдователя земли Войска Донского, она въ это время имѣла 210 дворовъ ([12]). Но населеніе ея едва ли увеличилось въ такой же пропорціи, какъ увеличись дома, потому что въ ней съ 33 хуторами, къ ней относящимися, всего числилось жителей 3597 д., слѣдовательно, на долю станицы придется, по приблизительному разсчету, 1320 душъ ([13]). Однако, жителямъ Гугнинской станицы годъ отъ году становилось жить тяжелѣе на избранномъ ими мѣстѣ, пока наконецъ они не рѣшили переселиться въ юртъ другой станицы Филипповской; такъ какъ пески, постепенно засыпавшіе станичныя окрестности, къ послѣдней четверти прошлаго XVIII столѣтія занесли совершенно пастбища и нѣкоторыя строенія въ самой станицѣ, въ томъ числѣ и церковь: горы сыпучаго песку равнялись почти съ ея верхомъ. Зимою 1876 года церковь эта была разобрана и перевезена, а 25 апрѣля заложена на новомъ мѣстѣ близъ хут. Позднякова. Освященіе церкви состоялось 30 ноября того же 1876 года ([14]).

([11]) Архивъ Донской духовной Консисторіи. Клировыя вѣдомости за 1851 годъ.

([12]) Н. Красновъ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Земля Войска Донского. С.-Петербургъ, 1869 г., стр. 486.

([13]) Тамъ же.

([14]) Архивъ Донской дух. Консисторіи. Дѣла хозяйственныя за 1866 годъ, № 152.

Предъ переселеніемъ станицы къ названному хутору она имѣла 168 дворовъ.

Въ теченіе второй половины XVIII ст. и трехъ четвертей XIX вѣка въ Казанской церкви ст. Гугнинской священствовали слѣдующія лица: Ѳедотъ Ивановъ—съ 1746 г. по 1772 г., затѣмъ въ слѣдующіе 11—12 лѣтъ (съ 1772 по 1784 г.) священникомъ былъ Іоаннъ Ѳедотовъ; на долю же его преемника Іоанна Гаврилова выпало быть священникомъ 21 годъ (съ 1785 по 1806 г.); 25 апрѣля 1806 года возбуждено было дѣло „о произведеніи Гугнинской станицы дьячка Іоанна Иванова въ попы", причемъ, по справкѣ, оказалось, что этотъ Іоаннъ Ивановъ „рожденъ той же станицы отъ умершаго священника Ивана Ѳедотова, 33 лѣтъ, женатъ на дочери той же станицы хорунжаго Адріана Ѳедорова Лукеріи". Посвященъ во священника 13 мая 1806 года. Съ 1832 года въ теченіе 20 лѣтъ въ ст. Гугнинской священствовалъ о. Петръ Поповъ; преемникомъ его былъ священникъ Николай Онуфріевскій, котораго чрезъ 1 годъ въ 1854 г. замѣнилъ священникъ Семенъ Ефимьевъ, прослужившій при Казанской станичной церкви по 1871 г. Наконецъ, чрезъ 1 годъ священства Антонія Попова, въ 1872 году станичнымъ іереемъ сдѣлался о. Александръ Грековъ, который видѣлъ переселеніе жителей станицы на новое мѣсто и перенось церкви къ хут. Поздиякову.

Первоначально, когда прихожанами Казанской церкви считались всѣ живущіе въ юртѣ Гугнинской станицы, со всѣми ея хуторами, причтовый штатъ церкви былъ полный и состоялъ изъ священника, діакона, дьячка и пономаря, но затѣмъ вслѣдствіе обширности самаго юрта до 100 верстъ въ длину и невозможности для одного причта удовлетворять прихожанъ въ ихъ христ. требахъ, мало по малу стали возникать новыя церкви по хуторамъ, какъ напр. въ хуторахъ: Поздняковскомъ Воздвиженская въ 1865 г., Колодезномъ Рождество-Богородицкая въ 1876 г. Въ послѣднемъ въ составъ членовъ причта, кромѣ священника и псаломщика, введенъ былъ съ 1885 года штатный діаконъ; тогда какъ при станицѣ, по отдѣленіи части прихода, причтъ сократился и состоялъ изъ 1 священника и 1 псаломщика. Хуторъ Колодезный въ полномъ смыслѣ слова отпрыскъ Гугнинской

станицы, потому что въ 1848 году часть жителей ея, поселившаяся на низменныхъ мѣстахъ, разоренная сильнымъ разливомъ р. Дона, принуждена была покинуть свои насиженныя мѣста и переселиться на болѣе возвышенный правый берегъ р. Дона, въ разстояніи 7—8 верстъ отъ рѣки, образовавъ такимъ образомъ названый хуторъ. Онъ омывался съ сѣверной стороны озеромъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Кузьмина*.

Населеніе Гугнинской станицы состояло изъ казаковъ. Всѣ они и всегда считались православными, такъ какъ раскольниковъ или сектантоyъ между ними не было.

По документальнымъ даннымъ, въ станицѣ зарегистровано такое количество рожденій, смертей и браковъ, считая по десятилѣтіямъ.

Годы.	Родившихся.		Браковъ.	Умершихъ.	
	Муж. п.	Жен. п.		Муж. п.	Жен. п.
1783—1793	187	194	105	135	133
1794—1804	289	260	148	151	133
1805—1814	202	161	173	182	135
1815—1824	334	335	187	100	107
1825—1834	350	321	152	195	190
1835 - 1845	605	570	265	215	230
1846—1872	—	—	—	—	—
1863—1866	256	243	—	—	—
1867—1876	651	773	332	236	241

Метрическія книги за 1846—1859 года сгорѣли, не уцѣлѣли онѣ и за 1861 и 1862 года.

Мы не имѣемъ достаточныхъ основаній дѣлать какіе либо выводы изъ вышеуказанныхъ цифръ, какъ не располагаемъ и данными къ выясненію значительнаго колебанія за нѣкоторыя десятилѣтія актовъ рожденія; приводимъ ихъ какъ фактъ, требующій дополнительныхъ разысканій и объясненій.

Во главѣ станичнаго управленія стоялъ выборный атаманъ. При немъ были — есаулъ и станичный писарь. Въ актахъ, принадлежащихъ Гугнинской станицѣ, упоминаются слѣдующіе станичные атаманы: въ 1751 году казакъ Павелъ Карповъ, въ 1766 г.—казакъ Ѳедоръ Кузнецъ, въ 1772 г. казакъ Тихонъ Тимоѳеевъ, въ 1784 г. полковой сотникъ Родіонъ Хохлачевъ, въ 1785 г. казакъ Сергѣй Данилинъ, въ 1790 г. казакъ Петръ Алферовъ и въ 1802 г. хорунжій Захаръ Хохлачевъ.

Въ старыя времена, когда Гугнинскую станицу окружали еще густые непроходимые лѣса, какихъ на Дону ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не было, жители занимались звѣроловствомъ, такъ какъ лѣса служили обиталищемъ для дикихъ звѣрей: кабановъ, медвѣдей, волковъ, козъ, лисицъ, несмѣтнаго количества зайцевъ и под.; и рыболовство доставляло имъ немалую прибыль, потому что среди лѣсовъ отъ половодья Дона образовалось не мало раскошныхъ озеръ, изобиловавшихъ разною рыбою, а берега этихъ озеръ служили пріютомъ для разнаго рода перелетной птицы: лебедей, казарокъ, гусей, утокъ и пр., которыя также были предметомъ охоты для гугнинцевъ. Но, несмотря на такое приволье и обиліе садовъ, а въ нихъ всякихъ фруктовъ, жители рано начали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Способъ обработки земли у нихъ былъ чисто старо-русскій. Правда, отъ хлѣбопашества станичники часто отвлекались набѣгами хищниковъ-сосѣдей, почему они, какъ люди воинственные, всегда имѣли при себѣ огнестрѣльное оружіе, которое служило имъ защитою отъ внезапныхъ нападеній. Такая жизнь продолжалось до 70—80 годовъ XVIII столѣтія. Но съ постепеннымъ уничтоженіемъ лѣсовъ начали изчезать и дикіе звѣри, а на мѣстѣ озеръ стали образовываться горы песка. Жизнь гугнинцевъ круто измѣнилась. Начались разселенія по хуторамъ въ мѣста болѣе удобныя для хлѣбопашества. Лѣсъ, по свидѣтельству станичниковъ, особенно пострадалъ въ голодные годы, именно: 1842, 1848 и 1864 г., когда, по неурожаю хлѣбовъ и травъ, дабы не уморить голодомъ скота своего, начинавшаго уже отъ голодовки падать, для корма его, въ суровую и голодную зиму, станичники безпощадно рубили лѣсъ на продажу ([15]).

([15]) Донскія Обл. Вѣдомости за 1873 г., № 33.

2. Станица Баклановская.

Увеличеніе сыпучихъ песковъ, окружавшихъ Гугнинскую станицу, принудило жителей ходатайствовать о дозволеніи перенести станицу на р. Цымлу къ хутору Поздиякову. Разрѣшеніе было дано. Тогда жители станицы, начиная съ 1873 г., стали переселяться на вновь облюбованное и избранное ими мѣсто, въ юртъ Филипповской станицы, отъ которой на поселеніе станицы и на выгонъ отрѣзано было 7000 десятинъ земли. Новонаселенная станица была названа Ново-Цымлянскою. Но не долго сохранялось за нею это наименованіе. Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 12 декабря 1877 года, она была переименована въ Баклановскую, въ память генерала Якова Петровича Бакланова ([16]).

Въ недолгой жизни станицы Ново-Цымлянской имѣло мѣсто одно печальное событіе. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ 1876 году получено было распоряженіе епархіальнаго начальства о переносѣ Казанской церкви съ прежняго мѣста въ Гугнинской станицѣ на новое—въ ст. Ново-Цымлянской, не смотря на то, что въ хуторѣ Поздияковѣ имѣлась своя Вознесенская церковь. Зимою того года церковь была сломана, перевезена и сложена въ кучу, а иконостасъ и церковная утварь были размѣщены по частнымъ домамъ. Ко дню св. Пасхи въ Вознесенскую церковь были внесены всѣ богатства Казанской церкви, вложенныя генераломъ Ефремовымъ, тоже уроженцемъ Гугнинской станицы: священные сосуды, св. Евангеліе, напрестольныя одежды, священническія облаченія и иконы, изъ которыхъ одна изображала Христа, несущаго крестъ на Голгофу, оцѣненная знатоками въ Петербургѣ въ 5 т. рублей, а другая была снимокъ съ Казанской иконы Божіей Матери, для аналоя, оправленная въ чистое золото и украшенная драгоцѣнными камнями, стоила она ококо 2000 рублей. Полюбоваться на блестящее убранство церкви приходили и пріѣзжали не только жители станицы и близкихъ хуторовъ, но и отдаленныхъ поселеній. 20 апрѣля станичники выходили на службу. По такому случаю въ церкви былъ отправленъ напутственный молебенъ. А когда станица вышла провожать своихъ служивыхъ: кто—сына, кто-мужа, а кто и отца, вдругъ церковь загорѣлась внутри. Замѣтили это не-

---

([16]) Сборн. прав. распор. по казачьимъ войскамъ за 1878 г.

скоро, да и спасать церковное имущество было некому. Когда жители станицы сбѣжались, на мѣстѣ церкви нашли только пылавшій остатокъ ея. Такъ все и погибло ([17]).

Новая станица была расположена на невеселыхъ мѣстахъ: кругомъ ея были пески, такъ что при вѣтрѣ нельзя было показываться на улицу. Изъ 40000 десятинъ юртовой земли приходилось выдѣлить 13000 десятинъ въ число неудобной. По сообщенію свѣдущихъ лицъ, въ самой станицѣ въ 1878 г. жителей было 4324 души, изъ нихъ муж. пола было 2124 и женскаго 2200. Всѣхъ поселеній въ станичномъ юрту числилось 14. Станица Баклановская не принадлежала къ числу богатыхъ и видныхъ станицъ. Дома въ ней были небольшіе и часто не имѣли около себя никакихъ пристроевъ. За то около многихъ домовъ виднѣлись сады. Изъ всѣхъ строеній выдѣлялся одинъ общественый домъ, отведенный подъ приходское училище ([18]). Церковь въ ней деревянная, но красивая. Освященіе ея состоялось 30 ноября 1876 г. Въ связи съ церковью построена и колокольня. Сама церковь ошелевана досками, вертикально поставленными, покрашена въ бѣлый цвѣтъ, внутри же она окрашена голубою краскою. Крыша желѣзная. Ограда кругомъ церкви деревянная ([19]). За 1877—1886 г. всѣхъ родившихся въ станицѣ было 2345, изъ нихъ муж. пола 1235 и женскаго 1110, браковъ было заключено 105, умершихъ за то же время зарегистровано 225 муж. п. и 195 женскаго. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи было: а) родившихся 810 муж. п. и 777 женск., б) браковъ 252 и в) умершихъ 264 м. п. и 296 женскаго. Послѣднее десятилѣтіе прошлаго XIX вѣка дало 833 случая рожденій (427 м. п. и 406 ж.) и 154 бракосочетанія ([20]).

Въ 1907 году Баклановская станица съ р. Цымлы и правой стороны Дона перешла къ хут. Колодезному, на лѣвую сторону той же рѣки Дона. Переселеніе это состоялось по журнальному постанов-

---

([17]) Донскія Областныя Вѣдомости за 1876 г., № 63.
([18]) Тѣ же Вѣдомости за 1878 г., № 78.
([19]) Церковная лѣтопись и донесеніе свящ. мѣстной церкви отъ 18 октября 1901 года.
([20]) Изъ донесенія мѣстнаго священника.

ленію Областного Войска Донского Правленія, отъ 4 декабря 1906 года за № 198 ([21]). Между станицею и Дономъ тянется лугъ, со множествомъ озеръ и музгъ. А тамъ, гдѣ прежде стоялъ хуторъ Колодезный, находятся „генеральскіе курганы", которые никогда не заливаются водою. Станичныя поля занимаютъ нѣсколько возвышенное пространство не въ дальнемъ разстояніи отъ самой станицы. Среди нихъ виднѣется нѣсколько кургановъ. По преданію, это остатки татарской эпохи, когда татары свободно появлялись въ при-донскихъ степяхъ и передвигались съ одного мѣста на другое.

Жители хуторовъ, находящихся на правой сторонѣ р. Дона, сильно протестовавшіе противъ перевода Баклановской станицы на лѣвую сторону, рѣшились основать новую станицу и, съ цѣлью увѣковѣчить имя другого уроженца Гугнинской станицы генералъ-лейтенанта Ивана Ефремовича Ефремова, ходатайствуютъ о наименованіи ея станицею генерала Ефремова, или иначе генералъ-Ефремовскою.

---

3. Хуторъ Старо-Гугнинскій.

Когда въ Гугнинской станицѣ было получено распоряженіе начальства о переселеніи станицы къ хутору Позднякову, часть жителей ея предпочла остаться на прежнемъ мѣстѣ и образовала особый хуторъ, получившій наименованіе Старо-Гугнинскаго. Этотъ хуторъ никогда не принадлежалъ къ числу многолюдныхъ. По переписи 1897 года, въ немъ значился всего 71 дворъ. Не больше домовъ и теперь. Мало привлекательною, непосильно трудною представляется жизнь хуторянъ, такъ какъ, за утратою прежняго приволья въ лѣсѣ съ его дикими звѣрями и въ водѣ съ разнообразной рыбою, при отсутствіи плодовыхъ деревьевъ и дикихъ птицъ, хуторяне лишились всѣхъ прежнихъ удобствъ и въ замѣнъ того къ тяжелому труду хлѣборобовъ должны были прибавить еще борьбу съ сыпучими песками. Хуторъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ. Особенно много бѣдъ причиняютъ жителямъ пески съ восточной стороны, потому что здѣсь, при обиліи

([21]) Справка изъ дѣлъ Областного В. Д. Правленія.

песковъ, преобладають и сильные восточные вѣтры. Благодаря этому обстоятельству, хуторъ положительно заносится пескомъ, такъ что на мѣстѣ прежней станицы въ немъ теперь горы песку, которымъ заполнено и все кладбище. Самый хуторъ построенъ безъ плана, съ кривыми и неправильными улицами, по которымъ растетъ лишь колючка, имѣются только небольшія тропинки для пѣшеходовъ и прогона скота къ водопою. Старый Донъ лѣтомъ совсѣмъ пересыхаетъ, а новый Донъ обмываетъ только юго-западную часть хутора. Въ общемъ печать мертвенности лежитъ на всемъ хуторѣ.

Считаемъ умѣстнымъ и благовременнымъ сказать нѣсколько словъ о генералѣ Ефремовѣ, который, подобно Я. П. Бакланову, былъ родомъ также изъ Гугнинской станицы, что нынѣ хуторъ Старо Гугнинскій. Сдѣлать это считаемъ нужнымъ сколько потому, что лицо это пользуется особою доброю памятью среди войскового населенія, столько и потому, что даже въ спеціальномъ изданіи: „Донцы XIX вѣка", вып. 1, пока не имѣется его біографіи.

Иванъ Ефремовичъ Ефремовъ—по происхожденію своему принадлежитъ къ низшему слою общества. Родился онъ въ 1774 году. Жизнь не баловала Ефремова въ юныхъ годахъ, такъ какъ сильная матеріальная нужда заставила родителей его нанимать сына къ жителямъ станицы въ пастухи овецъ и телятъ. Въ 1791 году Ефремовъ, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, отправился въ С.-Петербургъ, по найму, за казака Полубѣдова, и былъ опредѣленъ для присмотра за войсковымъ казачьимъ дворомъ. Только здѣсь онъ обучился грамотѣ. Трудолюбіе и природный умъ дали ему возможность опредѣлиться сначала въ одинъ изъ 3-хъ сформированныхъ въ 1796 году лейбъ-казачьихъ эскадроновъ, а затѣмъ перейти и въ лейбъ-казачій полкъ, образованный изъ эскадроновъ, не смотря на смерть родителей и на то, что у него самого на Дону не было никакой собственности. Необходимыя для того средства онъ пріобрѣлъ не службою, а своимъ трудолюбіемъ и скромною жизнью: вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ Ефремовъ выучился недурно шить сапоги и скудную плату, получаемую за эту усидчивую работу, онъ пріобщалъ къ неменѣе скудному жалованью;

однако, все это не тратилъ, а сберегалъ про черный день. Въ полку Ефремовъ постепенно прошелъ всѣ низшія должности отъ рядового до вахмистра, получилъ затѣмъ офицерскій чинъ и въ концѣ концовъ произведенъ былъ въ чинъ генерала маіора. Грудь его была украшена многими знаками отличій, такъ какъ онъ имѣлъ орденъ св. Георгія на шеѣ и золотое оружіе за храбрость. Ефремовъ участвовалъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ находился гвардейскій казачій полкъ, былъ въ компаніяхъ 1805 и 1807 годовъ, принималъ серьезное участіе въ незабвенной отечественной войнѣ. Чинъ генерала Ефремовъ достигъ безъ всякой протекціи, благодаря своему природному уму, отвагѣ, всегда усердному и ревностному прохожденію службы и постоянно „отличной храбрости противъ неприятеля". Спустя 33 года по выходѣ изъ станицы, онъ вернулся на свою родину, будучи уже въ генеральскомъ чинѣ. Немного времени послѣ этого Иванъ Ефремовичъ пробылъ на службѣ. Произведенный въ чинъ генералъ-лейтенанта, онъ былъ уволенъ домой, съ полнымъ по чину содержаніемъ. Тихо и мирно проводилъ Ефремовъ свои послѣдніе годы жизни въ родной станицѣ, находя утѣшеніе въ томъ, что помогалъ въ нуждѣ всякому бѣдняку, который обращался къ нему съ просьбою о помощи. Скончался Иванъ Ефремовичъ — истиннымъ христіаниномъ, на 69 году отъ роду, 8 марта 1843 года. Всѣмъ своимъ землякамъ-донцамъ онъ завѣщалъ примѣромъ своей жизни быть не только храбрыми воинами, свято исполняющими свои обязанности, ктобы на какую должность ни былъ опредѣленъ, но и быть всегда добрыми христіанами, хранящими св. вѣру и любящими своего Царя и свое отечество до готовности положить за нихъ свою душу. Болѣе чѣмъ скромный памятникъ на мѣстномъ кладбищѣ, находившійся близъ церкви, съ переносомъ послѣдней на другое мѣсто, теперь засыпанъ пескомъ.

---

4. Послѣсловіе.

Рѣчь наша о Гугнинской станицѣ окончена. Однако, намъ хотѣлось бы еще прибавить небольшое послѣсловіе. Отъ Гугнинской станицы къ настоящему времени осталось одно лишь воспоминаніе, а

свидѣтелемъ того, что она когда-то существовала, является нынѣшній хуторъ Старо-Гугнинскій. Но ни оскудѣніе природы въ этой мѣстности, ни обиліе сыпучихъ песковъ, ничто другое не въ силахъ заставить донцовъ забыть славныя имена уроженцевъ Гугнинской станицы, отважныхъ на войнѣ и сердобольныхъ къ бѣднотѣ, генералъ-лейтенантовъ Ивана Ефремовича Ефремова и Якова Петровича Бакланова. Это два драгоцѣнныхъ самородка, которые своимъ смѣтливымъ природнымъ умомъ, непреклонною волею, неутомимою дѣятельностью не только проложили сами себѣ, своею грудью, путь къ высокому званію, но и заслужили „несмертельную" память своею плодотворною службою. Они прославили на вѣки свою станицу. Пусть же будетъ легкою земля надъ прахомъ покоющагося на мѣстѣ своей родины Ивана Ефремовича. Долгъ потомковъ устроить священный памятникъ на его могилѣ въ сыпучихъ пескахъ хутора—созданіемъ, напр., часовни, въ память особаго усердія его при жизни къ благоукрашенію своей приходской церкви. Мы вполнѣ раздѣляемъ желаніе новообразующейся при р. Донѣ станицы увѣковѣчить въ самомъ ея названіи имя добраго генерала, но хотѣли бы предложить—оказать особое почтеніе и къ мѣсту его рожденія, назвавши, напр., новую станицу Гугнинско-Ефремовскою, но не генералъ-Ефремовскою, а о хуторѣ Старо-Гугнинскомъ позаботиться укрѣпленіемъ песковъ и разведеніемъ лѣсовъ. Другой уроженецъ Гугнинской станицы, славный герой Кавказа и умиротворитель Польши, Яковъ Петровичъ Баклановъ не нашелъ даже себѣ вѣчнаго покоя среди воинственныхъ сыновъ Дона, отцовъ которыхъ онъ водилъ къ побѣдамъ и къ славѣ. Онъ мирно почиваетъ въ сѣверной столицѣ, на мало-извѣстномъ кладбищѣ. Правда, любовію и усердіемъ Донского Войска сооруженъ на могилѣ Якова Петровича приличный памятникъ, иждивеніемъ, быть можетъ, и тѣхъ лицъ, которымъ онъ при своей жизни оказывалъ помощь щедрою рукою. Надгробный памятникъ, устроенный на счетъ Войска Донского, изображаетъ обломокъ Кавказской скалы, на верху которой лежитъ косматая папаха Бакланова, а внизу—связанныя цѣпью бомбы. Изъ-подъ папахи свѣшивается на древкѣ знаменитое черное знамя Бакланова съ страшной мертвой головой и символической надписью: „Чаю воскресенія мертвыхъ"... Огромная бурка закрываетъ часть скалы; въ вѣнокъ вдѣланъ Кав-

казскій крестъ. Внизу на пьедесталѣ вырѣзаны названія тѣхъ мѣстъ (Месемврія, Качкалыковскій хребетъ, Мичикъ, Шаухалъ-Берды, Махмутъ-Юртъ, Гурдали, Карсъ и др.), которыя были свидѣтелями храбрости Бакланова, близъ которыхъ онъ стяжалъ безсмертную славу себѣ и предводимымъ имъ войскамъ... И если прежде думали и говорили вслухъ: „не мѣсто здѣсь, въ Петербургѣ, этой скалѣ, папахѣ, черному значку и буркѣ,... имъ приличнѣе находиться на Дону, въ Новочеркасскѣ", то теперь смѣло можно сказать: не мѣсто дорогому праху славнаго донца въ Петербургѣ, въ сѣверной столицѣ, а мѣсто здѣсь, въ Новочеркасскѣ, въ главномъ городѣ Донского Войска. „Честь дороже жизни"—было девизомъ Якова Петровича, и это завѣтъ всѣмъ донцамъ, защитникамъ престола и отечества. „Чаю воскресенія мертвыхъ"—гласила символическая надпись на черномъ знамени Бакланова, и это начертаніе плодъ упованія его на вѣчный покой. Вотъ прелестное сочетаніе святой вѣры и глубокаго патріотизма. Воину и по смерти прилично оставаться въ мѣстѣ и въ средѣ военныхъ. Присутствіе такого памятника въ Новочеркасскѣ, въ городѣ, куда собирается надежда Войска—молодежь, всегда было бы нагляднымъ урокомъ для послѣдней, а старикамъ памятникъ доставилъ бы искреннее утѣшеніе, такъ какъ они съ гордостью могли бы говорить: „да, дѣйствительно, за Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадутъ". О деньгахъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи: каждый казакъ съ радостью внесетъ свою лепту, чтобы перенести прахъ съ памятникомъ Бакланова въ Новочеркасскъ, было бы только разрѣшено сдѣлать это.

„Въ добрый часъ!" закончимъ и мы свою рѣчь словами, столь знакомыми казакамъ, когда рѣшается въ положительномъ смыслѣ какое-либо дѣло. И да будетъ такъ!

А. Кирилловъ.

Родъ Якова Петровича Бакланова.

Предки Якова Петровича Бакланова становятся извѣстными на Дону во второй половинѣ XVII столѣтія. Первымъ изъ этого рода, явившимся на Донъ, какъ можно удостовѣриться на основаніи оффиціальныхъ документовъ, было нѣкто Игнатъ Бакланъ. Съ положительностью нельзя сказать, былъ ли онъ татарскимъ выходцемъ, или явился откуда-то изъ другого мѣста. Въ актахъ, опубликованныхъ въ „Русской Исторической Библіотекѣ", подъ названіемъ: „Донскія дѣла", кн. 1 и 2, мы встрѣчаемъ фамилію Бакланова, но то былъ Осколецъ; попадается фамилія и Баклановскихъ, но съ ними донскіе Баклановы не имѣютъ связи, насколько можно судить по архивнымъ даннымъ. Невозможно говорить съ увѣренностью и о мотивахъ переселенія на Донъ Игната Баклана. Можно лишь указать въ данномъ случаѣ на общее въ то время стремленіе многихъ выходцевъ изъ Московскихъ городовъ и украинныхъ мѣстъ къ поселенію въ семьѣ вольныхъ донскихъ казаковъ. Мы не имѣемъ также фактическихъ данныхъ къ рѣшенію вопроса о самомъ прозваніи Игната Баклановъ, принесъ ли онъ его съ собою, или получилъ его уже на Дону за свою удивительно удачную ловлю рыбы, чѣмъ отличаются бакланы, какъ полагаютъ нѣкоторые. Не имѣемъ возможности твердо рѣшить и того, историческаго ли характера означенное преданіе, или оно принадлежитъ къ области легендарныхъ сказаній.

Достовѣрно извѣстно, что у Игната Баклана было три сына: старшій Никифоръ родился въ 1695 году, средній Терентій родился въ 1703 г., а чрезъ 5 лѣтъ послѣ него у Игната родился еще сынъ Потапъ. Всѣ они числились казаками и всѣ были женаты: Никифоръ состоялъ въ бракѣ съ Ульяной Петровой, Терентій былъ женатъ на Анастасіи Никитиной и Потапъ на Агриппинѣ Дмитріевой. Родъ Якова Петровича продолжается чрезъ средняго брата—Терентія. У него также было три сына: Дмитрій, родился въ 1746 г., Минай, родился въ 1766 г., и Тимоѳей, родившійся въ 1768 году. У старшаго изъ нихъ Димитрія, который былъ женатъ на Анастасіи Тимоѳеевой, былъ сынъ Петръ. Родился онъ въ 1785 г. и состоялъ въ

бракѣ съ Устиньей Малаховой. Это уже не простой казакъ, а казакъ, дослужившійся до чина полковника. Онъ-то и былъ отцомъ извѣстнаго героя Якова Петровича Бакланова, который скончался въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Родился Яковъ Петровичъ въ 1809 году и былъ единственнымъ сыномъ у полковника Петра Дмитріевича. Для полноты сообщенія замѣтимъ, что кромѣ сына Петра у Димитрія Терентьевича было еще два сына: Василій, родившійся въ 1770 году, и Яковъ, родившійся въ 1776 году.

А. Кирилловъ.

Къ административной дѣятельности Якова Петровича Бакланова.

Безспорно, Яковъ Петровичъ Баклановъ и какъ простой казакъ, и какъ офицеръ, и какъ начальникъ ввѣрявшихся ему войсковыхъ частей, стяжалъ неувядаемую славу храбраго воина и распорядительнаго военачальника. Природная его смѣтливость, изумительная находчивость, беззавѣтная храбрость, полное самообладаніе при всякихъ обстоятельствахъ весьма рельефно выдѣляютъ его изъ ряда другихъ замѣчательныхъ дѣятелей на военномъ поприщѣ. Вся служба Бакланова на Кавказѣ дѣлаетъ его имя незабвеннымъ въ военной исторіи нашего отечества. Но такая характеристика Я. П. Бакланова хотя и вполнѣ справедлива, однако, односторонняя. Если мы ограничимся только сказаннымъ, то погрѣшимъ противъ личности Якова Петровича, такъ какъ не замѣтимъ въ немъ человѣка съ его добрымъ сердцемъ. Между тѣмъ эта черта сказывалась въ немъ наглядно. Достаточно упомянуть, что, когда Яковъ Петровичъ жилъ въ Петербургѣ, къ нему смѣло шелъ всякій нуждающійся землякъ,—и всегда получалъ то, въ чемъ нуждался. Мы не говоримъ уже о его хлѣбосольствѣ. Въ этомъ заключается разгадка и того, почему онъ, получая по видимому хорошую пенсію, когда жилъ на покоѣ, постоянно нуждался въ деньгахъ, напоминая собою дѣйствительно „бездонную бочку". Военные подвиги Якова Петровича, его лихіе набѣги на непріятеля не затѣнятъ его доброй души. Далѣе. Намъ представляется не столь удивительнымъ то, что Баклановъ, вышедшій изъ военной среды, выдвинулся какъ военачальникъ, сколько удивительно то, что онъ, не получивши никакого образованія ни въ общихъ школахъ, ни въ спеціально-военныхъ, оказался замѣчательнымъ администраторомъ, глубокимъ знатокомъ людей, умиротворившимъ цѣлый край—Августовскій отдѣлъ Польши. И этого успокоенія края онъ достигъ, однако, не столько рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, столько своимъ тактомъ, предупредительностію, вообще мирнымъ путемъ. Въ цѣляхъ ознакомленія съ характеромъ административной дѣятельности Я. П. Бакланова, мы пере-

печатываемъ одну главу изъ сочиненія его друга генерала Потто: „Я. П. Баклановъ“, съ небольшими сокращеніями и съ добавленіемъ одной бесѣды Бакланова съ бывшимъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ.

Оставивъ Кавказъ, Яковъ Петровичъ поселился въ Новочеркасскѣ и жилъ нѣкоторое время вдали отъ дѣлъ, посвящая все время исключительно своему семейству. Но это продолжалось не долго. 2-го февраля 1867 года онъ былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, находившихся на Кавказѣ.

Съ этихъ поръ начинается собственно административная дѣятельность Якова Петровича. По особымъ условіямъ расположенія донскихъ полковъ на Кавказѣ, кругъ дѣятельности походнаго атамана былъ чрезвычайно обширенъ, и потому Яковъ Петровичъ не имѣлъ возможности участвовать въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ, закончившихъ собою нашу боевую кавказскую лѣтопись. Это обстоятельство, заставившее его, такъ сказать, сойти съ военнаго поприща, для котораго онъ, кажется, былъ созданъ, —служило для него источникомъ немалыхъ душевныхъ огорченій. Яковъ Петровичъ разсказывалъ самъ, что, проведя большую часть своей службы въ сѣдлѣ, посреди бивуаковъ и лагерей, привыкнувъ слышать шумъ оружія и видѣть кровавыя битвы, онъ нѣсколько тяготился новымъ своимъ положеніемъ, и, шутя говаривалъ, что ему легче бы было провести двѣ, три безсонныя ночи съ своими пластунами, нежели два, три часа просидѣть, не разгибая спины за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ. Впрочемъ, Яковъ Петровичъ никогда не любилъ убранства и роскоши въ комнатахъ: онъ жилъ настоящимъ казакомъ-партизаномъ, пренебрегая удобства и и гнушаясь комфортомъ. „Съ этими вещами,— говаривалъ онъ,—не трудно нашему брату совершенно забыть свое ремесло“.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о томъ, въ чемъ именно проявилась дѣятельность Якова Петровича по отношенію къ командуемымъ имъ казачьимъ полкамъ, потому что Яковъ Петровичъ самъ ничего не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, посвящаемыхъ имъ исключительно описанію одныхъ боевыхъ эпизодовъ; но

что эта дѣятельность не могла не быть плодотворною, въ этомъ убѣждаетъ насъ и всестороннее знаніе имъ быта и нуждъ этихъ полковъ, и лестные отзывы о немъ главнокомандующаго арміею и тѣ Высочайшія награды, которыя пожалованы были Якову Петровичу за время бытности его походнымъ атаманомъ.

„Извѣстный на Кавказѣ храбростію и боевою распорядительностію, генералъ-маіоръ Баклановъ,—такъ писалъ объ немъ генералъ-адъютантъ, князь Барятинскій военному министру, —съ назначеніемъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, состоящихъ при Кавказской арміи, принесъ существенную пользу заботливостію о благосостояніи ввѣренныхъ ему полковъ какъ въ боевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ; въ особенности же я обязанъ ему улучшеніемъ быта тѣхъ казаковъ, которые разбросаны малыми командами для содержанія постовъ и кордонной службы". Во вниманіе къ этимъ заслугамъ и къ прежнимъ подвигамъ, оказаннымъ Яковомъ Петровичемъ, Барятинскій просилъ военнаго министра обратить на службу его особое милостивое вниманіе Государя Императора.

Вслѣдствіе такого ходатайства Бакланову пожалованъ былъ 16-го февраля 1859 года орденъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною; 2-го февраля 1860 года—аренда въ теченіе 12 лѣтъ по тысячѣ пятисотъ рублей серебромъ ежегодно, а 3-го апрѣля того-же года—чинъ генералъ-лейтенанта.

Послѣднія награды не застали, однакоже, Якова Петровича уже на Кавказѣ. Какъ ни казалось несокрушимымъ и крѣпкимъ его желѣзное здоровье, однакоже усиленные боевые труды, безсонныя ночи и тяжкія раны—взяли свое. Онъ заболѣлъ серьезно и по совѣту медиковъ, отправившись на Донъ, сдалъ должность походнаго атамана генералу Хрещатицкому (1); а вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ состоять по Донскому войску.

Впрочемъ, неугомонная и энергическая натура его не могла какъ-то мириться съ бездѣйственною жизнію. Едва здоровье Якова Петровича возстановилось, какъ онъ поступаетъ на службу по выбо-

(1) Приказъ объ этомъ состоялся 9-го сентября 1859 года.

рамъ дворянства и 1-го мая 1861 года назначается окружнымъ генераломъ II округа Донского казачьяго войска.

Въ этомъ званіи застала Якова Петровича Польская кампанія.

Вооруженное возстаніе, вспыхнувшее въ Польшѣ въ ночь съ 11-го на 12-е января 1863 года, быстро разлилось по Литвѣ и при извѣстномъ настроеніи умовъ европейскаго общества, нашло себѣ сочувствіе и поддержку во многихъ иностранныхъ правительствахъ. Россія, однакоже, твердо рѣшилась исполнить свой долгъ и дѣятельно стала готовиться къ войнѣ. Донъ вооружился почти поголовно, а потому наказный атаманъ Донского казачьяго войска генералъ-адъютантъ Граббе отправилъ военному министру 16-го мая 1863 года телеграмму слѣдующаго содержанія:

„На западной границѣ собирается 12-ть казачьихъ полковъ. Необходимъ молодецъ начальникъ. Не назначить-ли Бакланова"?

Телеграмма эта совпала въ Петербургѣ съ представленіемъ о томъ-же генерала Муравьева, который остановился также на мысли привлечь на службу Якова Петровича, и съ этою цѣлью писалъ военному министру, „что побуждаемый необходимостью имѣть въ настоящее время энергическихъ отрядныхъ начальниковъ для отысканія и пораженія мятежническихъ шаекъ, онъ проситъ о камандированіи въ свое распоряженіе, сколь возможно скорѣе, войска Донского генералъ-лейтенанта Бакланова"

Въ отвѣтъ на эти представленія, военный министъ телеграфировалъ Граббе о немедленномъ командированіи генерала Бакланова въ Вильно, и въ же время писалъ генералу Муравьеву, „что Государь Императоръ, по рекомендаціи наказнаго атамана войска Донского, уже изволилъ признать полезнымъ, чтобы генералъ-лейтенантъ Баклановъ прибылъ въ ваше распоряженіе для общаго начальствованія распололоженными въ Виленскомъ округѣ Донскими казачьими полками, и что Высочайшее повелѣніе объ этомъ уже сообщено наказному атаману по телеграфу".

Яковъ Петровичъ 19-го іюня, получивъ отъ Высочайшихъ щедротъ пособіе въ четыре тысячи рублей, выѣхалъ въ Вильно, но предварительно пробылъ нѣсколько дней въ Петербургѣ.

Прибывъ въ Вильно въ началѣ іюля мѣсяца, онъ отдалъ свой

знаменитый приказъ по Донскимъ казачьимъ полкамъ, который въ тысячахъ экземпляровъ разлетѣлся по Литвѣ и по царству Польскому. Пріѣздъ извѣстнаго кавказскаго героя, имя котораго пользовалось въ войскахъ огромною популярностью, обрадовалъ всѣхъ истинно военныхъ людей, служившихъ тогда не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ.

Вотъ этотъ знаменитый приказъ, отданный имъ въ Вильнѣ 7-го іюля 1863 года.

„Станичники и односумы"!

„Я выѣхалъ изъ родного края 19-го іюня и привезъ вамъ отъ него поклонъ. Донъ завѣщаетъ вамъ бороться одному противъ десятерыхъ и охулки на руку не класть! Донъ дышетъ пламенною любовью и преданностію къ Царю нашему; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ воли Монарха двинуться на внѣшняго врага, замыслившаго нарушить спокойствіе святой Руси. На вашу долю палъ жребій быть впереди— противъ врага внутренняго. Вы—потомки славныхъ и могучихъ предковъ нашихъ Азовскаго сидѣнія. Молодечество ваше противъ мятежниковъ радуетъ Царя, а Донская семья ликуетъ васъ".

„Братья! соберемся съ силами, окрѣпнемъ духомъ и превозможемъ всѣ трудности и лишенія и покажемъ, что достойны называть себя питомцами славнаго, тихаго Дона. Настанетъ время—я буду посреди васъ въ бесѣдѣ боевой, введу васъ въ бой съ завѣтнымъ кличемъ Ермака: „съ нами Богъ"! -силою коего булатъ нашъ остръ—и не устрашимся! Увѣренъ въ васъ, что вы такіе же чудо-богатыри, какъ были водимые мною въ бой дѣды, отцы и старшіе братья ваши"!

Въ военныхъ дѣйствіяхъ Якову Петровичу, однакоже, не довелось принимать непосредственнаго участія. Онъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Августовскаго отдѣла и 18 сентября съ гвардейскимъ отрядомъ изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ и 22-хъ ротъ пѣхоты выступилъ изъ Вильны по дорогѣ въ Ломжу (2). Часть этихъ войскъ, подъ командою генералъ-маіоровъ Дубельта и князя Барятинскаго имѣла стычки съ повстанцами между мѣстечками Серіо и

(2) Это были полки лейбъ-гвардіи: казачій, драгунскій и части отъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго.

Сейнами, а также въ окрестностяхъ Кальваріи; но главныя силы, подъ личнымъ предводительствомъ Якова Петровича, прошли черезъ Липскъ въ Августовмъ, никого не встрѣтивъ на дорогѣ. Во все время похода Яковъ Петровичъ не слѣзалъ съ коня и только разъ,— говоритъ очевидецъ,—чувствуя сильную желудочную боль, позволилъ себѣ,—какъ онъ выражался,—„понѣжиться", т. е. проѣхать половину перехода въ простой, мужицкой телѣгѣ".

Страшная молва предшествовала по Литвѣ пріѣзду Бакланова.

Назначеніе его начальникомъ Августовскаго отдѣла встрѣчено было съ нескрываемымъ трепетомъ, потому что всѣмъ были извѣстны жестокіе погромы его, приводившіе въ ужасъ чеченцевъ, но никто не зналъ и не слыхалъ о его сердечной теплотѣ и нѣжныхъ чувствахъ, столь несоотвѣтствовавшихъ его суровой и грозной физіономіи. Еще до пріѣзда въ Вильно поляки были настроены видѣть въ немъ только дикаго гунна, варвара и распускали слухъ, что онъ питается человѣчьимъ мясомъ, - слухи, которые къ удивленію и къ стыду поляковъ находили себѣ многочисленныхъ вѣрователей. Впрочемъ, Яковъ Петровичъ и самъ заботился поддерживать о себѣ подобную славу, говоря, что подобное настроеніе умовъ—вѣрнѣйшее ручательство за спокойствіе подвѣдомственнаго ему края. Рѣшившись разъ навсегда не прибѣгать къ особо суровымъ, карательнымъ мѣрамъ, онъ вздумалъ господствовать въ краѣ нравственнымъ вліяніемъ и этимъ достигнулъ того, чего не могли достигнуть въ другихъ мѣстахъ ни казнями, ни ссылками.

Изъ Августова Баклановъ прошелъ съ отрядомъ въ Сувалки и тамъ основалъ свою резиденцію.

Прежде всего Яковъ Петровичъ позаботился ознакомиться съ краемъ и съ этою цѣлью проѣхалъ одинъ, безъ всякаго конвоя, изъ Сувалокъ въ Августовъ и обратно, на простой, перекладной почтовой телѣжкѣ. Дорога лежала дремучими лѣсами, по которымъ до него съ опаскою ходили отряды; но когда Баклановъ проѣхалъ туда и назадъ безъ всякихъ приключеній, поляки почувствовали къ нему суевѣрный страхъ и стали называть Асмодѣемъ.

Кому-то случилось въ разговорѣ спросить объ этомъ Якова Петровича. Онъ отвѣчалъ, что понималъ опасность, которая ему угрожа-

ла. „Но я былъ слишкомъ старъ для того,—прибавилъ онъ въ пояснение,—чтобы бояться смерти. Моя старинная шашка, да пара турецкихъ пистолетовъ достаточно обезпечивали меня отъ позорнаго плѣна. Стало быть, я рисковалъ только жизнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что ежели проѣду по этимъ мѣстамъ, то отниму уже всякій поводъ говорить въ народѣ о повстаніи“.

Дѣйствительно, на другой, или на третій день по возвращеніи Бакланова, къ нему является сувалкскій почтмейстеръ съ докладомъ, что онъ отправляетъ почту.

— Прежде подобныя почты конвоировались по распоряженію предмѣстниковъ Якова Петровича не менѣе, какъ цѣлою ротою пѣхоты.

— А теперь будутъ ходить безъ конвоя, съ однимъ вооруженнымъ кондукторомъ,—рѣшительно отвѣчалъ Баклановъ.

— А если отобьютъ деньги?

— Вы хотите сказать: кто будетъ отвѣчать?—Я!... Но пусть они попробуютъ отбить,—прибавилъ генералъ, сдѣлавъ удареніе на послѣдней фразѣ, и въ голосѣ его послышалась нота, отъ которой морозъ пробѣжалъ по жиламъ присутствовавшихъ чиновниковъ.

Почта прошла благополучно, хотя повстанцы и не могли не знать объ ея отправленіи. Такъ велико было чувство страха, внушеннаго имъ Баклановымъ.

Яковъ Петровичъ показалъ на дѣлѣ свои недюжинныя административныя способности. Цѣлый рядъ самыхъ разумныхъ мѣръ и нововведеній указываетъ на то, что Баклановъ былъ не только хорошій рубака, но и прекрасный администраторъ. Не смотря на замѣчательную строгость его, жители благословляли Бакланова, такъ какъ видѣли, что всѣ его мѣропріятія клонились къ тому, чтобы водворить спокойствіе и порядокъ въ краѣ, чтобы дать возможность мирному поселенцу заниматься его дѣломъ. Многочисленныя шайки повстанцевъ, рыскавшія по всѣмъ направленіямъ и причинявшія не мало убытковъ и огорченій жителямъ деревень, мѣстечекъ, постепенно исчезали, и край свободно вздохнулъ отъ нихъ. Страхъ, который вначалѣ внушилъ Баклановъ полякамъ, постепенно замѣнился чувствомъ глубокаго уваженія. Та сердечность, которая ясно проглядывала во многихъ распоряженіяхъ Якова Петровича, то видимое участіе къ нуждамъ и го

рю населенія—все это невольно заставляло даже врага относиться къ нему съ чувствомъ самаго искренняго и безграничнаго уваженія. Словомъ, за суровой наружностью у Якова Петровича было замѣчательно доброе, хорошее сердце.

Вообще, Баклановъ твердо, честно и высоко держалъ знамя русской власти въ усмиренномъ краѣ.

Система, которую Яковъ Петровичъ намѣревался положить въ основу своего управленія Августовскою губерніею, была высказана имъ Муравьеву, Виленскому генералъ-губернатору, наканунѣ отъѣзда, когда Яковъ Петровичъ вечеромъ зашелъ къ нему за полученіемъ послѣднихъ инструкцій и приказаній. Онъ прежде всего объяснилъ Муравьеву, что жители Августовской губерніи совершенно оставлены беззащитными со стороны нашихъ войскъ, такъ кахъ эти войска стянуты въ города и мѣстечки, а повстанцы хозяйничаютъ въ селеніяхъ, какъ у себя дома, и заставляютъ крестьянъ давать все, что имъ нужно.

Муравьевъ сказалъ: „но, помогая повстанцамъ, крестьяне подвергаютъ себя всей строгости нашихъ законовъ. Все это есть въ инструкціяхъ, по которымъ прошу васъ дѣйствовать безъ всякихъ разсужденій“.

Вступивъ въ управленіе отдѣломъ, Яковъ Петровичъ немедленно сдѣлалъ два существенныя и весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ распоряженія.

Во-первыхъ, войска, находившіяся въ Августовской губерніи, разбиты были на самые мелкіе отряды, которые заняли деревни и села, имѣя за собою сильные резервы только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ Сувалкахъ, Августовѣ, Кальваріи, Сейнахъ, Сапочкинѣ и Разградѣ. Цѣль такого раздробленія войскъ была та, чтобы разомъ охватить всю губернію и очистить ее отъ повстанцевъ. Каждому отряду указанъ былъ районъ для дѣйствія съ строгимъ обязательствомъ осматривать ежедневно посредствомъ сильныхъ конныхъ разъѣздовъ всѣ входящія въ районъ мѣстности; а ежели укажетъ надобность, откамандировывать отдѣльныя части пѣхоты для занятія болѣе важныхъ пунктовъ.

Во-вторыхъ, написана была инструкція, въ которой объявилъ

всѣмъ жителямъ, что въ случаѣ появленія мятежниковъ они, во избѣжаніе различныхъ истязаній, могутъ снабжать ихъ по требованіямъ съѣстными припасами, лошадьми и т. п., не подвергаясь за это отвѣтственности, если только по выходѣ мятежниковъ въ ту же минуту сообщатъ объ этомъ ближайшимъ войскамъ, или разъѣзду, съ указаніемъ, куда мятежники направились.

Въ противномъ случаѣ,—говоритъ Баклановъ,—если кто либо не исполнитъ послѣдняго распоряженія, или пристанетъ самъ къ вооруженнымъ шайкамъ,—за тѣхъ отвѣчаютъ цѣлыя общества. Такія деревни объявлены будутъ внѣ всякаго закона: имущество ихъ будетъ разграблено, жилища сожжены и сами они отъ мала до велика поплатятся жизнію!...

Благодареніе Богу—разсказывалъ Яковъ Петровичъ—мнѣ не доводилось ни разу примѣнять на дѣлѣ подобную угрозу, но я бы не остановился ни передъ чѣмъ, потому что гибель одной деревни спасла бы сотни другихъ отъ пагубнаго вліянія мятежниковъ.

Видя заботливость и строгую справедливость русскихъ властей, крестьяне ободрились и сами стали формировать изъ себя ополченія для защиты своихъ деревень и селъ отъ нашествія мятежниковъ. Они благословляли имя Бакланова. Сами поляки начали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, потому что встрѣчали въ немъ строгаго поборника правды и справедливости. По пріемѣ отдѣла, онъ самъ объѣхалъ всѣ тюрьмы, говорилъ съ заключенными и тотчасъ освободилъ до 120 человѣкъ, противъ которыхъ не только не было никакихъ письменныхъ уликъ, но даже не извѣстно было, кѣмъ и когда они арестованы. За все управленіе губерніею, Яковъ Петровичъ подписалъ только семь смертныхъ приговоровъ—это были жандармы-вѣшатели,—для остальныхъ же смертная казнь замѣнялась ссылкою въ Сибирь; но имѣнія сосланныхъ, вопреки принятымъ правиламъ, никогда не отбирались въ казну, а оставлялись въ неприкосновенномъ владѣніи законныхъ наслѣдниковъ. Онъ втайнѣ принималъ горячее участіе въ судьбѣ несчастныхъ семействъ, часто, послѣ ссылки отцовъ, остававшихся безъ куска насущнаго хлѣба, и помогалъ имъ, чѣмъ можно.

Лучше всего иллюстрируетъ отношеніе Бакланова къ польскимъ

жителямъ и отношеніе его къ Муравьеву слѣдующій разсказъ, который мы заимствуемъ изъ статьи М. О. Кояловича: „Отставка диктатора“... Въ Вильнѣ Муравьевъ былъ почти одинокъ. Люди, на беззавѣтную преданность которыхъ Россіи онъ могъ положиться, начинали думать иначе, чѣмъ онъ. Его суровая система начинала ему казаться не дѣломъ необходимой, исторической справедливости, а дѣломъ мщенія, какъ въ лицо ему сказалъ такой генералъ, такой „казакъ“, какъ Яковъ Петровичъ Баклановъ.

Баклановъ становился въ оппозицію Муравьеву вопреки всей своей собственной репутаціи. Польскія арендаторши Августовской губерніи твердо вѣровали, что этотъ казачій генералъ питается, на дессертъ за обѣдомъ, живыми дѣтьми и усиленно расправшивали его адъютантовъ: „Раскажи, коханный панъ, ради милосерднаго Младенца Іисуса: какихъ панъ генералъ дѣтокъ больше любитъ на обѣдъ, толстыхъ или поджарыхъ?“ А этотъ скифъ, гуннъ, Каннибалъ польскаго воображенія имѣлъ съ Муравьевымъ жаркую стычку, которая не кончилась худо для Бакланова только потому, что Муравьевъ любилъ, чтобы ему говорили правду въ глаза, а Баклановъ никогда не былъ изъ числа тѣхъ, которые отвѣчаютъ „да“ на всякое слово начальства, какъ-бы оно грозно ни было. Муравьевъ приказывалъ ему конфисковать имѣнія августовскихъ повстанцевъ, а Баклановъ упрямо учреждалъ опеки надъ малолѣтними наслѣдниками сосланныхъ въ Сибирь, сохраняя за ними фолварки и земли. Съ этого и началась знаменитая въ своемъ родѣ бесѣда двухъ генераловъ, послѣ которой Муравьеву совершенно уже стало ясно, что онъ—одинокъ, что на однихъ его плечахъ покоилось все дѣло окончательнаго возвращенія края въ русское лоно.

„Почему вы, Яковъ Петровичъ, не исполняете точной моей инструкціи?“ спросилъ Бакланова Муравьевъ, вводя его въ совѣщательную комнату Виленскаго генералъ-губернаторскаго дворца и тщательно притирая дверь въ пріемную, т. е. съ очевидностью показывая, что наступаетъ откровенная и продолжительная бесѣда. Баклановъ оглядѣлъ длинную, хорошо знакомую ему комнату съ большимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, на которомъ былъ подписанъ не одинъ смертный приговоръ, и отвѣчалъ спокойно: „Потому, Михайло Нико-

лаевичъ, что не казацкое это дѣло лишать орлятъ родимаго гнѣзда.“ — „Такъ; а не думаете вы, что орлята выростутъ только для того, чтобы занять мѣста сосланныхъ вами-же отцовъ?“ — „Позвольте, Михайло Николаевичъ, и среди сосланныхъ были невинные“. — „Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ!“ — Однако, вотъ вамъ живой примѣръ: въ Уфу высланъ президентъ Сувалокъ Ростишевскій. Когда его увезли, жена его слегла въ постель и черезъ мѣсяцъ ея не стало. Дочь, — 16-ти лѣтъ, два сына — 9 и 6 лѣтъ, всѣ остались безъ куска хлѣба и пріюта. Что-же, дочери было идти торговать собой, чтобы достать на обѣдъ братьямъ? А Ростишевскій былъ невиненъ“, — „Да вѣдь вы, Яковъ Петровичъ, добились, что его вамъ вернули изъ Уфы, вы его освободили. Чего-же вы еще хотите?“ — „Я говорю къ примѣру, ваше превосходительство, что были и ошибки“... — „Пусть меня судитъ исторія, а мои подчиненные должны только исполнять мои инструкціи“. — „Позвольте мнѣ вамъ сказать слѣдующее прямо и безъ увертокъ. Что я полякую, вы, надѣюсь, Михайло Николаевичъ, о Баклановѣ не подумаете?“ — „Не подумаю; хотя-бы даже вынужденъ былъ отдать Якова Петровича подъ судъ за неисполненіе моихъ ясныхъ и строгихъ приказаній“. — „Тамъ уже ваша воля на то будетъ, а я считаю долгомъ чести сказать вамъ все, чего, можетъ быть, никто вамъ изъ боязни не дерзнетъ сказать. Михайло Николаевичъ! Обращаюсь къ вашей справедливости! Вѣдь теперь не начало мятежа, пока мы казнили за преступленія, а конецъ всей исторіи, когда мы уже казнимъ изъ мщенія. Въ разгаръ мятежа подъ ружье и веревки попадали правые и виновные; но теперь — теперь было позорно дѣйствовать безъ строжайшаго разбора. Крутыя мѣры, какъ-бы онѣ ни были жестоки, хороши лишь тогда, когда принимаются своевременно. Не въ русской привычкѣ доколачивать лежачаго врага!“ — „То-то у васъ на Дону не приколачиваютъ черкесовъ!“ проворчалъ сердито Муравьевъ. — „Черкесъ змѣя, съ земли укуситъ“... — „А поляки — нѣтъ? Э-эхъ, Яковъ Петровичъ!“... Михайло Николаевичъ, вы меня можете и подъ судъ отдать, и безъ прошенія уволить, но я вамъ скажу одно. Сувалкскимъ отдѣломъ я управлялъ отъ вашего имени, которое всегда чтилъ и уважалъ. Цѣлью моею было такъ поступать, чтобы на имя это не легло никакого пятна. И совѣсть мнѣ говоритъ, что я добился успѣ-

ха. Если на Литвѣ о Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ говорятъ со злобою и ненавистью, то въ Августовской,—клянусь, его благословляютъ! Я моему Государю, Россіи и вамъ, моему прямому начальнику, былъ и буду вѣренъ, но въ помыслахъ моихъ было ослабить, въ районѣ моего отдѣла, злые толки о русской свирѣпости"... Муравьевъ долго и мрачно молчалъ, такъ что Баклановъ не зналъ, что еще прибавить и подумывалъ уже откланяться генералъ-губернатору, не получивъ отъ него никакого отвѣта, какъ рѣшился смотрѣть грозный начальникъ на самовольныя дѣйствія своего подчиненнаго. Но Муравьевъ прервалъ, наконецъ, молчаніе, и тихо, но внятно и раздѣльно, проговорилъ: „На откровенное и честное слово ваше отвѣчу также откровенно и честно. Не могу сомнѣваться, что поступали вы изъ наилучшихъ намѣреній, хотя не могу не признавать, что почти всегда однихъ добрыхъ намѣреній еще мало. Мнѣ всегда было удивительно, господа, одно то, что забываете вы о слѣдующемъ. Точно вы предполагаете, что послѣ насъ съ вами явятся непремѣнно такія же лица съ привязанностью и любовью ко всему русскому. Вы не хотите никакъ понять, что мы, пока мы—мы, а не заштатные генералы и чиновники, должны и обязаны сдѣлать какъ можно больше, столько, чтобы испортить послѣ насъ было какъ можно труднѣе. Если бы я зналъ, что я лишь родоначальникъ цѣлаго ряда русскихъ генералъ-губернаторовъ сѣверо-западнаго края, которые будутъ русскими генералъ-губернаторами, а не Дьяковыми, Хованскими и проч., я бы тоже говорилъ вмѣстѣ съ вами, Яковъ Петровичъ, что теперь расправа съ поляками походила бы на мщеніе побѣдителей. Но побѣдители ли мы вполнѣ, окончательно? Вотъ большой вопросъ. А если мы калифы на часъ и завтра здѣшній крестьянинъ снова попадаетъ въ кабалу къ польскому пану, тогда моя поспѣшная политика есть политика самая здравая и самая необходимая, а ваши, Яковъ Петровичъ, сантименты—вредные и странные сантименты. Такъ; васъ обуреваетъ жалость къ польскимъ орлятамъ, лишаемымъ роднмаго гнѣзда. Чувство почтенное, превосходное, могу сказать. Но тотъ, кто, какъ я, знаетъ, что эти польскіе орлята, какъ выростутъ, обязательно начнутъ гнать и гнести русскаго хлопа, не задастся вашими сантиментами, будетъ поступать по моимъ инструкціямъ, а не по вашимъ чувствамъ, Яковъ Петровичъ.

Такъ, вы добились возвращенія невиннаго, на вашъ взглядъ, Люблинскаго президента Ростишевскаго. Вы совершили актъ человѣколюбія, справедливости и кротости. Вы забыли объ одномъ, что, съ такою помпою добиваясь сего вердикта справедливости, вы отличное оружіе вложили въ руки заграничныхъ нашихъ враговъ. Генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ, вѣрнѣйшій и честнѣйшій слуга престола и отечества, свидѣтельствуетъ передъ всѣмъ міромъ, что варварскій режимъ Муравьева исторгалъ изъ нѣдръ добродѣтельныхъ польскихъ семействъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Какое неожиданное торжество для закордонной польской печати! Съ какимъ чувствомъ и съ какою укоризною произнесли вы, что теперь воздавать должное польскимъ мятежникамъ—значитъ казнить ихъ изъ мщенія"...

Муравьевъ помолчалъ, потомъ поднялъ свои проницательные холодные глаза на донского генерала, который былъ красенъ какъ ракъ, и добавилъ уже гораздо мягче: „Возвращайтесь, Яковъ Петровичъ, въ Сувалки, не помышляя ни о какихъ непріятностяхъ со мною. Я вамъ вѣрю, какъ честнѣйшему генералу русскаго Царя, и только прошу помнить о мотивахъ, какіе обусловливаютъ мою политику. Можетъ быть, вамъ уже не долго придется—Муравьевъ улыбнулся—имѣть начальникомъ такого варвара"... Онъ протянулъ руку и крѣпко, сердечно было рукопожатіе двухъ честныхъ русскихъ людей, столкнувшихся въ пониманіи русско-польскаго вопроса. Взволнованный вышелъ Баклановъ отъ грознаго проконсула, отъ котораго онъ въ первые слышалъ такія рѣчи. А Муравьевъ, задумчиво и съ тревогою глядя въ глаза явно надвигающемуся темному будущему, проговорилъ самому себѣ: „Ну, Михаилъ Николаевичъ, если и Баклановы начинаютъ такъ думать, такъ тебѣ, другъ мой, совершенная пора получить абшидъ и отправиться на полный покой"...

Въ маѣ мѣсяцѣ здоровье Якова Петровича видимо стало разстраиваться. Онъ просился въ четырехмѣсячный отпускъ на Донъ и 30-го января 1864 года былъ уволенъ отъ званія военнаго начальника Августовскаго отдѣла съ оставленіемъ завѣдующимъ донскими казачьими полками въ Виленскомъ округѣ.

„Съ крайнимъ сожалѣніемъ лишаясь на время полезной дѣятельности этого генерала",—писалъ Муравьевъ къ военному министру,—

„и вмѣстѣ съ тѣмъ входя въ недостаточное его состояніе, прошу ходатайства о Всемилостивѣйшемъ пособіи на леченіе и для устройства домашнихъ дѣлъ, пришедшихъ въ разстройство послѣ призыва его на службу“.

На основаніи этого ходатайства Бакланову пожаловано было единовременно пособіе въ три тысячи рублей серебромъ.

Во время отпуска Яковъ Петровичъ сильно заболѣлъ воспаленіемъ печени и, кромѣ того, его постигло еще другое несчастіе: 14-го августа въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ лечился, произошелъ сильный пожаръ, причемъ у Якова Петровича сгорѣло все имущество и всѣ наличныя деньги, такъ что онъ остался въ большой крайности и долженъ былъ переносить большія лишенія, отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ для жизни.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1865 года Яковъ Петровичъ возвратился въ Вильно. Въ слѣдующемъ году, по ходатайству командующаго войсками Виленскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Кауфмана, который писалъ, „что генералъ-лейтенантъ Баклановъ по своимъ способностямъ и прекрасному служебному такту можетъ быть весьма полезенъ для службы, а во многихъ случахъ незамѣнимымъ“—ему Всемилостивѣйше пожалована была аренда по три тысячи рублей на 12 лѣтъ, а вслѣдъ затѣмъ объявлено Высочайшее благоволеніе за отличное состояніе донскихъ казачьихъ полковъ, въ которомъ они представились на смотръ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу при г. Вильно 17-го сентября 1866 года.

Это была послѣдняя служебная награда. Вслѣдъ за этимъ должность завѣдующаго донскими казачьими полками была упразднена, и Яковъ Петровичъ Высочайшимъ приказомъ 13-го января 1867 года зачисленъ по Донскому войску.

По поводу постройки памятника Якову Петровичу Бакланову.

„Спочинь, батько, на чужому полю“!
(Гайдамаки Шевченко).

19-го октября 1873 года умеръ въ С.-Петербургѣ генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ *Баклановъ*. Находившійся въ то время въ столицѣ бывшій войсковой наказный атаманъ, генералъ-адъютантъ Чертковъ вошелъ вскорѣ послѣ похоронъ Якова Петровича рапортомъ къ г-ну военному министру, въ которомъ высказалъ, что имя покойнаго, извѣстное всей Россіи, тѣмъ болѣе популярно на Дону, который гордится Баклановымъ, какъ донскимъ уроженцемъ, прославившимъ, вмѣстѣ съ собой, и тѣ казачьи полки, которыми онъ предводительствовалъ. „Не сомнѣваясь въ общемъ сочувствіи къ памяти покойнаго, писалъ войсковой атаманъ, не только его единородцевъ, но и вообще его боевыхъ товарищей и знакомыхъ,—я считаю долгомъ предупредить несомнѣнное ихъ желаніе почтить донского богатыря“.

Самымъ приличнымъ способомъ выразить это сочувствіе представлялось въ то время устройство памятника надъ могилою усопшаго.

Вслѣдствіе этого было возбуждено ходатайство о допущеніи повсемѣстной подписки въ Имперіи для сооруженія памятника, на что, 20 декабря того же года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Согласно публикаціи о таковомъ разрѣшеніи пожертованія принимались въ атаманской канцеляріи и при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ.

Поступленіе денегъ шло вообще весьма медленно; при этомъ нелишне замѣтить, что большая часть пожертвованій были сдѣланы отъ пѣхотныхъ полковъ, губернскихъ баталіоновъ, уѣздныхъ командъ и проч., чѣмъ осязательно подтводилась популярность покойнаго Якова Петровича въ средѣ русской арміи. Къ концу 1874 года въ главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ скопилось 660 руб., кромѣ того поступили туда же 799 руб. 45 коп. отъ главной конторы газеты „Русскій Міръ“. Эти послѣднія деньги собраны были на такъ

называемомъ *Кавказскомъ* обѣдѣ, устраиваемомъ ежегодно въ Петербургѣ. Отсутствіе на обѣдѣ такой личности, какъ Яковъ Петровичъ, было слишкомъ замѣтно для участниковъ этой братской трапезы, какъ извѣстно, состоящей изъ однихъ старыхъ кавказцевъ.

Кому, какъ не его соратникамъ, могли быть лучше знакомы боевыя дарованія и нравственныя качества покойнаго?

Не удивительно поэтому, что подписной листъ, пущенный по рукамъ обѣдавшихъ, сразу далъ сумму большую, чѣмъ годовой сборъ по всей Имперіи.

Къ началу 1875 года весь сборъ пожертвованій на памятникъ Бакланову, считая въ томъ числѣ и деньги, поступившія на тотъ же предметъ въ атаманскую канцелярію, достигъ 2314 руб. 2 коп. Находя собранную сумму достаточною для предназначенной цѣли, его высокопревосходительство войсковой наказный атаманъ возложилъ на состоящихъ при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ двухъ донскихъ штабъ-офицеровъ, въ томъ числѣ и на меня, составленіе проекта памятника и наблюденіе за его возведеніемъ.

Первымъ нашимъ дѣломъ было обращеніе къ торговцамъ могильными монументами. Разсмотрѣвъ у нихъ чертежи памятниковъ и, отдѣливъ изъ числа ихъ такіе, которые, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ отвѣчали личности покойнаго, мы представили выбранные рисунки на одобреніе войскового наказнаго атамана Николая Александровича Краснокутскаго, пріѣзжавшаго въ апрѣлѣ 1875 года въ Петербургъ по случаю столѣтняго юбилея гвардейскихъ казачьихъ полковъ.

Всѣ они были забракованы его превосходительствомъ. И дѣйствительно, остановиться было не на чемъ: то были памятники извѣстныхъ типовъ, которые сотнями встрѣчаются на столичныхъ кладбищахъ, надъ могилами богатыхъ купцовъ и гражданскихъ чиновниковъ. Войсковому атаману угодно было, что бы могила Бакланова, этой грозы Кавказа, сама за себя говорила; чтобы для отысканія ея не нужно было перечитывать десятки надгробныхъ надписей; словомъ, что бы въ самомъ памятникѣ была выражена извѣстная идея, дающая посѣтителю кладбища ясное представленіе о личности, сокрытой могилою. Создать подобный памятникъ могъ только художникъ, вдохновленный разсказами о подвигахъ покойнаго Якова Петровича.

Памятникъ на могилѣ Генералъ-Лейтенанта Я. П. Бакланова на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ г. С.-Петербургѣ.

Выборъ нашъ палъ на архитектора Н. В. Набокова, редактора одного извѣстнаго въ строительномъ мірѣ художественнаго журнала.

Ознакомившись прежде всего съ боевою дѣятельностію покойнаго Якова Петровича по послужному его списку и тѣмъ краткимъ біографическимъ свѣдѣніямъ, которыя можно было найти объ усопшемъ въ изданіяхъ за 1874 годъ О. К. Траншна ([1]), Н. В. Набоковъ создалъ нижеописанный проектъ памятника.

На гранитномъ цоколѣ въ 12 вершковъ высотою, окружающемъ могилу, укрѣпленъ обломокъ гранитной же скалы, напоминающій своею фигурою извѣстный камень подъ конною статуею Петра Великаго, на Сенатской площади въ Петербургѣ. Поверхъ скалы брошена бурка; на буркѣ — папаха, шашка и знамя. Всѣ эти вещи изъ темной бронзы. Конецъ шашки и знамени выдаются съ передней стороны памятника, вслѣдствіе чего полотно и кисти знамени и темлякъ шашки висятъ передъ лицевою стороною скалы. Посреди знамени на темномъ фонѣ ярко выдѣляется золоченое изображеніе мертвой головы; по краямъ полотнища такая же надпись: „чаю воскресенія мертвыхъ". Идея знамени навѣяна художнику разсказами старшихъ кавказцевъ объ извѣстномъ на Кавказѣ черномъ Баклановскомъ значкѣ, съ бѣлою Адамовою головою и вышеприведенною надписью, сопровождавшемъ постоянно покойнаго Якова Петровича во время лихихъ набѣговъ его въ горы. Ниже знамени на лицевой сторонѣ скалы прикрѣпленъ темный бронзовый вѣнокъ изъ двухъ вѣтвей—дубовой и лавровой; вѣнокъ вѣтвями своими охватываетъ Кавказскій крестъ; затѣмъ и вѣнокъ и крестъ перевиты широкою бронзовою лентою, на которой выгравирована надпись,—кому принадлежитъ могила. Проектовъ надписей на могилѣ было нѣсколько; въ томъ числѣ были присланы намъ кавказскимъ ветераномъ полковникомъ Филькнеромъ слѣдующіе стихи:

([1]) Въ то время еще не появлялось въ печати прекрасное жизнеописаніе генерала Бакланова, составленное Потто.

Къ памятнику генералъ-лейтенанту войска Донского Якову Петровичу Бакланову.

Любимецъ побѣды, вождь именитый,
Спи безмятежно маститый герой!
Миртомъ и лавромъ достойно увитый
Здѣсь ты обрѣлъ себѣ вѣчный покой.—
Донъ и Кавказъ одинаково правы,
Сыномъ своимъ почитая тебя:
Кавказъ для героя—родина славы!
Донъ—колыбель и родная семья!

Исходя изъ той мысли, что имя Бакланова извѣстно всей Россіи, что покойникъ принадлежитъ къ числу такихъ народныхъ героевъ, для которыхъ всякія намогильныя восхваленія излишни, рѣшено было ограничиться простою надписью: **„Войска Донского генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ, родился въ 1808 г.** (2), **умеръ въ 1873-мъ“.** Такъ какъ мѣсяцъ и число рожденія неизвѣстны, то и обозначеніе времени смерти ограничено только указаніемъ года кончины. На скалѣ, въ разныхъ направленіяхъ полагалось высѣчь названіе всѣхъ тѣхъ мѣстностей, съ которыми связана слава о подвигахъ Бакланова. Для выбора названій мѣстностей служилъ объемистый послужной списокъ Якова Петровича. Перечень всѣхъ битвъ, въ которыхъ принималъ участіе покойникъ испещрилъ бы слишкомъ памятникъ, почему рѣшено было ограничиться главнѣйшими, а именно: **сел. Кулевчи, г. Месемврія, укр. Вознесенское, укр. Шаухалъ-Берды, г. Аѳіола, хреб. Качкалыкъ, аулъ Махмутъ-юртъ, Перкиханъ-Тала, Бейкъ-Которо, р. Мичикъ, аулъ Гурдали, Шалинская поляна, Урусъ-Мартанъ, кр. Карсъ.**

Вокругъ памятника предполагалась изящная ограда, состоящая изъ 120 орудій, перевитыхъ въ три ряда цѣпью. Описанный проектный рисунокъ памятника былъ препровожденъ на предварительное заключеніе войскового наказнаго атамана въ г. Новочеркасскъ, гдѣ, какъ извѣстно, былъ выставляемъ въ залахъ дворянскаго собранія на судъ публики.

По одобреніи рисунка его высокопревосходительствомъ, было

---

(2) По послѣднимъ свѣдѣніямъ годъ рожденія Я. П. Бакланова установленъ—1809.—*Ред.*

приступлено къ выполненію самого проекта. Такъ какъ памятникъ долженъ былъ состоять, кромѣ гранита, еще изъ многихъ бронзовыхъ частей, то работы по его устройству не могли быть отданы въ однѣ руки. Обтеска гранитной скалы, выдѣлка могильнаго склепа и кладка цоколя были поручены петербургскому ремесленнику Ефимову, имѣющему монументныя мастерскія при двухъ столичныхъ кладбищахъ— Волковомъ и Новодѣвичьемъ. Вся же бронза, какъ то: бурка, папаха, знамя, вѣнокъ, шашка, Кавказскій крестъ и лента съ надписью—были заказаны извѣстному по изяществу своихъ работъ фабриканту бронзовыхъ издѣлій Феликсу Шопену. Ни Ефимовъ, ни Шопенъ не рѣшились приступить къ работамъ по однимъ детальнымъ чертежамъ; имъ понадобились модели частей памятника.

Для этого дѣла приглашенъ былъ скульпторъ Дылевъ, которому и заказана была разборная алебастровая модель памятника въ натуральную величину его. Стоимость модели не входила въ первоначальное наше соображеніе, поэтому собранныхъ на сооруженіе памятника денегъ оказывалось теперь недостаточно. Такъ какъ приливъ пожертвованій къ тому времени уже прекратился, то мы вынуждены были просить объ ассигнованіи недостающей суммы изъ общаго войскового капитала.

2-го іюля 1876 года, военный совѣтъ, журналомъ своимъ, положилъ: отпустить изъ суммъ Войска Донского 350 рублей, недостающихъ на сооруженіе надгробнаго памятника генералъ-лейтенанту Бакланову.

Изготовленіе модели заняло не мало времени; Дылевъ не совладалъ съ лѣпкою бурки и значка. Оставивъ безъ передѣлки вылѣпленную имъ фигуру скалы, для модели бронзовыхъ частей памятника пришлось обратиться къ извѣстному художнику Гаврилову, поставщику скульптурныхъ вещей при Петербургскихъ Императорскихъ театрахъ.

Къ веснѣ 1877 года все было улажено: модель была готова и части ея развезены по мастерскимъ Ефимова и Шопена. Въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ памятникъ готовъ былъ къ осени того-же года, но сборку его на могилѣ пришлось отложить, вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, до весны слѣдующаго года. Весною снова встрѣтилась за-

держка. Фабрикантъ Шоповъ, выбранный въ число жюри всемірной выставки, уѣхалъ въ маѣ въ Парижъ, гдѣ оставался до конца августа мѣсяца. Такимъ образомъ пригонка бронзы къ граниту и укрѣпленіе ея на гранитѣ были поневолѣ отложены до осени истекшаго года.

Въ окончательномъ своемъ видѣ памятникъ нѣсколько различествуетъ отъ проекта, а именно: перечень битвъ, въ которыхъ наиболѣе выказалъ свои доблести покойный Яковъ Петровичъ, перенесены со скалы на цоколь; изящная ограда изъ пушекъ и цѣпей въ три ряда замѣнены болѣе простою изъ гранитныхъ шаровъ, соединенныхъ цѣпью въ одинъ рядъ.

Сооруженію проектированной ограды служилъ главнымъ препятствіемъ недостатокъ денежныхъ средствъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи.

По приблизительному расчету на первоначально предположенную ограду вокругъ памятника требовалось не менѣе 20 саженей цѣпи, что представляетъ расходъ въ 240 рублей; затѣмъ, по невозможности имѣть настоящія чугунныя артиллерійскія орудія (отливаемыя, какъ извѣстно только на казенныхъ заводахъ исключительно для потребностей государственныхъ) приходилось довольствоваться балванками, имѣющими лишь наружное очертаніе пушекъ. Полагая цѣну чугунной балванки въ 25 рублей, стоимость ограды достигла 540 рублей, на покрытіе которыхъ источниковъ болѣе не предвидѣлось.

Закончивъ разсчеты по сооруженію памятника, мы представили всѣ документы въ расходованіи денегъ на сей предметъ начальнику главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ, который, въ свою очередь, препроводилъ нашъ отчетъ войсковому наказному атаману. Хотя, такимъ образомъ, всѣ документы по сооруженію памятника Якову Петровичу Бакланову, находясь нынѣ въ атаманской канцеляріи, могутъ быть провѣрены всякимъ интересующимся этимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе мы находимъ умѣстнымъ представить, путемъ печати, на судъ общества извлеченіе изъ помянутаго отчета.

Всего было получено нами разновременно на сооруженіе памятника генералъ-лейтенанту Бакланову:

1) Пожертвованій разными лицами } изъ Госуд. банка 1.668 р. 67 к. —Главнаго казн. 48 р. 94 к.

2) Изъ атаманской канцеляріи 762 р. 70 к.

3) Взысканныхъ съ казака Ивана Шлычкова 15 р.

4) Пожертвованныхъ жителями станицы Луганской 5 руб. 89 к.

5) Асигнованныхъ изъ общаго войскового капитала 350 руб.

Итого 2.851 р. 20 к.

Расходъ помянутыхъ денегъ былъ слѣдующій:

1) Въ уплату за книжку чековъ Государственнаго Банка 50 к.

2) Нотаріусу Успенскому за совершеніе трехъ условій съ фабр. Шопеномъ, ремесл. Ефимовымъ и скульпт. Дылевымъ 49 р. 50 к.

3) Архитектору Набокову (проектъ и наблюденіе за работами) 150 руб.

4) Скульпт. Дылеву (разборная модель въ натуральную величину) 500 руб.

5) Фабриканту Шопену (бронзовыя части монумента) 1.200 р.

6) Ремесленнику Ефимову (выкладка склепа и гранитная скала) 800 р.

7) Ему же особо за ограду вокругъ памятника 75 р.

и 8) Смотрителемъ кладбища Новодѣвичьяго монастыря братьямъ Ломакинымъ (содержаніе могилы въ чистотѣ) на два года 25 р.

Итого 2.800 руб.

Оставшіеся, затѣмъ, 51 руб. 20 коп хранятся, согласно желанія войскового наказнаго атамана, въ депозитахъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ на случай могущаго быть впослѣдствіи ремонта памятника.

Исполнивъ возложенное на насъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ порученіе, намъ остается просить г—дъ жертвователей на памятникъ генералу Бакланову, когда кто изъ нихъ бываетъ въ Петербургѣ, не поставить себѣ за трудъ посѣтить кладбище Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря съ цѣлью поклониться праху славнаго Донского воина и воочію удостовѣриться: на сколько добросовѣстно окончено нами, довѣренное нашимъ заботамъ, общественное дѣло?

Для лицъ незнакомыхъ съ планомъ Петербурга считаемъ нелишнимъ объяснить при семъ, какъ удобнѣе отыскать могилу генерала

Бакланова. Новодѣвичій монастырь находится по Царскосельскому шоссе близъ тріумфальныхъ воротъ. Доѣхать до него изъ центра города нынѣ весьма удобно въ вагонахъ желѣзно-конной дороги. Чтобы попасть на кладбище, нужно пройти переднiй дворъ монастыря, обогнувъ съ правой стороны храмъ и жилыя постройки. Хотя монастырское кладбище сдѣлалось въ послѣднее время моднымъ и содержится въ прекрасномъ порядкѣ, тѣмъ не менѣе тяжелыя чувства охватываютъ посѣтителя, когда онъ вступаетъ въ это царство смерти. Вотъ, на право отъ входа, великолѣпный мавзолей надъ могилою бывшаго откупщика, еще далѣе нѣсколько пышныхъ памятниковъ съ княжескими и графскими гербами, невольно наводящими на грустныя думы о тщетѣ всего земного. Повернувъ мимо кладбищенской часовни направо, начинается 2-й разрядъ могилъ: здѣсь памятники менѣе изящны, изрѣка попадаются межъ ними и простые деревянные кресты. Шагахъ во сто отъ часовни, по направленію къ югу, находится могила Якова Петровича; ее не нужно долго отыскивать. Бронзовая бурка и папаха на большомъ гранитномъ камнѣ, вмѣстѣ съ темнымъ Баклановскимъ значкомъ, на которомъ ярко выдѣляются золоченая Адамова голова, тотчасъ бросаются въ глаза.

Вниманіе посѣтителя тотчасъ приковываютъ надписи на цоколѣ; въ воображеніи невольно рисуются грозныя кровавыя сѣчи, память о которыхъ соединена съ высѣченными на камнѣ именами, а доносящійся по временамъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ съ пробнаго артиллерійскаго поля, примыкающаго къ кладбищу, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ душевнымъ настроеніемъ посѣтителя.

Александръ Грековъ.

(„Донскія" Обл. Вѣдомости", ч. неофиц., за 1879 г., № 15).

Памяти Якова Петровича Бакланова.

I.

Письмо казака къ Редактору „Донской Газеты“ 1874 г.

Милостивый Государь,
г. Редакторъ!

Прошу простить мою смѣлость, что я къ вамъ обращаюсь съ просьбой, потому извѣстно, что вы казакъ по крови и духу, а потому поймете горе казака и не откажете помочь ему. Недавно угодно было Господу отозвать въ свое лоно нашего вѣрнаго слугу отечества, нашего страшнаго враговъ воителя, нашего желаннаго Якова Петровича.... Дрогнули наши сердца при этой вѣсти и, признаться, такъ всплакнули, а въ особенности, когда старики наши, односумы его въ ту пору, стали разсказывать про его дѣла на Кавказѣ и подъ Карсомъ и про то, какъ имъ сытно, весело и славно (было) служить подъ его началомъ и какъ всѣ войска любили ходить съ нимъ на смерть. Одни трусы его не хвалили. Ну, да извѣстно, что эта порода людей, какъ клопы солнца, героевъ не любятъ и не уживаются съ ними. Теперь къ намъ другая не веселая вѣсть пришла, что будто бы его памятникъ хотятъ поставить не у насъ на Дону, а въ Питерѣ, на кладбищѣ. Неужели это правда, неужели наша слава, наша гордость такъ таки до конца останется тамъ? Нѣтъ, не можетъ быть тому, промолвите ваше слово въ вашей газетѣ, взмолитесь. Услышать добрые люди и вѣрно похлопочутъ о томъ, чтобы памятникъ Якову Петровичу былъ воздвигнутъ здѣсь на Дону на радость намъ и въ поученіе нашимъ дѣтямъ, а покойному герою въ вѣчную память.

Войсковой Атаманъ нашъ станичникъ (*); навѣрное, и онъ за-

(*) Бывшій въ то время Войсковымъ наказнымъ атаманомъ Войска Донского генералъ-адъютантъ М. М. Чертковъ принадлежалъ къ станицѣ Каменской.—*Ред. Сб.*

молвить за насъ слово. Затѣмъ простите. Молю Бога, чтобы вы были здоровы и чтобы Господь сподобилъ посмотрѣть на памятникъ моего сослуживца, односума и начальника Якова Петровича.

Вашъ доброжелатель и богомолецъ казакъ Тарасъ *Колесниковъ.*

Январь 1874 г.
Ст. Каменская.

II.

Донцу-герою (1).

Честь и гордость атамановъ,
Богатырь, боецъ лихой,
Здравствуй, храбрый нашъ герой,
Разудалый нашъ Баклановъ!
Ты умѣлъ себя покрыть
Славой чистой и завидной;
Про тебя, ей-ей, не стыдно
Пѣсню звонкую сложить.
Ты геройскими дѣлами
Славу дѣдовъ и отцовъ
Воскресилъ опять межъ нами;
Ты казакъ изъ казаковъ!
Не пришлецъ, не новобранецъ,
Ты и тѣломъ и душой
Истый сынъ страны родной,
Не тума, не самозванецъ.
Древней славы ермаковской
Надъ тобою блещетъ лучъ:
Ты какъ соколъ изъ-за тучъ
Бьешь сноровкою платовской;
Честь геройскую любя,
Въ бой летишь на пропалую:

---

(1) Стихотвореніе это написано авторомъ онаго еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ и тогда же послано было Я. П. Бакланову на Кавказъ однимъ изъ близкихъ друзей покойнаго героя.—*Примѣч. ред. „Донской Газеты“.*

Стихотвореніе: „Донцу-герою“ напечатано въ сочиненіи ген. Потто: „Яковъ Петровичъ Баклановъ“, съ небольшими варіаціями и незначительными пропусками. Мы не знаемъ, кому принадлежатъ эти измѣненія, но печатаемъ стихотвореніе въ первоначальномъ его видѣ. Какъ извѣстно, оно принадлежитъ перу знаменитаго донского поэта А. А. Леонова.—*Ред. Сб.*

За Царя и Русь святую
Не жалѣешь ты себя.
Слышу: ты орломъ могучимъ
Мчишься съ долу къ облакамъ;
По тернамъ, кустамъ колючимъ
Лѣзешь змѣемъ здѣсь и тамъ;
Сѣрымъ волкомъ въ полѣ рыщешь;
Бродишь лѣшимъ по ночамъ:
И себѣ ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагамъ!
Ходишь въ шапкѣ-невидимкѣ,
Въ скороходахъ-сапогахъ;
Иль летишь на буркѣ-сивкѣ,
Какъ колдунъ на облакахъ;
Сытъ желѣзной просфорою,
Спишь на конскомъ арчакѣ;
И за то прослылъ грозою
Ты на Сунжѣ на рѣкѣ.
Свиснешь,—листъ съ деревъ валится;
Крикнешь,—въ мигъ передъ тобой
Рать удалая родится,
Словно въ сказочкѣ какой.
А, межъ тѣмъ, твое богатство
Въ капшукѣ одинъ абазъ (²)!
Но за то души пріятство,
Сердце чисто как алмазъ;
Но за то тебя, героя,
Всякъ любитъ и славитъ радъ;
Но за то ты въ вихрѣ боя
Молодечествомъ богатъ.
Такъ храбруй же (³) не робѣя,
Покажи себя врагамъ:
Ухитрись, поймай злодѣя,
Привези Шамиля намъ!
А за то тебѣ мы, воинъ,
Пѣсню новую споемъ:
Ты герой нашъ, ты достоинъ
Называться казакомъ!

А. Л.

(„Донская Газета", 20 января 1874 г., № 6).

(²) Капшукъ—небольшая киса, портмонэ. Абазъ—мелкая серебряная монета.

(³) Храбровать, тоже что молодечествовать, національное выраженіе.

III. Изъ воспоминаній о Я. П. Баклановѣ.

1.

Покойный генералъ-адъютантъ князь *Дм. Ив. Святополкъ-Мирскій*, братъ бывшаго войскового наказнаго атамана Войска Донского, князя Н. И. Святополкъ-Мирскаго, однажды, въ бытность свою въ Новочеркасскѣ, при разговорѣ о генералѣ Я. П. Баклановѣ, разсказалъ, между прочимъ, о первой его встрѣчѣ и о послѣднемъ свиданіи съ нимъ. Первая встрѣча съ Баклановымъ была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: во время одной экспедиціи въ горахъ Кавказа кн. Д. И. Святополкъ-Мирскій былъ раненъ и та часть отряда, въ которой онъ находился, была атакована горцами съ такимъ натискомъ, что отражать непріятеля становилось уже слишкомъ трудно, а горцы, ободренные своимъ успѣхомъ, наѣдали со всею силою свойственной имъ храбрости. Въ это время вдали изъ-за лѣса показалась крупная фигура какого-то всадника, по виду донского офицера, спокойно осмотрѣвшаго мѣстность и также спокойно возвратившагося назадъ.

Досадно было видѣть этого всадника, какъ бы безучастно отнесшагося къ изнемогавшимъ въ борьбѣ съ неравными силами. Но прошло нѣсколько минутъ, какъ стало замѣтно ослабленіе натиска, а затѣмъ вскорѣ чеченцы разсыпались, куда попало, и ихъ какъ не бывало. Оказалось, что Баклановъ съ своими казаками изъ-за лѣса зашелъ въ тылъ чеченцамъ и они въ паническомъ страхѣ спѣшили укрыться отъ него, порядочно поплатившись своими головами.

Въ послѣдній разъ кн. Дм. Ив. Святополкъ-Мирскій видѣлся съ Я. П. Баклановымъ въ Виленскомъ краѣ. Случилось имъ встрѣтиться въ одномъ изъ мѣстечекъ августовскаго отдѣла, гдѣ оказался и еще одинъ старый кавказецъ. За вечернимъ чаемъ шла дружеская бесѣда, дѣлились они воспоминаніями о кавказской жизни и боевыхъ дѣлахъ. Вдругъ входитъ въ комнату вѣстовой и докладываетъ Бакланову, что какой-то офицеръ проситъ позволенія представиться.

— Проси, былъ отвѣтъ.

Входитъ стройный молодой офицеръ и рекомендуется: „капитанъ

Скобелевъ. Проѣздомъ чрезъ мѣстечко узнавъ, что здѣсь находится герой Кавказа генералъ Баклановъ, я счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству".

— Очень радъ познакомиться, отвѣчалъ Баклановъ, и дружески обнялъ Скобелева, чувствуя въ немъ сердцемъ будущаго героя.

Скобелевъ былъ принятъ въ общую компанію старыхъ кавказцевъ и вполнѣ обласканный ихъ гостепріимствомъ провелъ вечеръ въ ихъ средѣ, выразивъ при отбытіи глубокую признательность за оказанную ему честь. И Баклановъ тогда же предсказалъ Скобелеву блестящую боевую будущность.

2.

Въ „Историческомъ Журналѣ" за 1909 годъ (февраль) помѣщена статья г. Васюкова: „Былые дни и годы", въ которой онъ, между прочимъ, упоминаетъ и объ Я. П. Баклановѣ.

Обучаясь въ шестидесятыхъ годахъ въ Горномъ институтѣ въ Петербургѣ, г. Васюковъ познакомился съ нашимъ донцомъ Чиковымъ, родственникомъ Я. П. Бакланова. Чиковъ въ одно изъ воскресеній повелъ г. Васюкова обѣдать къ Я. П. Бакланову.

„Былъ первый часъ,—говоритъ г. Васюковъ,—и генералъ только что пришелъ изъ церкви, переодѣвался. Онъ вышелъ въ какомъ-то архалукѣ и крикнулъ: „обѣдать"!

Помню, сейчасъ же казакъ принесъ жирныя щи. На столѣ, кромѣ приборовъ, стоялъ графинчикъ съ водкой.

— А, революціонеры!—обратился онъ къ намъ. Какъ дѣла? Когда думаете штурмовать Петропавловскую крѣпость?

Мы сѣли за столъ.

— Водку пьете?—обратился ко мнѣ сурово Баклановъ.

Я никогда не пилъ, но точно что толкнуло меня сказать: „позвольте". Хозяинъ налилъ не рюмку, а порядочный стаканчикъ, изъ котораго пилъ самъ. Я проглотилъ эту жидкость и страшно опьянѣлъ. Помню жирныя щи, открытую волосатую грудь генерала съ висѣвшимъ широкимъ крестомъ; помню его зычный голосъ, когда онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „Съ государствомъ хотите воевать, а съ маленькимъ стаканчикомъ водки не можете справиться? Эхъ, вы, гере-казаки".

Торжества въ память покойнаго генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова 15 марта 1909 года.

Для чествованія памяти покойнаго генералъ-лейтенанта *Якова Петровича Бакланова* 15 марта 1909 года былъ установленъ особый церемоніалъ, предварительно разсмотрѣнный и утвержденный Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ.

Вотъ этотъ церемоніалъ:

1) Послѣ Божественной литургіи, въ Новочеркасскомъ войсковомъ каѳедральномъ соборѣ совершена будетъ торжественная панихида по усопшемъ Яковѣ Петровичѣ Баклановѣ въ присутствіи войскъ всего гарнизона и учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

2) По распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Архіепископа Донского и Новочеркасскаго, панихиды будутъ совершены во *всѣхъ церквахъ* станицъ Войска Донского.

3) Въ Новочеркасскѣ будетъ устроенъ въ военномъ собраніи посвященный памяти генерала Бакланова вечеръ, во время котораго должно быть сдѣлано сообщеніе (докладъ) о личности генерала Бакланова и его значеніи для Войска Донского.

4) Такія же сообщенія будутъ сдѣланы во всѣхъ военно-учебныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также во всѣхъ частяхъ войскъ.

5) Такія же сообщенія будутъ сдѣланы по распоряженію окружныхъ атамановъ въ окружныхъ станицахъ.

6) Въ военномъ собраніи будетъ поставленъ къ 15 ч. марта портретъ генерала Бакланова.

7) Открывается подписка среди казаковъ Войска Донского на постановку памятника.

8) Мѣстомъ для памятника избранъ г. Новочеркасскъ.

9) Одна изъ улицъ Новочеркасска переименовывается въ „Баклановскую“.

10) Предположено установить особый призъ за стрѣльбу въ лагерныхъ сборахъ имени генерала Бакланова.

11) 17-му Донскому генерала Бакланова полку предположено предоставить право вывозить въ строй значекъ генерала Бакланова (вмѣсто установленнаго полкового).

12) Одну изъ войсковыхъ стипендій въ Донскомъ Императора Александра III кадетскомъ корпусѣ предположено назвать *„стипендіей генерала Бакланова“*, съ предоствленіемъ таковой потомкамъ его, а за неимѣніемъ таковыхъ—гражданамъ Баклановской станицы.

13) Предположено отпускать изъ войскового капитала ежегодно по 50 руб. Воскресенскому дѣвичьему монастырю въ С.-Петербургѣ для ухода и поддержанія въ порядкѣ памятника генералу Бакланову.

Чествованіе
Я. П. Бакланова въ г. Новочеркасскѣ.

Столѣтняя годовщина со дня рожденія героя Кавказа и Русско-Турецкой войны генералъ-лейтенанта Войска Донского Якова Петровича *Бакланова* отпразднована на Дону съ большимъ торжествомъ.

Въ войсковомъ каѳедральномъ соборѣ совершена была архіерейскимъ служеніемъ Божественная литургія.

Соборъ былъ переполненъ молящимися. При Богослуженіи присутствовали: Войсковой наказный атаманъ, генералъ-лейтенантъ, *А. В. Самсоновъ*, начальникъ войскового штаба, его помощникъ, начальникъ Донской артиллеріи, младшій помощникъ войскового наказнаго атамана по гражданской части, черкасскій окружной предводитель дворянства, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, какъ всѣхъ строевыхъ частей, такъ и состоящіе на льготѣ, многіе изъ состоящихъ въ отставкѣ ([4]) и представители различныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній.

Предъ окончаніемъ литургіи Высокопреосвященный Владиміръ,

([4]) Въ числѣ которыхъ были ветераны: генералъ отъ кавалеріи А. Г. Жеребковъ, генералъ-лейтенантъ И. Э. Грековъ, сослуживецъ Бакланова, и друг.

Архіепископъ Донской и Новочеркасскій произнесъ слѣдующее поученіе.

„Совершивъ безкровное жертвоприношеніе Господу Богу (говорилъ Владыка) за живыхъ и умершихъ христіанъ, мы считаемъ своимъ архипастырскимъ долгомъ предложить вашему вниманію, братіе, поучительное наше слово.

Государство, общество, народъ выражаютъ тѣмъ лицамъ, кои оказали услуги обществу, свою благодарность сооруженіемъ имъ памятниковъ или какими либо въ честь ихъ учрежденіями, дабы память объ этихъ лицахъ оставалась надолго и передавалась отдаленному потомству. А св. Церковь о такихъ лицахъ совершаетъ молитвенное поминовеніе.

Яковъ Петровичъ *Баклановъ*, рожденіе котораго мы нынѣ воспоминаемъ, обладалъ великою мощью и безпредѣльною любовью къ Царю и Отечеству. Будучи воиномъ Царя земного, онъ былъ воиномъ и Царя небеснаго. Откуда же онъ воспринялъ, кто воспиталъ въ немъ столь высокія качества? Не обинуясь скажемъ, что качества эти воспитала въ немъ вѣра православная, вѣра апостольская, вѣра отеческая,—вѣра, вселенную утвердившая. Извѣстно, что образованія Яковъ Петровичъ не получилъ. Все его образованіе ограничивалось одной грамотой и книгою псалмовъ, которымъ онъ учился у клирика. Но недостатокъ образованія Яковъ Петровичъ восполнялъ вѣрою, которой въ наше время не придаютъ значенія. Но въ прежнее время и другой нашъ знаменитый полководецъ Суворовъ вѣрѣ придавалъ весьма важное значеніе. Вѣра оказывала большое вліяніе на успѣхъ его дѣла. Скажемъ, поэтому, нѣсколько словъ о значеніи вѣры.

Вѣра служила и служитъ главнѣйшимъ основаніемъ великаго благоустроеннаго государства. Что было дороже всего нашимъ предкамъ? Вѣра православная: она воодушевляла ихъ на самоотверженные подвиги. „Постоимъ за вѣру православную!“—говорили предки наши. Вѣра—лучшая воспитательница и просвѣтительница народа: она противница пороковъ, которые ведутъ народъ къ паденію. Въ наше время всѣ стремятся къ образованію умственному. Правда, это образованіе озаряетъ и возбуждаетъ наши умы, но не направляетъ сердецъ нашихъ къ Творцу, не согрѣваетъ ихъ любовью къ Нему. Если бы въ

людяхъ сердце было воспитано на св. Евангеліи, то развѣ распространились бы среди насъ такъ широко ложь, обманъ и всякая неправда? Присмотримся къ другимъ недугамъ нашего времени: всѣ они укореняются въ насъ оттого, что вѣра наша слабѣетъ. Кто у насъ въ обществѣ возстанетъ на защиту истинной вѣры? Не скорѣе ли вы встрѣтите глумленіе надъ св. вѣрою? Оттого-то такъ смѣло являются къ намъ лживые вѣропроповѣдники и, къ сожалѣнію, имѣютъ немалый успѣхъ. Даже здѣсь, въ храмѣ Господнемъ, многіе христіане не желаютъ слушать проповѣди истиннаго слова Божія и свободно предаются празднымъ постороннимъ разговорамъ, поэтому слово Божіе и не касается ихъ сердца. Какъ это прискорбно для проповѣдника слова Божія. Уходя, уклоняются наши слушатели отъ слова Божія и никакой пользы не получаютъ для спасенія своей души. Одебелѣ сердце такихъ людей, духовныя очи ихъ смежились! Вотъ почему умственное развитіе людей нашего времени растетъ, но вѣра ихъ слабѣетъ, и они далеко уходятъ отъ нея.

Да послужитъ намъ примѣромъ въ вѣрѣ приснопамятный рабъ Божій Іаковъ, воспитанный въ духѣ вѣры православной и съ нею совершившій свои славные подвиги".

Затѣмъ на соборной площади была отслужена панихида по усопшемъ Яковѣ Петровичѣ съ провозглашеніемъ ему „вѣчной памяти".

Обширная соборная площадь была занята частями войскъ, воспитанниками и воспитанницами всѣхъ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній, не исключая и частныхъ (были даже воспитанники духовнаго училища и воспитанницы епархіальнаго училища) и многочисленнымъ собраніемъ народа.

Подъ наметомъ, нарочито для сего устроеннымъ, панихиду совершалъ Преосвященный Викарій Епископъ Іоаннъ съ духовенствомъ, при участіи войсковаго хора пѣвчихъ. Трогательное моленіе и стройное пѣніе неслось въ высь небесную и вызывало горячія молитвы присутствовавшихъ.

Суровая и сырая погода съ утра, къ 12 часамъ дня перемѣнилась въ теплую, безъ дождя, чувствовался сквозь легкій туманъ при-

грѣвъ весенняго солнца, и все это вполнѣ благопріятствовало торжеству.

Кончилась панихида, Епископъ и духовенство возвратились въ храмъ. Войсковой наказный атаманъ, съ возвышенія помоста, обратился къ находившемуся на площади собранію съ слѣдующими, приблизительно, словами: „Станичники и дѣти! Сто лѣтъ тому назадъ родился донской герой Яковъ Петровичъ Баклановъ, за котораго мы нынѣ молились и память котораго торжественно чествуемъ.—Да почему же все это совершается? Да потому, что Яковъ Петровичъ служилъ вѣрою и правдою Царю и Отечеству, не щадя своей жизни, и своими доблестными подвигами прославилъ тихій Донъ. Пусть же его подвиги послужатъ примѣромъ и для насъ. И когда Царь призоветъ насъ, взрослыхъ, и васъ, дѣти, когда вы подростете, не будемъ и мы щадить своихъ силъ на защиту родины и на славу тихому Дону. А теперь, по старинному, дружно провозгласимъ: „ура“!

Общее восторженное „ура“ огласило площадь и среди возмужалыхъ возгласовъ раздавались также звучные голоса дѣтскіе.

Затѣмъ войсковой наказный атаманъ объявилъ, что въ настоящее время въ память столѣтняго юбилея Я. П. Бакланова разрѣшено Троицкій проспектъ въ Новочеркасскѣ наименовать *Баклановкимъ* и открыть подписку для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника генералу Бакланову.

Послѣ обхода воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, съ которыми его превосходительство привѣтливо здоровался, войска были отпущены по домамъ. Стройные ряды кадетовъ Донского Императора Александра III-го кадетскаго корпуса, юнкеровъ Новочеркасскаго юнкерскаго училища, всѣхъ частей гарнизона, военно-фельдшерской школы, военно-ремесленнаго училища и, въ заключеніе, маленькихъ питомцевъ приготовительнаго пансіона кадетскаго корпуса, съ гордостью подражавшихъ своимъ будущимъ старшимъ товарищамъ, прошли мимо атамана подъ звуки церемоніальнаго марша.

Для вечерняго чествованія, посвященнаго памяти Я. П. Бакланова, 15 марта, утверждена была слѣдующая программа.

Отдѣленіе I.

Докладъ подполковника Генеральнаго штаба Герасимова о жизни и дѣятельности Я. П. Бакланова и его значеніи для Войска Донского.

1. *Подготовка къ боевой дѣятельности* (1809—1845 гг.):

а) Дѣтство и юность до производства въ офицеры (1809 — 1828 гг.).

б) На войнѣ — младшимъ офицеромъ (1828—1829 гг.).

в) На правомъ флангѣ Кавказской линіи—сотеннымъ командиромъ (1834—1837 гг.).

г) На Дону въ учебномъ полку (1839—1841 гг.).

д) Въ Польшѣ —до производства въ штабъ-офицеры (1841—1845 гг.).

Отдѣленіе II.

Продолженіе доклада подполковника Герасимова:

2. *Боевая дѣятельность генерала Бакланова* (1845—1864 гг.).

а) На лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи (1845—1855 гг.).

б) Подъ Карсомъ (1855 г.).

в) Въ Польшѣ (1863—1864 гг.).

Заключеніе.

Отдѣленіе III.

1) Маршъ „Генералъ Баклановъ“, написанный капельмейстеромъ г. Хланда съ мотивомъ Баклановской пѣсни. Исп. войсковой оркестръ.

2) Баклановскія пѣсни.

а) „Честь прадѣдовъ атамановъ“.

б) „Баклановцы молодцы“.

в) „Приказалъ Баклановъ палатки снимать“.

г) „За горами, за скалами, Русскій лагерь тамъ разбитъ“. Исп. войсковой хоръ.

3) Общеказачьи пѣсни.

а) „Славьтесь, славьтесь, казаки“.

б) „Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ. Исп. войсковые хоръ и оркестръ.

Начало въ 8 час. вечера.

Къ назначенному времени 8 ч. вечера обширный, ярко освѣщенный залъ Донского военнаго собранія былъ переполненъ собравшимися почтить память Я. П. Бакланова. Преобладающее большинство составляли военные, въ числѣ которыхъ было много генераловъ, но не мало было лицъ и не военнаго сословія, такъ какъ имя героя пользуется на Дону общимъ уваженіемъ. Здѣсь же присутствовали три внука и три внучки покойнаго Якова Петровича.

На видномъ мѣстѣ въ углу правой стороны зала находился портретъ Я. П. Бакланова, красиво убранный флагами и различнымъ казачьимъ и турецкимъ (трофеями минувшихъ старинныхъ войнъ) оружіемъ, а подъ портретомъ на бархатной подушкѣ лежала обнаженная кавказская боевая шашка чествуемаго героя (принадлежащая Донскому музею).

Въ собраніе прибыли Войсковой Наказный Атаманъ Войска Донского, генералъ-лейтенантъ *А. В. Самсоновъ* со свитою, старшій помощникъ Войскового Наказнаго Атамана по гражданской части, генералъ-лейтенантъ *А. М. Грековъ*, горячій почитатель чествуемаго героя, начальникъ войскового штаба, генералъ-лейтенантъ *А. А. Смагинъ*, ветераны-генералы: *А. Г. Жеребковъ*, *Н. Ѳ. Грековъ* и друг. заслуженныя лица.

Вечеръ открылся докладомъ подполковника Генеральнаго штаба *Е. М. Герасимова* (см. стр. 1—57 наст. Сборника).

Обширный докладъ, раздѣленный на двѣ части, занялъ два часа времени.

Умѣлое изложеніе доклада, широко охватывавшаго жизнь и дѣятельность Я. П. Бакланова, и прекрасная дикція лектора сразу приковали общее вниманіе; весь же докладъ и въ особенности заключительная часть его производили на слушателей глубокое впечатлѣніе и лекторъ щедро былъ награжденъ продолжительными восторженными аплодисментами.

Вслѣдъ за докладомъ войсковой оркестръ (подъ управленіемъ капельмейстера Хланда), исполнилъ написанный послѣднимъ ко дню юбилея маршъ *„Генералъ Баклановъ“*, выслушанный, въ знакъ уваженія, всѣми стоя, а войсковой хоръ (подъ управленіемъ регента Коносова) пропѣлъ по очереди (съ перерывами) четыре казачьихъ пѣсни, прославляющихъ подвиги Бакланова на Кавказѣ и подъ Карсомъ, изъ которыхъ особенно была трогательна, по своему содержанію и напѣву, относящаяся къ штурму Карса: „приказалъ Баклановъ палатки снимать“ (см. стр. 164).

Пѣніе заканчивалось весьма кстати подобранными къ баклановскимъ пѣснямъ донскимъ гимномъ: „Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ“ и пѣснью „Славьтесь, славьтесь, казаки“.

Весь вечеръ, окончившійся уже поздно, отличался общимъ патріотическимъ настроеніемъ и всѣмъ присутствовавшимъ доставилъ полное утѣшеніе. Было высказано много воспоминаній о чествуемомъ героѣ Дона, съ которымъ иные служили, другіе лично были знакомы, а всѣ вообще знали Бакланова какъ героя и какъ выдающагося изъ общей среды по природному уму и другимъ качествамъ человѣка.

Потомкамъ его было оказано и Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ, и всѣми присутствовавшими особенное вниманіе, какъ представителямъ достойнаго предка.

Многими были высказаны пожеланія о скорѣйшей постановкѣ въ Новочеркасскѣ памятника Я. П. Бакланову, а общія мысли всѣхъ сводились къ тому, что лучшимъ памятникомъ для Якова Петровича было бы перенесеніе праха его и могильнаго памятника изъ С.-Петербурга въ Новочеркасскъ.

Такъ кончилось юбилейное чествованіе знаменитаго сына Дона и память о немъ сохранится надолго въ признательномъ потомствѣ.

Х. Поповъ.

Чествованіе
Я. П. Бакланова донцами въ г. С.-Петербургѣ.

14-го марта, наканунѣ *столѣтія* со дня рожденія знаменитаго Донского героя, генералъ-лейтенанта *Якова Петровича Бакланова,* на его могилѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ 9½ часовъ утра, офицеры *казачьяго отдѣла офицерской кавалерійской школы*, прибывшие на кладбище верхомъ, служили панихиду. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ Николаевской школы солдатскихъ дѣтей кавалерійской школы.

(Р. И.).

14-го марта, въ 10½ час. утра, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, л.-гв. Атаманскій Государя Наслѣдника Цесаревича полкъ служилъ панихиду на могилѣ генералъ-лейтенанта *Я. П. Бакланова*, по случаю исполнившагося 15-го марта столѣтія со дня его рожденія. Къ этому времени полкъ, въ полномъ составѣ, въ конномъ строю, прибылъ къ монастырю и, спѣшившись, лейбъ-атаманцы прошли къ могилѣ героя на монастырское кладбище. Сюда же прибыла депутація отъ 6-й л.-гв. Донской Его Величества батареи, въ составѣ офицера и двухъ нижнихъ чиновъ. Послѣ панихиды л.-гв. Атаманскій полкъ возложилъ на могилу роскошный вѣнокъ съ голубыми, цвѣта полка, лентами; затѣмъ всѣ присутствовавшіе офицеры и казаки во главѣ съ командиромъ полка, генералъ-маіоромъ Евреиновымъ, были сняты особо приглашеннымъ фотографомъ, живописно расположившись группой вокругъ памятника. Послѣ панихиды, всѣ лейбъ-атаманцы подходили къ могилѣ незабвеннаго героя поклониться его праху, причемъ офицеры давали объясненіе казакамъ о подвигахъ генерала.

15-го марта, въ годовщину столѣтія, въ полковой церкви въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и казаковъ была отслужена заупокойная литургія и панихида, послѣ которой всѣмъ казакамъ розданы портреты генерала Бакланова съ его краткимъ жизнеописаніемъ, а вечеромъ въ сотняхъ и командахъ для казаковъ офицерами были сдѣланы сообщенія.

Такъ почтена л.-гв. Атаманскимъ полкомъ память незабвеннаго героя Дона, своими подвигами и любовью къ ратному дѣлу дослужившагося изъ казака до чина генерала-лейтенанта.

Б. М—въ.

Въ качествѣ *Баклановца* по Кавказу, я обратился къ гг. командирамъ нѣсколькихъ донскихъ казачьихъ полковъ и батарей, состоящихъ на полевой службѣ, съ просьбою сообщить, какъ они чествовали день 15 марта (столѣтіе рожденія Я. П. Бакланова). Первымъ отозвался командиръ 6-й л.-гв. Донской Его Величества батареи полковникъ Порфирій Григорьевичъ *Чеботаревъ*. Онъ сообщилъ, что батарея чествовала память незабвеннаго Я. П. Баклаова, слѣдующимъ образомъ: 1) всей батареѣ было сдѣлано сообщеніе, имѣвшее цѣлью —возможно полнѣе охарактеризовать личность Бакланова, какъ казака, полководца и администратора: въ популярной формѣ былъ изложенъ длинный рядъ подвиговъ Як. П—ча; 2) всѣмъ казакамъ былъ выданъ большой портретъ генерала Бакланова съ его краткимъ жизнеописаніемъ (изданіе В. Б.). На оборотной сторонѣ портрета имѣлась надпись, удостовѣренная мною, съ приложеніемъ казенной печати: „По случаю столѣтія со дня рожденія генералъ лейтенанта Я. П. Бакланова, выдается портретъ сей казаку (такому-то) отъ л.-гв. Донской Его Величества батареи; 15—III—1909. Павловскъ“; 3) въ виду невозможности для батареи, въ полномъ составѣ, присутствовать на панихидѣ, при могилѣ героя, отъ батареи была наряжена депутація, которая, совмѣстно съ л.-гв. Атаманскимъ полкомъ, почтила память Балканова, утромъ 14 марта, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря (см. № 60 „Рус. Инв.“); 4) нижніе чины ознакомлены съ превосходною статьею П. Краснова, напечатанною въ № 59 „Рус. Инв.“; 5) командиру 17-го Донского казачьяго генерала Бакланова полка послана, въ Курскъ, слѣдующая телеграмма: „Донская Его Величества батарея, чествуя дорогую для каждаго донца память незабвеннаго героя Якова Петровича Бакланова, отъ полнаго сердца шлетъ привѣтъ лихимъ станичникамъ *Баклановцамъ*. Полковникъ *Чеботаревъ*.

Ф. К. Траилинъ.

Чествованіе

Я. П. Бакланова въ ст. Баклановской.

15 марта въ станицѣ Баклановской торжественно чествовался столѣтній юбилей со дня рожденія незабвеннаго станичника, генералъ-лейтенанта *Я. П. Бакланова*. Еще за нѣсколько дней до этого въ средѣ станичниковъ замѣчалось особенно приподнятое настроеніе, вызванное предстоявшимъ торжествомъ. Изъ устъ стариковъ, боевыхъ сподвижниковъ героя, полились самыя горячія воспоминанія и разсказы о былыхъ временахъ, о былыхъ походахъ. Изъ мѣстной школьной библіотеки книгу о генералѣ Баклановѣ брали буквально нарасхватъ: всякому страстно хотѣлось ознакомиться съ жизнью и подвигами своего великаго станичника.

Наконецъ, наступилъ торжественный день—15 марта. Станица украсилась флагами. И старый, и малый—всѣ въ праздничныхъ нарядахъ потянулись въ церковь, гдѣ въ началѣ литургіи мѣстный священникъ о. В. Поповъ произнесъ глубоко прочувствованное слово о генералѣ Баклановѣ. Въ своей получасовой рѣчи онъ раскрылъ передъ слушателями, главнымъ образомъ, душевныя качества донского героя. Особенно знаменателенъ былъ конецъ рѣчи, гдѣ священникъ обратился къ станичникамъ съ горячимъ призывомъ воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ Бакланова, т. е., чтобы они были преданы престолу, самоотверженны на службѣ и благородны въ своихъ поступкахъ. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ. По возбужденнымъ лицамъ и по блестѣвшимъ слезамъ на глазахъ видно было, что рѣчь оратора затронула живыя чувства и что призывъ его не пропадетъ даромъ, ибо не изсякъ еще въ донцахъ рыцарскій духъ.

Послѣ литургіи тысячная толпа направилась къ зданію станичнаго правленія. Здѣсь во дворѣ выстроился парадъ, ветераны, соратники героя, и ученики мѣстной школы. Парадъ принималъ есаулъ Кузнецовъ. Интересно было смотрѣть на „дѣдовъ“—былыхъ воякъ. Много уже лѣтъ прошло въ ихъ жизни, но они смотрѣли еще бодро, въ ихъ глазахъ горѣлъ воинственный огонь, груди многихъ были украшены знаками отличія. Давно прошедшая боевая служба, полная опасностей,

наложила на старческихъ лицахъ печать отваги, энергіи и своеобразной прелести, понятной только воинственнымъ сына Дона.

По окончаніи парада, въ зданіи станичнаго правленія была отслужена заупокойная панихида, во время которой вся станичная администрація и масса народу, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, усердно молились объ упокоеніи души раба Божія Іакова, такъ много перенесшаго испытаній во время своего земного существованія. По окончаніи панихиды, священникъ провозгласилъ тостъ въ честь покойнаго станичника и при этомъ высказалъ пожеланіе, чтобы Донская страна побольше производила подобныхъ героевъ. Единодушное и громкое „ура“ было отвѣтомъ на этотъ тостъ. По уходѣ священника, казаки усѣлись за приготовленные столы и началась поминальная трапеза, при полномъ соблюденіи соотвѣтствующаго случаю порядка.

Баклановецъ.

Значекъ генерала Бакланова.

Государь Императоръ, въ 21 день іюня 1909 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 17-му Донскому казачьему генерала Бакланова полку, взамѣнъ нынѣ установленнаго полкового значка, присвоить значекъ генералъ-лейтенанта Бакланова, согласно рисунку и описанію.

Краткое описаніе значка генералъ-лейтенанта Бакланова для 17-го Донского казачьяго полка.

Значекъ дѣлается изъ черной шерстяной матеріи (стамеда или кашемира), квадратный, длиною и шириною 1¼ аршина; на срединѣ полотнища съ одной стороны вышита Адамова голова на крестообразно сложенныхъ двухъ костяхъ, сверху которой полукругомъ идетъ надпись: „Чаю воскресенія мертвыхъ“, а снизу „и жизни будущаго вѣка. Аминь“; съ другой же стороны полотнища „17 п.“—Голова, кости и буквы—бѣлыя.

Стипендія генерала Бакланова.

Военный Совѣтъ журналомъ, 13 августа 1909 г., положилъ:

1) Въ Донскомъ Императора Александра III кадетскомъ корпусѣ одну изъ войсковыхъ стипендій наименовать: *стипендіей генерала Бакланова*", предоставивъ ее для потомковъ его—казачьяго сословія Войска Донского, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ—для сыновей лицъ войскового сословія станицы Баклановской, сохранивъ право избранія малолѣтнихъ для замѣщенія означенной стипендіи за Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Войска Донского.

2) Разрѣшить ежегодный отпускъ изъ общаго войскового капитала въ размѣрѣ *пятидесяти руб.* для выдачи Воскресенскому дѣвичьему монастырю въ Петербургѣ для ухода и поддержанія въ порядкѣ памятника генералу Бакланову.

3) Наблюденіе за означеннымъ памятникомъ возложить на командира л.-гв. Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка.

Пунктъ 1-й сего положенія Высочайше утвержденъ 16 сентября 1909 года.

Призы генералъ-лейтенанта Бакланова за стрѣльбу.

Военный Совѣтъ, журналомъ 13 августа 1909 года, положилъ:

1) Въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія генералъ-лейтенанта Якова Петровича *Бакланова*, для увѣковѣченія среди военнослужащихъ чиновъ войска Донского памяти его, какъ отличнаго стрѣлка, установить въ названномъ войскѣ особые, за стрѣльбу изъ винтовокъ, денежные призы имени покойнаго: а) одинъ въ 200 рублей для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ частей Донского войска, находящихся на дѣйствительной службѣ, полевой и мѣстной (мѣстныхъ командъ и команды рыбныхъ ловель), и б) три—для нижнихъ чиновъ тѣхъ же частей, въ суммѣ 100 руб.: первый—50 руб, второй—35 руб. и третій—15 руб.

2) Призы эти выдавать офицеру и 3-мъ нижнимъ чинамъ, выполнившимъ въ данный годъ установленныя закономъ условія для

полученія призовъ и имѣющихъ при этомъ, изъ всѣхъ пріобрѣвшихъ право на нихъ, наименьшую сумму квадратовъ номеровъ.

Присужденіе сихъ призовъ возложить на войсковой штабъ, а о результатѣ присужденія объявлять въ приказѣ Донскому войску.

3) Первымъ призамъ, установленнымъ приказомъ по военному вѣдомству 1903 г. № 285, для офицеровъ и казаковъ за состязательную стрѣльбу во время учебныхъ лагерныхъ сборовъ льготныхъ и приготовительнаго разряда казаковъ Донского войска, присвоить наименованіе: призовъ генералъ-лейтенанта Бакланова.

Пункты 1-й и 3-й сего положенія Высочайше утверждены 16 сентября 1909 г.

(Приказъ по воен. вѣд. 30 сент. 1909 г. № 443).

Баклановскія пѣсни.

Пораженіе Баклановымъ чеченцевъ при р. Мичикѣ.

Баклановцы молодцы
Вспомнимъ, какъ недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно.
За Аргуномъ, по Большой
Сторонѣ Чеченской,
Вдругъ надвинулъ на насъ строй
Въ славный день Крещенскій.
За рѣкою Мичукомъ
Насъ февраль прославилъ,

Въ восемнадцатое число
Онъ насъ призабавилъ.
Тотъ счастливый нашъ день былъ,
Въ памяти остался,
Нашъ Бакланъ враговъ разилъ,
Мичукъ кровью обливался.
Борятинскій предводилъ
Храбрыми войсками,
Онъ безстрашно проходилъ
Между горъ, лѣсами.
Подполковникъ нашъ Баклановъ
Стоялъ передъ строемъ,
Ободрялъ онъ молодцовъ,
Своихъ онъ героевъ.
Онъ приказы отдавалъ
Всѣмъ своимъ героямъ,
Три, четыре пули (⁵) далъ,
Не попалъ—отставилъ.

Трехдневный бой съ Шамилемъ.

Во сорокъ шестомъ (1846) году
Собиралъ Шамиль орду,
Собралъ онъ чеченцевъ
И ведетъ ихъ подъ насъ,
Да не въ первый это разъ.
А мы въ лагерь выходили,
Гдѣ чеченскій былъ пріютъ,
Тамъ и крѣпость утвердили
И назвали Хасавъ-Юртъ.
Вотъ чеченцы собирались,
Думу думали, какъ быть?
Всѣми силами старались
Какъ бы съ лагеря насъ сбить!
Три дни по насъ палили,
Пули сыпались, какъ градъ,
На Троицу выходили,
У насъ общій былъ парадъ.

(⁵) Залпа.

Подполковничекъ Баклановъ,
Храбрый воинъ, впереди,
Онъ украшенъ орденами,
Знакъ съ короной на груди!
Онъ сказалъ намъ: „ну-ко, братцы,
Съ Божьей помощью впередъ:
Не поддержутъ врага шанцы,
Черезъ рѣчку найдемъ бродъ!“
Мы копьями доказали,
Будто тѣ же егеря:
Подполковничекъ Баклановъ—
Всѣмъ примѣромъ у Царя!

Баклановъ подъ Карсомъ.

За горами, за скалами, русскій лагерь тамъ разбитъ.
Какъ подъ городомъ подъ Карсомъ генералъ Бакланъ стоитъ;
Онъ покрылъ крутыя горыя и орудья наводилъ,
Турокъ армію построилъ, всѣ поляны захватилъ.
Генералъ-маіоръ Баклановъ къ нему шаромъ подкатилъ;
Генералъ-маіоръ Баклановъ какъ орелъ съ нами леталъ,
Утромъ рано, по тревогѣ, гдѣ турецкій лагерь былъ,
Мы тамъ пиками кололи, самъ Баклановъ съ нами былъ.
Къ намъ Баклановъ подбѣгалъ, насъ съ побѣдой поздравлялъ.
Вотъ, спасибо, мои други, вообще всѣмъ намъ сказалъ.
И по Дону пойдетъ слава, совершились чудеса,
Матерь Божья идетъ съ нами, веселятся небеса.

Штурмъ Карса.

Приказалъ Баклановъ палатки снимать,
Вѣрно ужъ намъ, братцы, въ походъ выступать,
Въ походъ не далекій, подъ городъ подъ Карсъ.
Во городѣ Карсѣ не пыль-то курить,
Молонья блистаетъ, сильный громъ гремитъ:
Вѣрно гренадеры съ турками сразились.
Казаки донскіе по флангамъ стоятъ,
Шашками блистаютъ, подраться хотятъ.
Прошли они стѣны, пошли на ура!

Били и рубили, крѣпко ранили.
Назадъ возвращались слезно плакали:
Наши друзья—братья ранены лежатъ,
Руки, ноги нѣту, всѣ смерти хотятъ.

Объясненія къ рисункамъ.

На обложкѣ.

Фотографическій портретъ Я. П. Бакланова (фотогр. Дунина, въ Новочеркасскѣ, 1863 г.). Поступилъ въ даръ Донскому Музею отъ И. С. Кіевскаго, въ 1909 году.

Къ начальному полулисту, предъ предисловіемъ.

Кавказскій фотографическій портретъ Я. П. Бакланова (фотогр. Э. Вестли, въ Тифлисѣ), съ собственноручною надписью на оборотной сторонѣ: „Богдану Егорьевичу Барону Мейендорфу. Г.-Л. Баклановъ". Присланъ въ даръ Донскому музею отъ генерала Б. Е. Мейендорфа, командовавшаго Казанскимъ военнымъ округомъ, чрезъ родственника его графа В. И. Орлова-Денисова, въ 1905 году.

Къ начальному полулисту, послѣ предисловія.

Изображеніе коннаго *ординарца* Я. П. Бакланова съ его *значкомъ*, изъ Біографическаго Очерка—Потто, стр. 109.

Изображеніе *поединка* Я. П. Бакланова со стрѣлкомъ-тавлинцемъ, поклявшимся своею жизнью застрѣлить Бакланова. Тамъ же, стр. 121.

Стр. 5.

Большой металлическій вызолоченный, осьмиконечный *крестъ*, съ изображеніемъ распятія Христа Спасителя и текстомъ на оборотной сторонѣ славословія кресту. Этимъ крестомъ благословилъ Я. П. Бакланова отецъ его Петръ Дмитріевичъ при поступленіи сына на службу. Во всѣхъ битвахъ съ непріятелемъ Яковъ Петровичъ имѣлъ при себѣ этотъ крестъ и хранилъ его до конца жизни.

Въ настоящее время благословенный крестъ Я. П. Бакланова хранится, въ числѣ другихъ его реликвій, въ Донскомъ историческомъ музеѣ, куда онъ переданъ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Войска Донского, генералъ-лейтенантомъ, Барономъ *Ф. Ф. Таубе,* по просьбѣ котораго доставленъ его превосходительству дочерью покойнаго героя А. Я. Лагутиною, въ 1909 году.

Стр. 127.

Фотографическій портретъ Я. П. Бакланова, снятый на одномъ изъ биваковъ Августовскаго отряда осенью 1868 г. (на плеча накинута лисья шуба), съ надписью на оборотной сторонѣ: „Генералъ-Лейтенантъ Баклановъ". Поступилъ въ даръ Донскому

музею отъ генералъ-лейтенанта А. М. Грекова, въ 1907 году. Надпись на обложкѣ.

Тутъ же объѣздъ Я. П. Баклановымъ Августовскаго отдѣла въ простой перекладной почтовой тележкѣ, безъ конвоя (Потто, стр. 209 и 210).

Стр. 153.

Боевая кавказская шашка Я. П. Бакланова, лично имъ подаренная въ 1862 г., сыну бывшаго въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ при Войсковомъ Наказномъ Атаманѣ Г. І. Бокова, въ знакъ особаго расположенія къ нему, Ермію Гавриловичу, тогда 13-лѣтнему гимназисту, отличавшемуся храбростію на кулачкахъ, отъ котораго она и поступила въ даръ Донскому музею, въ 1908 году.

На томъ же рисункѣ изображенъ черкесскій булатный кинжалъ изъ кавказскихъ трофеевъ Я. П. Бакланова, поступившій въ даръ Донскому музею отъ подъесаула Г. А. Апостолова.

Стр. 161.

Двухстороннее изображеніе *серебрянаго рубля* 1802 г., пробитаго къ одному краю пулею во время жаркаго дѣла съ чеченцами. Рубль этотъ находился въ карманѣ жилета и предохранилъ Я. П—ча отъ смертельной раны.

Поступилъ въ Донской музей отъ Войскового Наказнаго Атамана, генералъ-лейтенанта, Барона Ф. Ф. Таубе, въ числѣ другихъ предметовъ, полученныхъ отъ А. Я. Лагутиной (см. выше № 4).

Стр. 162.

Изображеніе боевого отряда подъ предводительствомъ Я. П. Бакланова при рѣчкѣ Мичикѣ, изъ книги „Картины былого Тихаго Дона"—П. Н. Краснова. Спб. 1909 г., стр. 401.

Оглавленіе.

Стр.

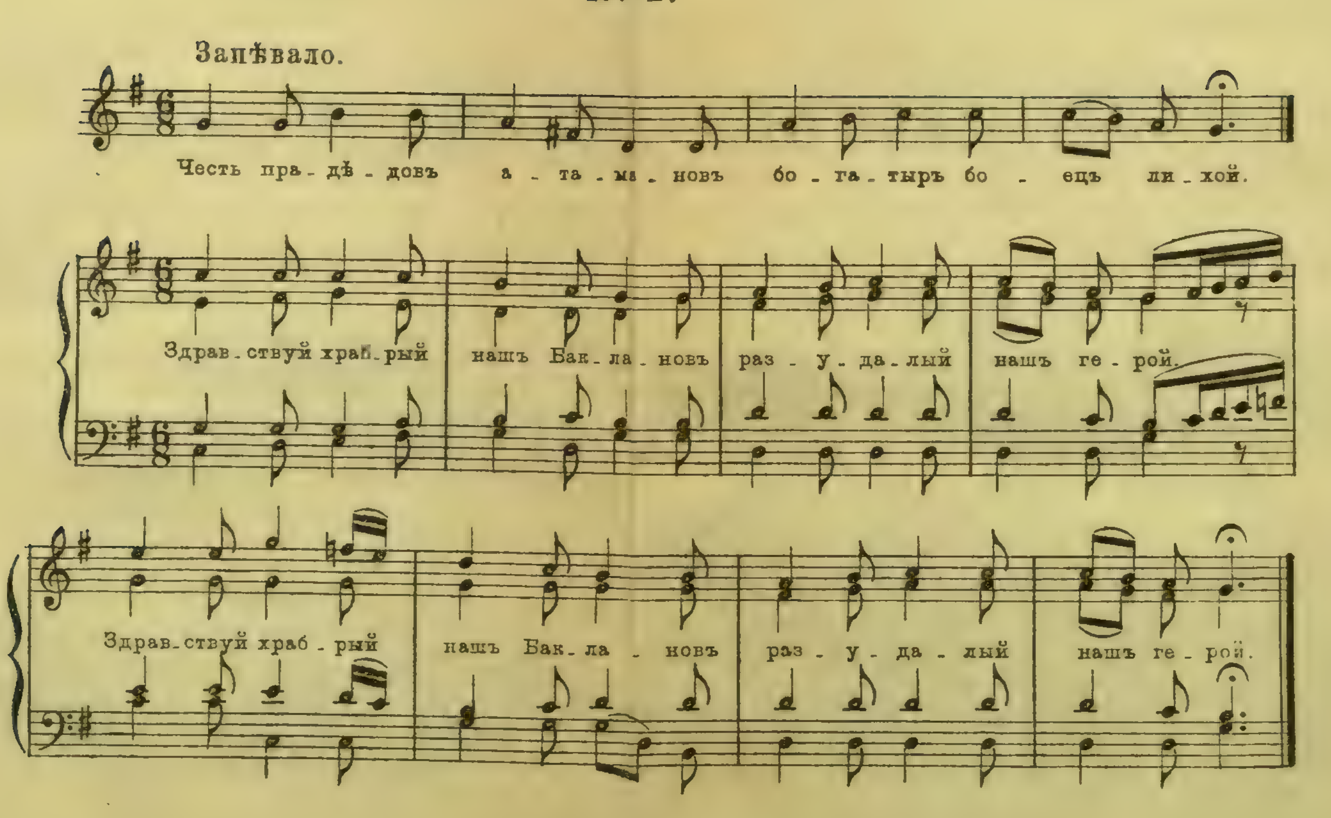
ПѢСНИ

въ честь

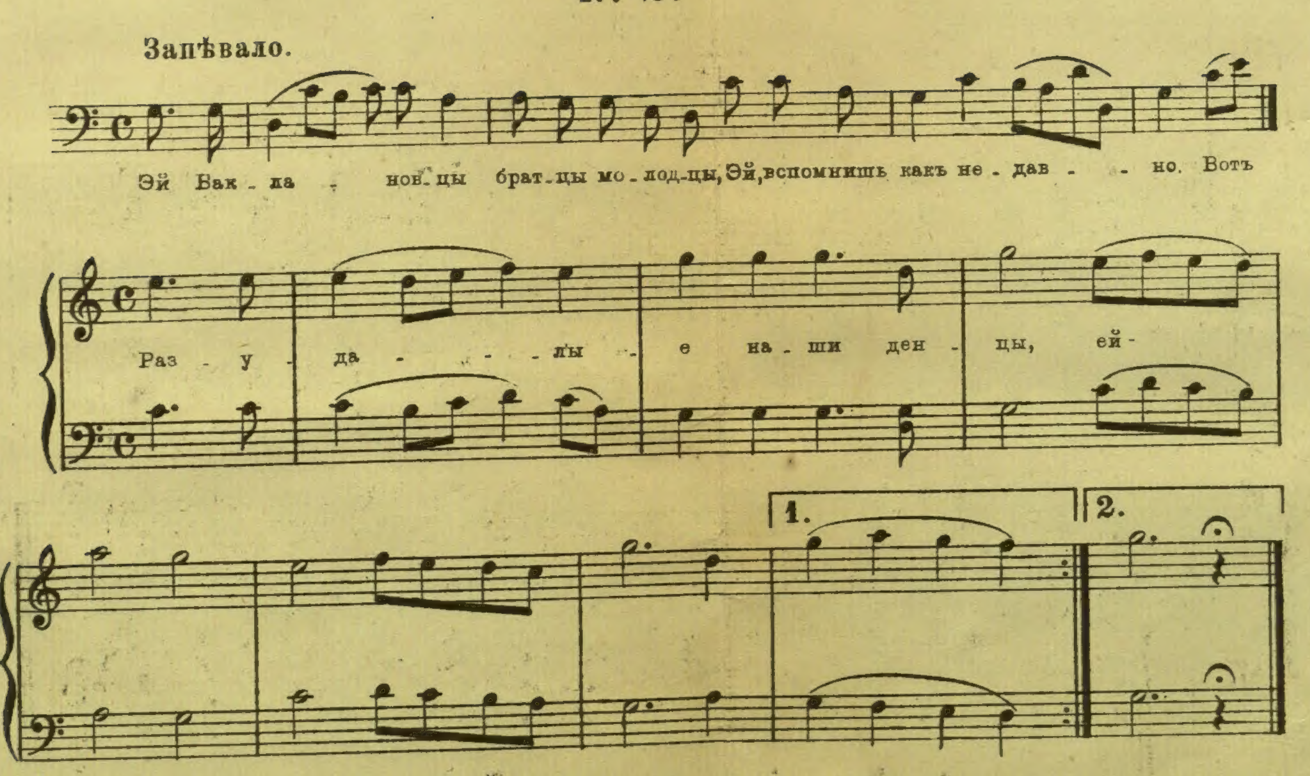
Я. П. Бакланова
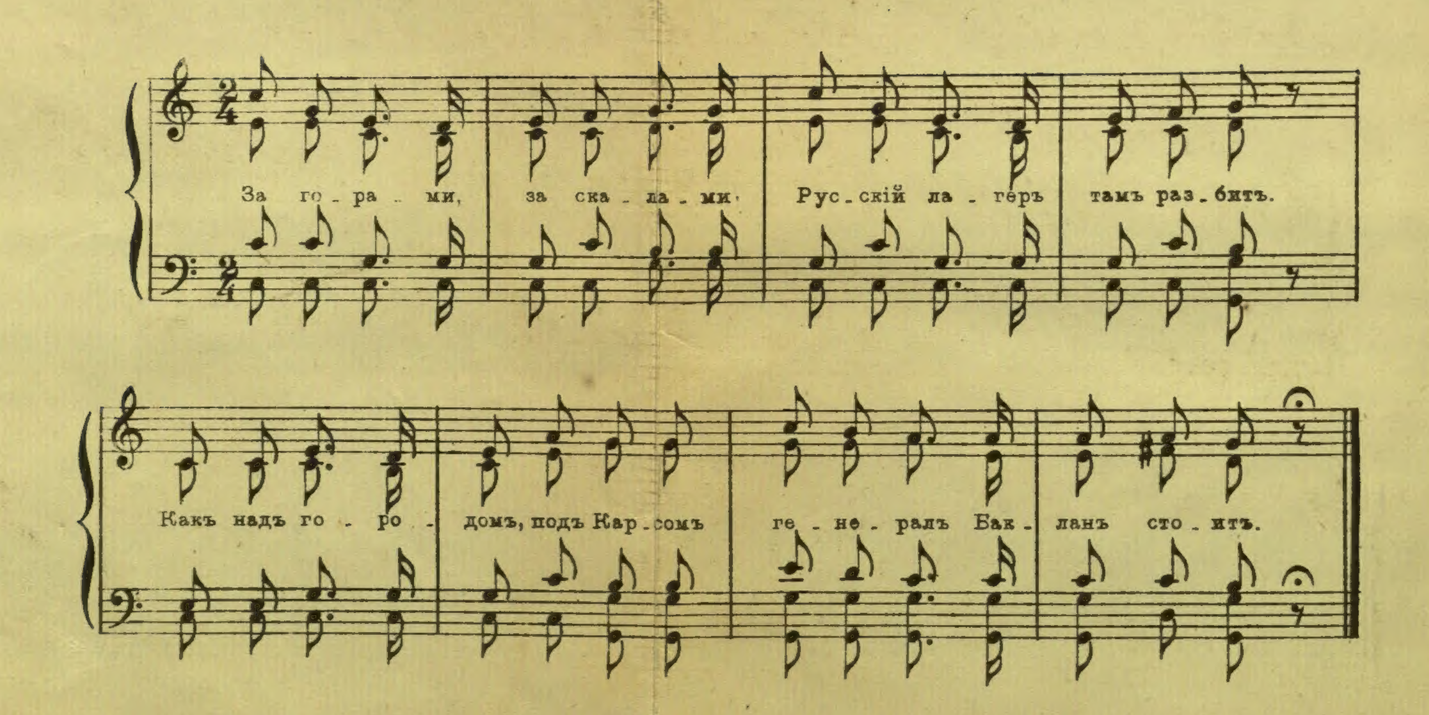

№ 1.

Запѣвало.
Честь пра - дѣ - довъ а - та - ма - новъ бо - га - тыръ бо - ецъ ли - хой.
Здрав - ствуй храб - рый наш Бак - ла - новъ раз - у - да - лый нашъ ге - рой.
Здрав - ствуй храб - рый нашъ Бак - ла - новъ раз - у - да - лый нашъ ге - рой.

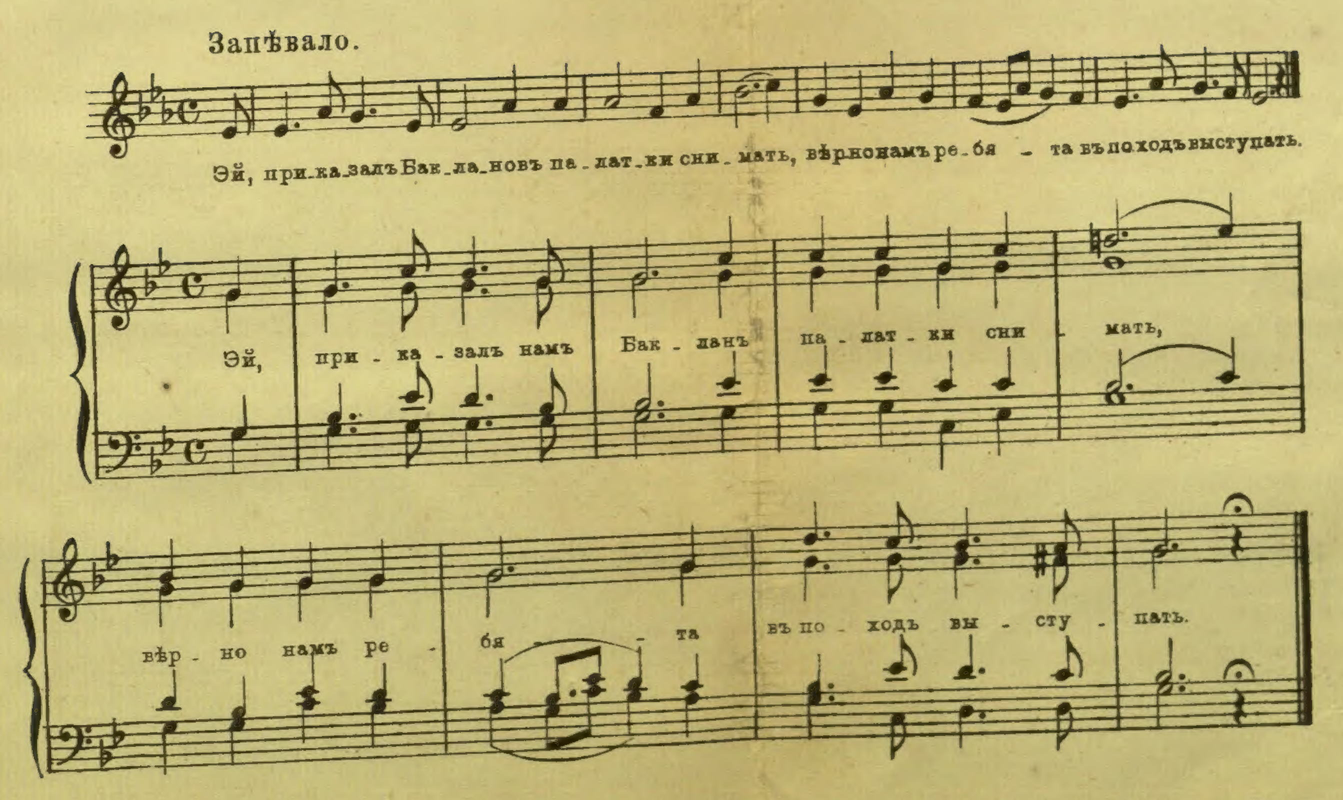
№ 2.

Запѣвало.
Эй Бак - ла - нов - цы брат - цы мо - лод - цы, Эй, вспомнишь какъ не - дав - - но. Вотъ
Раз - у - да - - - лы - е на - ши ден - цы, ей -
1.
2.

№ 3.

За го - ра - ми, за ска - ла - ми. Рус - скій ла - герь тамъ раз - битъ.
Какъ надъ го - ро - домъ, подъ Кар - сомъ ге - не - ралъ Бак - ланъ сто - итъ.

№ 4.

Нотопечатня Г. М. Пуховича въ Ростовѣ на Дону.